



Ольга Малышкина

ТАМ ЧУДОСА: ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ

Сказки









Ольга Малышкина

ТАМ ЧУДЕСА:
ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...

Сказки





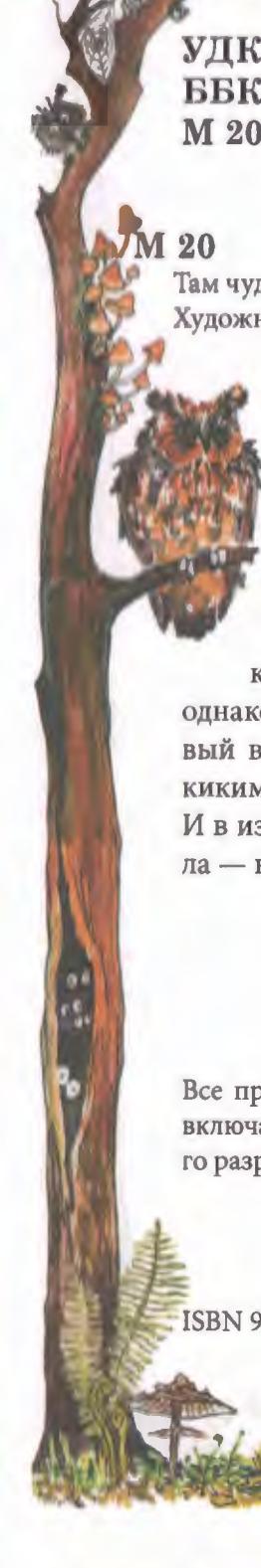
**УДК 398.21
ББК 82.3стд1-442
М 20**

Малышкина О. В.

М 20

Там чудеса: там леший бродит... Сборник сказок / Ольга Малышкина.
Художник Е. Зарубина. — М.: Изд-во «РуДа», 2024. — 130 с. — цв. ил.

ISBN 978-5-9073559-7-2



Что главное в сказке? Чудо, не правда ли? Чудо, которое делает даже самые злые сердца добрыми, а мир вокруг нас — волшебным и удивительным. В этом мире есть тридевятые царства с тридцатиющими государствами, красавицы царевны и удачные молодцы, колдуны и феи; здесь в садах растут прекрасные цветы, однако можно встретить и самые простые — но лишь на первый взгляд! — одуванчики; в здешних лесах водятся леши, кикиморы, водяные с русалками — да всех разве перечислить! И в избушке на курьих ножках живёт Баба-яга, которая решила — в кои-то веки! — отпраздновать свой юбилей...

Для младшего и среднего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве.

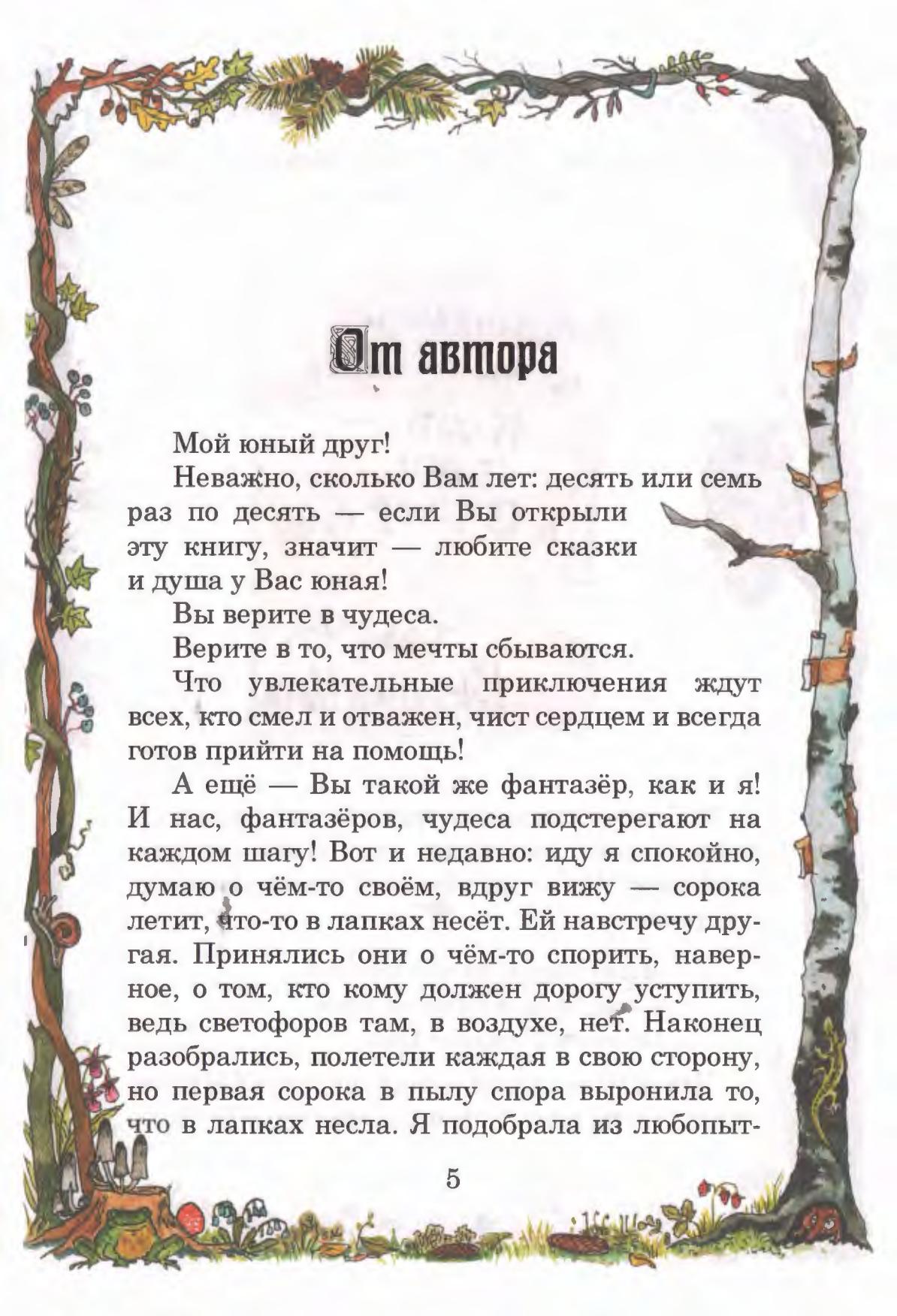
Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.



ISBN 978-5-9073559-7-2

© Малышкина О. В., 2024 — текст.

© Зарубина Е. В., 2024 — илл.



От автора

Мой юный друг!

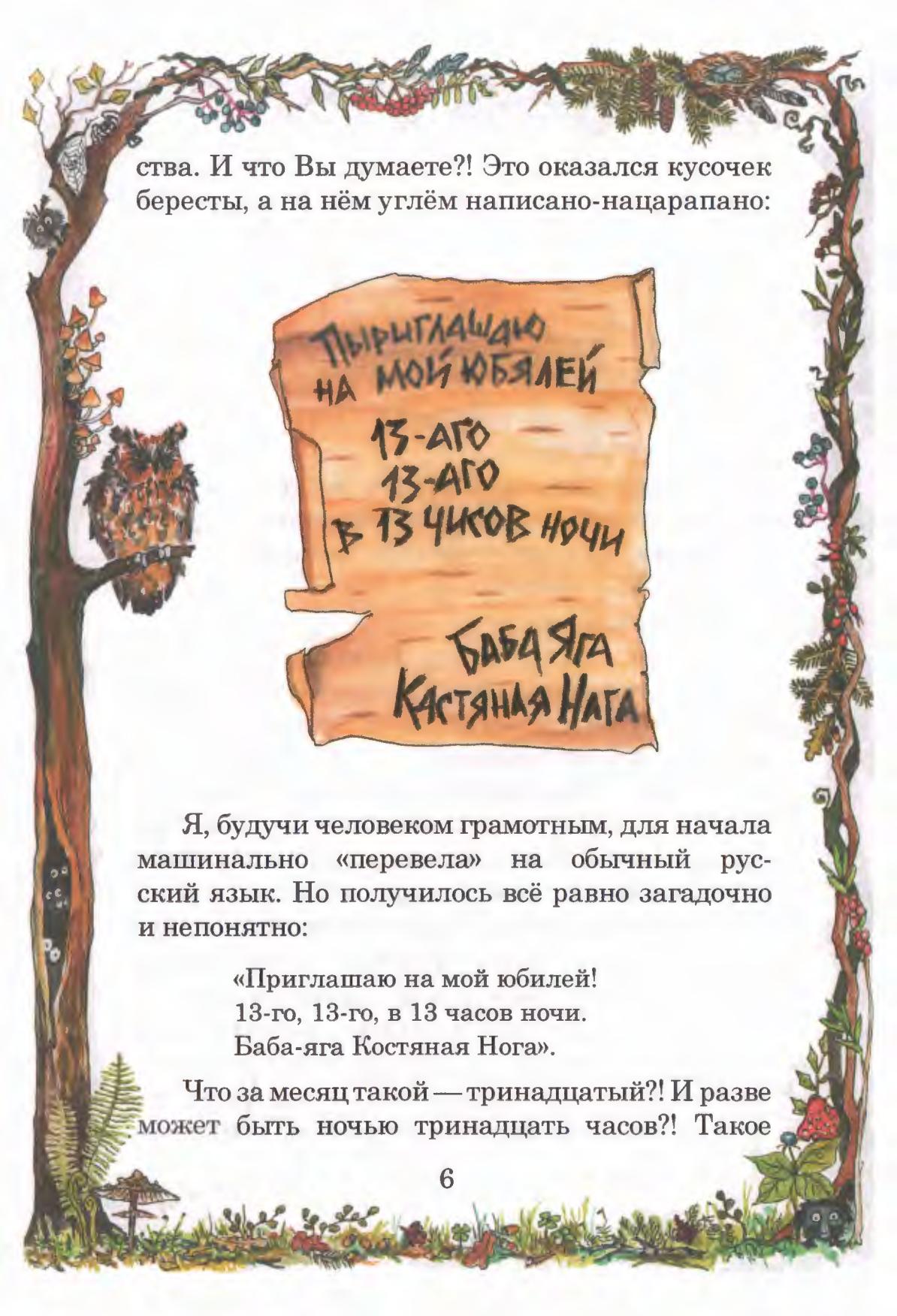
Неважно, сколько Вам лет: десять или семь раз по десять — если Вы открыли эту книгу, значит — любите сказки и душа у Вас юная!

Вы верите в чудеса.

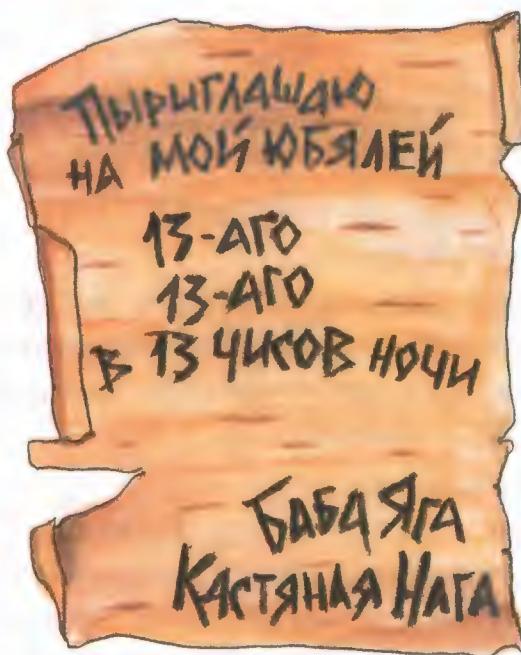
Верите в то, что мечты сбываются.

Что увлекательные приключения ждут всех, кто смел и отважен, чист сердцем и всегда готов прийти на помощь!

А ещё — Вы такой же фантазёр, как и я! И нас, фантазёров, чудеса подстерегают на каждом шагу! Вот и недавно: иду я спокойно, думаю о чём-то своём, вдруг вижу — сорока летит, что-то в лапках несёт. Ей навстречу другая. Принялись они о чём-то спорить, наверное, о том, кто кому должен дорогу уступить, ведь светофоров там, в воздухе, нет. Наконец разбрались, полетели каждая в свою сторону, но первая сорока в пылу спора выронила то, что в лапках несла. Я подобрала из любопыт-



ства. И что Вы думаете?! Это оказался кусочек бересты, а на нём углём написано-нацарапано:



Я, будучи человеком грамотным, для начала машинально «перевела» на обычный русский язык. Но получилось всё равно загадочно и непонятно:

«Приглашаю на мой юбилей!
13-го, 13-го, в 13 часов ночи.
Баба-яга Костяная Нога».

Что за месяц такой — тринадцатый?! И разве может быть ночью тринадцать часов?! Такое



ведь только днём бывает! И... неужели действительно послание написано Бабой-ягой?!

Хотела было сороку догнать и расспросить. Да где там! Во-первых, уже улетела. Во-вторых, даже если бы и догнала, и расспросила — я же по-сорочьи всё равно не понимаю!

Пришлось самой додумывать, что к чему.
А помогали мне

персонажи славянской мифологии:

Леший — дух — хозяин леса.

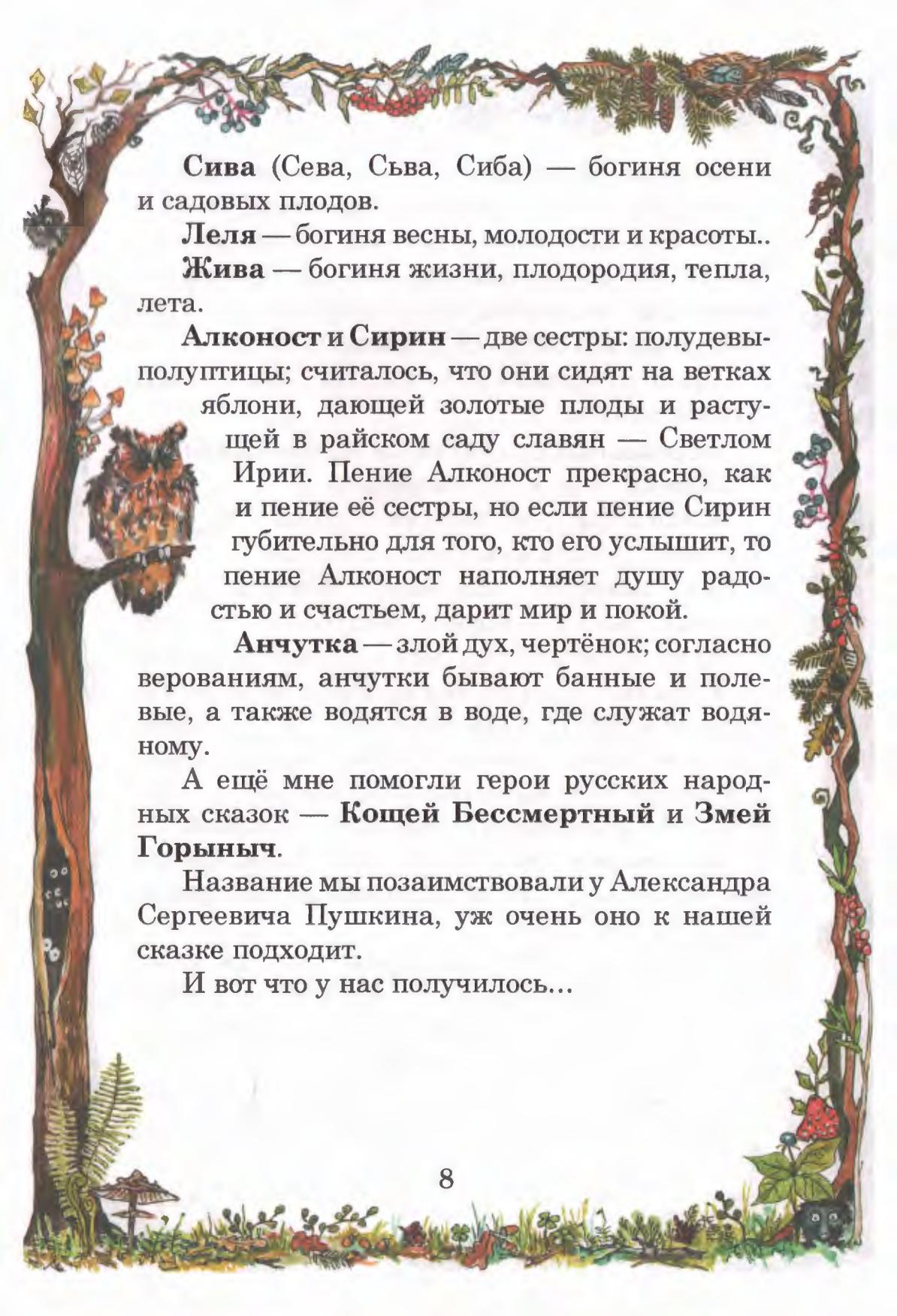
Кикимора — женский образ домового; почталаась славянами как ночное божество; кикиморы обитали в домах, банях и прочих постройках, особого вреда не приносили, но пугали людей по ночам.

Русалки — духи, связанные с водоёмами; считалось, что они опекают поля, леса и воды; представлялись нашим предкам маленькими девочками или молодыми девушками с распущенными волосами и очень бледной кожей.

Водяной — дух, обитающий в воде, хозяин вод; воплощает стихию воды как нечто отрицательное и опасное.

Волколак — человек-оборотень, на определённое время превращающийся в волка; считалось, что в основном такой способностью обладают колдуны и ведьмы.

Карачун — божество «нижнего мира», повелитель морозов, холода и мрака.



Сива (Сева, Сьва, Сиба) — богиня осени и садовых плодов.

Леля — богиня весны, молодости и красоты..

Жива — богиня жизни, плодородия, тепла, лета.

Алконост и Сирин — две сестры: полудевы-полуптицы; считалось, что они сидят на ветках яблони, дающей золотые плоды и растущей в райском саду славян — Светлом Ирии. Пение Алконост прекрасно, как и пение её сестры, но если пение Сирин губительно для того, кто его услышит, то пение Алконост наполняет душу радостью и счастьем, дарит мир и покой.

Анчутка — злой дух, чертёнок; согласно верованиям, анчутки бывают банные и полевые, а также водятся в воде, где служат водяному.

А ещё мне помогли герои русских народных сказок — **Кошеч Бессмертный** и **Змей Горыныч**.

Название мы позаимствовали у Александра Сергеевича Пушкина, уж очень оно к нашей сказке подходит.

И вот что у нас получилось...

ТАМ ЧУДЕСА: ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...

Эта волшебная история произошла в лесу. А вот в каком именно — неизвестно. Может, в сибирской тайге. Может, в дальневосточной. Может, на Урале. А то, может, и вовсе где-нибудь в Подмосковье, там ведь тоже лесов много и звери всякие водятся. И не только звери, но и существа, которых принято считать сказочными. Перечислять — пальцев на обеих руках не хватит! Лешие — за порядком в лесу надобно же кому-то следить. Кикиморы — раньше только в домах жили, а потом и по другим местам расселились. Русалки — причём не с рыбьим хвостом, такие лишь за границей встречаются, а с обычными ногами. Водяные — вот у них по-разному бывает: у кого вместо ног хвост рыбий, тот на сушу выбраться не может, в болотах обитает да в озёрах лесных, а у кого лапы звериные, хоть и с перепонками, те и по берегу бродят, рыбаков пугают. Волколаки — их ещё с оборотнями путают, вот только волколаки на лунный свет не реагируют, им без раз-



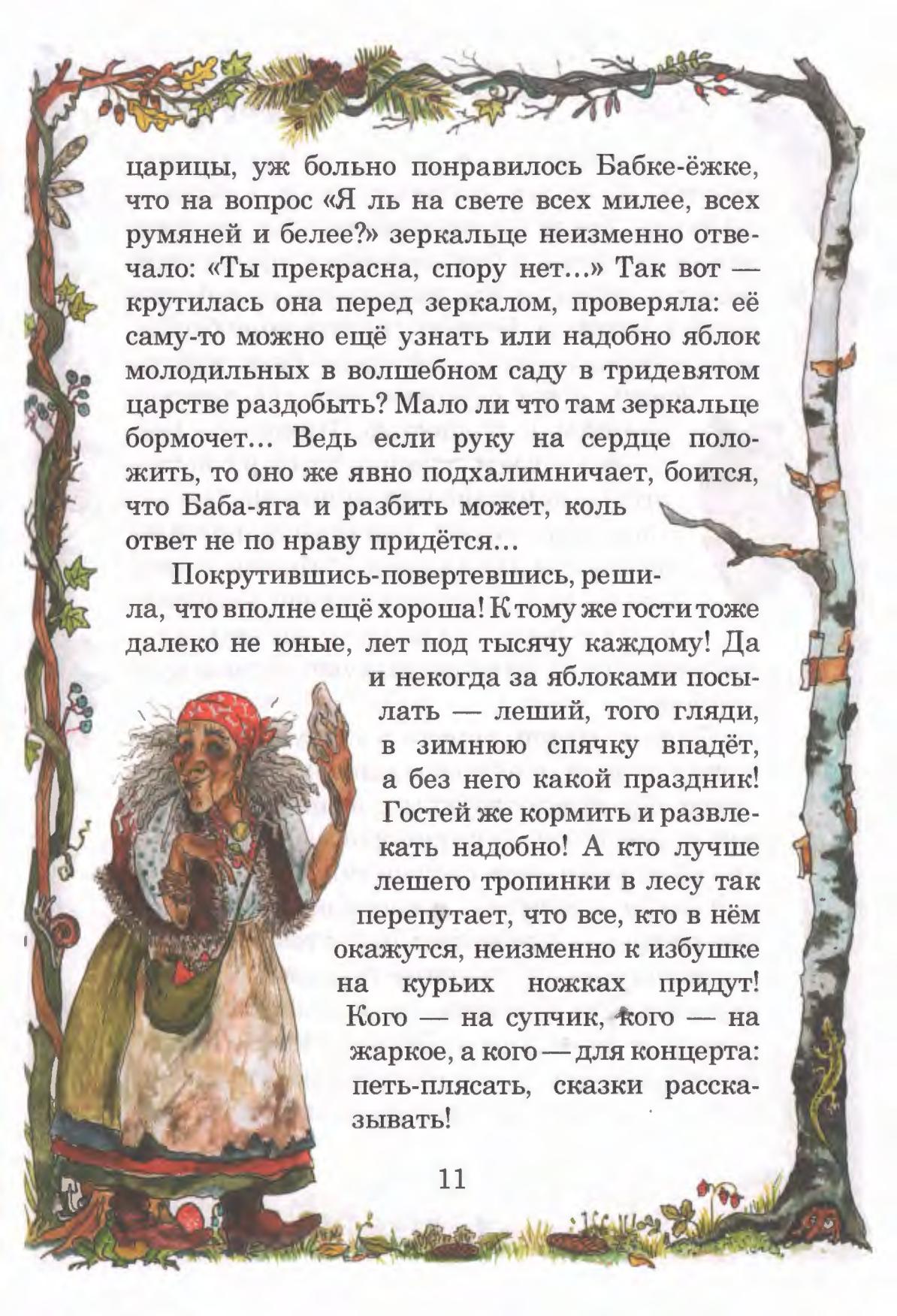
ницы, когда в волка превращаться — утром, днём, вечером или ночью. Да, собственно, и превращаются они в волка лишь тогда, когда в человеческом обличье с какой-нибудь проблемой справиться не могут: через бурелом, например, человеку пробираться сложно, ноги можно переломать, а волку — запросто.

Ну и Баба-яга по прозвищу Костяная нога — без неё почти ни одна сказка не обходится. Да всех разве упомнишь...

Однажды, в самом начале зимы, когда ещё ни реки, ни озёра льдом не сковало, а только снежок первый тонким слоем землю прикрыл да деревья слегка

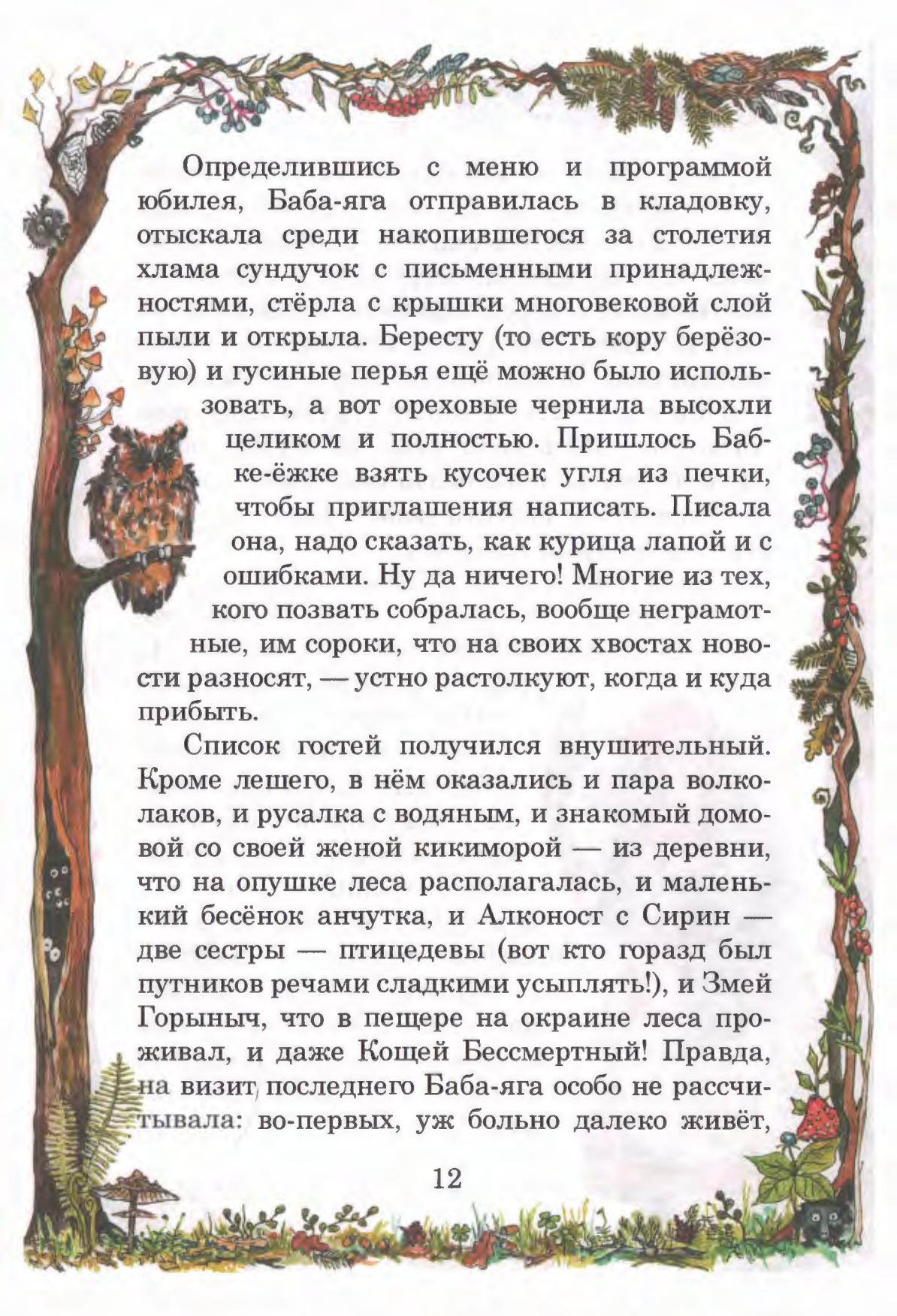
припорошил, поползли по лесу слухи, что Баба-яга день рождения отмечать собралась. И не простой, а юбилейный — то ли пятьсот лет ей стукнуло, то ли семьсот — она и сама толком не знала. Свидетельства о рождении у неё за давностью не сохранилось, а паспорта отродясь не было. А если уж по совести говорить, то и дату своего рождения Баба-яга не помнила. Просто — скучно ей стало, захотелось веселья, гостей. А юбилей, как ни крути, повод для вкусного застолья, да и вообще — уж сколько со своими сказочными друзьями-приятелями не виделась, многих и в лицо небось не признает.

Сначала, правда, долго перед зеркалом крутилась. В своё время стащила его у одной



царицы, уж больно понравилось Бабке-ёжке, что на вопрос «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» зеркальце неизменно отвечало: «Ты прекрасна, спору нет...» Так вот — крутилась она перед зеркалом, проверяла: её саму-то можно ещё узнать или надобно яблок молодильных волшебном саду в тридевятом царстве раздобыть? Мало ли что там зеркальце бормочет... Ведь если руку на сердце положить, то оно же явно подхалимничает, боится, что Баба-яга и разбить может, коль ответ не по нраву придётся...

Покрутившись-повертелась, решила, что вполне ещё хороша! К тому же гости тоже далеко не юные, лет под тысячу каждому! Да и некогда за яблоками посыпать — леший, того гляди, в зимнюю спячку впадёт, а без него какой праздник! Гостей же кормить и развлекать надо! А кто лучше лешего тропинки в лесу так перепутает, что все, кто в нём окажутся, неизменно к избушке на курьих ножках придут! Кого — на супчик, кого — на жаркое, а кого — для концерта: петь-плясать, сказки рассказывать!



Определившись с меню и программой юбилея, Баба-яга отправилась в кладовку, отыскала среди накопившегося за столетия хлама сундучок с письменными принадлежностями, стёрла с крышки многовековой слой пыли и открыла. Бересту (то есть кору берёзовую) и гусиные перья ещё можно было использовать, а вот ореховые чернила высохли целиком и полностью. Пришлось Бабке-ёжке взять кусочек угля из печки, чтобы приглашения написать. Писала она, надо сказать, как курица лапой и с ошибками. Ну да ничего! Многие из тех, кого позвать собралась, вообще неграмотные, им сороки, что на своих хвостах новости разносят, — устно растолкуют, когда и куда прибыть.

Список гостей получился внушительный. Кроме лешего, в нём оказались и пара волколаков, и русалка с водяным, и знакомый домовой со своей женой кикиморой — из деревни, что на опушке леса располагалась, и маленький бесёнок анчутка, и Алконост с Сирин — две сестры — птицедевы (вот кто горазд был путников речами сладкими усыплять!), и Змей Горыныч, что в пещере на окраине леса проживал, и даже Кощей Бессмертный! Правда, на визит последнего Баба-яга особо не рассчитывала: во-первых, уж больно далеко живёт,



за тридевять земель, а во-вторых, в ссоре они уж несколько столетий пребывают. Причину за давностью лет ни Кошечей, ни Яга не помнили, но общаться не общались. Вот и подумала Бабка-ёжка: не воспользоваться ли юбилеем, чтобы с Кощеем помириться. Ежели явится, конечно.

Праздник назначила на 13-е число 13-го месяца в 13 часов ночи. Да-да! Не удивляйтесь. Это в человеческом мире в году всего двенадцать месяцев, а 13 часов только днём бывают, а в сказочном, где число 13 пользуется популярностью, всё возможно!

Вот и гостей Бабка-ёжка позвала столько, чтобы вместе с ней, юбилиаршей, тоже тринацать получилось.

Разлетелись сороки в разные концы — приглашения разносить. А Баба-яга волшебное яблочко по блюдечку с золотой каёмочкой катает, смотрит, кто как на зов её откликнется: кто улыбнётся, кто усмехнётся, а кто фыркнет да сплюнет. Но нет, обошлось вроде. Наверное, все по праздникам да по вкусной еде соскучились. Даже Кошечей — и тот не смог довольной ухмылки сдержать. Тоже небось о примирении мечтал. Тоскливо, видать, ему одному в чертогах его каменных.

Бабка-ёжка и не подозревала, какую злую шутку сыграл с ней возраст! Ошиблась она все-таки! Наверное, и на самом деле была гораздо

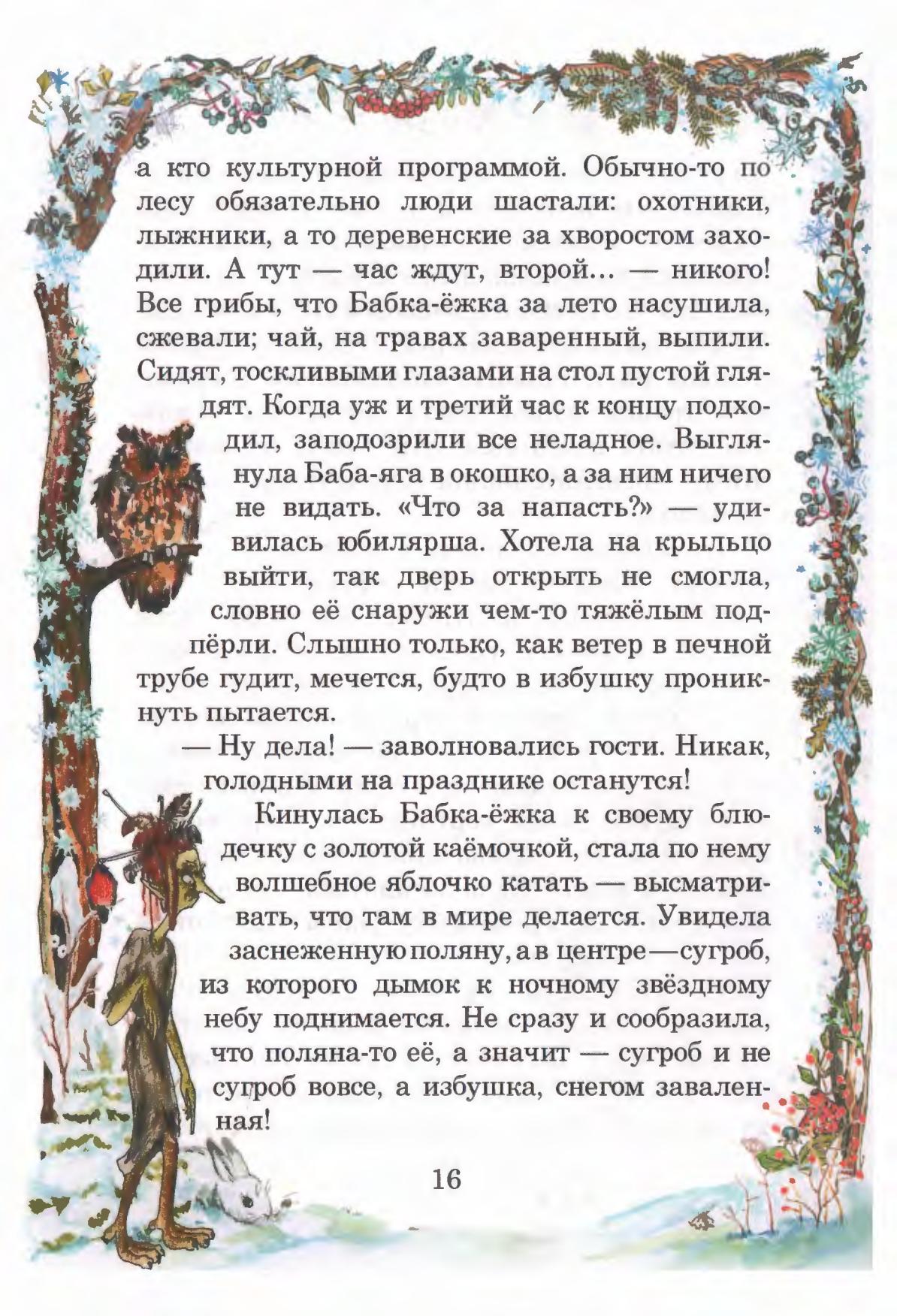
старше даже семисот лет. Потому что память уж слабовата стала... Впрочем, может, и с точностью до наоборот — не старше, а гораздо моложе... И память не слабовата, а просто — девичья. В чём бы причина ни крылась, а случилось непоправимое! Забыла Яга, что за окном зима и тот самый сказочный 13-й месяц, на который она же самолично праздник и назначила! **ГЛАВНОГО** не пригласила! Каракуна — того, кто холодом, снегом да метелями командует! Ну вылетело совершенно из Бабки-ёжкиной головы, что каждое время года своего повелителя имеет! Они ж не постоянные, как леший, например, или водяные с русалками. Придут, покомандуют да уйдут, следующему место уступают — когда мирно, а когда и с боем. Самым воинственным характером как раз Каракун и отличался: вечно у Сивы — богини осени — недельку-другую отобрать стремился, да и хозяйке весны Леле редко когда



вовремя за дело приниматься доводилось — бывало, что и на месяц дольше положенного Каачун с властью расставаться не желал! Всё подсыпал да подсыпал снега, выюжил да метелил, так что нежной и ласковой Леле приходилось потом не покладая рук трудиться: сугробы и льды растапливать, оголодавшим зверюшкам травку из-под снега доставать, землю под пахоту подготавливать, чтобы её подруге Живе — повелительнице лета и тепла — легче пришлось.

Оплощала Баба-яга, в общем...
Затаил Каачун злобу. Дождался, когда в избушке на курьих ножках все гости собрались, да стукнул своим волшебным посохом! Что тут началось... Словами не передать! Такой снежной бури и такого мороза никто из старожилов леса не помнил! Замело избушку по самую печную трубу! Лишь по тонкой струйке дыма, вертикально вверх устремившейся, как только при сильных морозах бывает, и можно было догадаться, что на лесной поляне не огромный сугроб, а спрятанная под снегом избушка!

Ни юбиярша, ни гости поначалу и не поняли, в какую западню попали. Сидят за столом, ждут путников, которые по тропинкам, к избушке лешим направленным, прийти должны и стать: кто супчиком, кто жарким,



а кто культурной программой. Обычно-то по лесу обязательно люди шастали: охотники, лыжники, а то деревенские за хворостом заходили. А тут — час ждут, второй... — никого! Все грибы, что Бабка-ёжка за лето насытила, сжевали; чай, на травах заваренный, выпили. Сидят, тоскливыми глазами на стол пустойглядят.

Когда уж и третий час к концу подходил, заподозрили все неладное. Выглянула Баба-яга в окошко, а за ним ничего не видать. «Что за напасть?» — удивилась юбильярша. Хотела на крыльце выйти, так дверь открыть не смогла, словно её снаружи чем-то тяжёлым подпёрли. Слышино только, как ветер в печной трубе гудит, мечется, будто в избушку проникнуть пытается.

— Ну дела! — заволновались гости. Никак, голодными на празднике останутся!

Кинулась Бабка-ёжка к своему блюдечку с золотой каёмочкой, стала по нему волшебное яблочко катать — высматривать, что там в мире делается. Увидела заснеженную поляну, а в центре — сугроб, из которого дымок к ночному звёздному небу поднимается. Не сразу и сообразила, что поляна-то её, а значит — сугроб и не сугроб вовсе, а избушка, снегом заваленная!

Разнервничались гости, распереживались. Волколаки с расстройства то в людей превращаются, то волками снова обираются. Но волками терпеть голод ещё нестерпимее, а потому чаще всё-таки человеческое обличье принимали. Водяной с русалкой, которые на праздник со своей бочкой явились, водой озёрной наполненной, на дне залегли, от обиды и всплывать перестали. Домовой с кикиморой самый пыльный угол в избушке нашли и там хозяйке «торжества» косточки перемывали. Бесёнок анчутка плакал горькими слезами, по чумазому лицу их размазывал. Птицедева Сирин, и без того по жизни мрачная и унылая, сидела на хохлившись, крыльями обернувшись, всем проклятия рассыпая. Её сестрица Алконост, из всех присутствующих самая добная и зла никогда никому не желавшая, пыталась ласковыми разговорами анчутку утешить. Кощей Бессмертный хоть голодом и не мучился, поскольку вообще мало и редко питался, но в тесноте избушки после чертогов своих каменных чувствовал себя неважно: то тут заболит, то там прихватит, — ходил из угла в угол, косточками гремел. Да и Змею Горынычу с его тремя головами несладко приходилось: головы друг с дружкой



ссору затеяли, выясняли, кто из них настоял приглашение на Бабки-ёжкин юбилей принять. И только леший с Ягой думу думали, как из снежного плена выбираться.



— А пусть-ка Горыныч огнём полыхнёт, снег растопит, — предложил леший.

— Да ведь он избушку мою подожжёт! — всполошилась хозяйка. — Он же силу пламени регулировать не умеет! Как пыхнет — вот тебе и пожар!

— Так у нас бочка с водой есть, потушим, — заявил леший.

— А мы как же? — возмутились водяной с русалкой. — Даже думать не смейте бочку нашу трогать!

— Тогда пусть Кощей что-нибудь наколдует, — не сдавался леший.

— Не могу я без посоха своего колдовать, — буркнул Кощей, — а посох дома оставил, я же не на битву ехал, а в гости!

— И как же ты, Ягуша, про Каракуна-то могла забыть?.. — нарочито громко вздыхали в пыльном углу домовой с кикиморой, как будто сами никогда и ничего не забывали. А ведь сколько раз бывало: стащат у хозяев дома какую-нибудь вещицу, спрячут её, а потом и сами вспомнить не могут, куда засунули!



— Надо бы его задобрить как-то, — предложил один из волколаков.

— Да как его задобрить, когда из-за него же у нас ни съесть, ни выпить нечего! — всплеснула руками Баба-яга.

— Может, пусть птицедевы сказками своими голову ему заморочат? — подал голосок анчутка. — Да и у нас голод, глядишь, отступит, а то живот прям свело.

— Ну да! Если Сирин сказывать начнёт, так голод точно отступит, мы тут все сном вечным забудемся, — напомнила юбилиарша. — Её ведь задача — царство мёртвых душами новыми пополнять.

— Тогда пусть Алконост рассказывает! От её сказок мир и покой в душе наступают, тепло по сердцу разливается, — снова пискнул анчутка.

— Вот именно! Мир, покой, тепло! А о последствиях для всех нас ты подумал? — вскричали головы Змея Горыныча.

— А какие для нас последствия? — удивился бесёнок.

— Маленький ты ещё совсем и глупый, — проворчала Баба-яга. — Мы ведь на страже ЗЛА стоим! А от тех сказок, что Алконост рассказывает, душа добреет, мягкой становится, что воск расплавленный али мёд пчелиный.

— Придумал! — завопил вдруг водяной, высовываясь из бочки, даже воду расплескал, до того разволновался. — Мы себе уши заткнём, а для Каачуна сказки Алконост то, что надо! Смягчится — и простит тебя, Яга! И освободит нас из плена снежного!

Все взоры обратились к Алконост. Птицедева взмахнула крыльями, сплошь из серебристых пёрышков, да и вся кожа её была голубовато-серебристой и словно бы радостно светилась, в отличие от Сирин — тёмно-серой и вечно угрюмой.

— Так у меня ведь все сказки про людей, на путников заблудившихся рассчитаны, чтобы в сон их приятный погрузить, отдых дать, тогда и путь обратный находят, — молвила она растерянно.

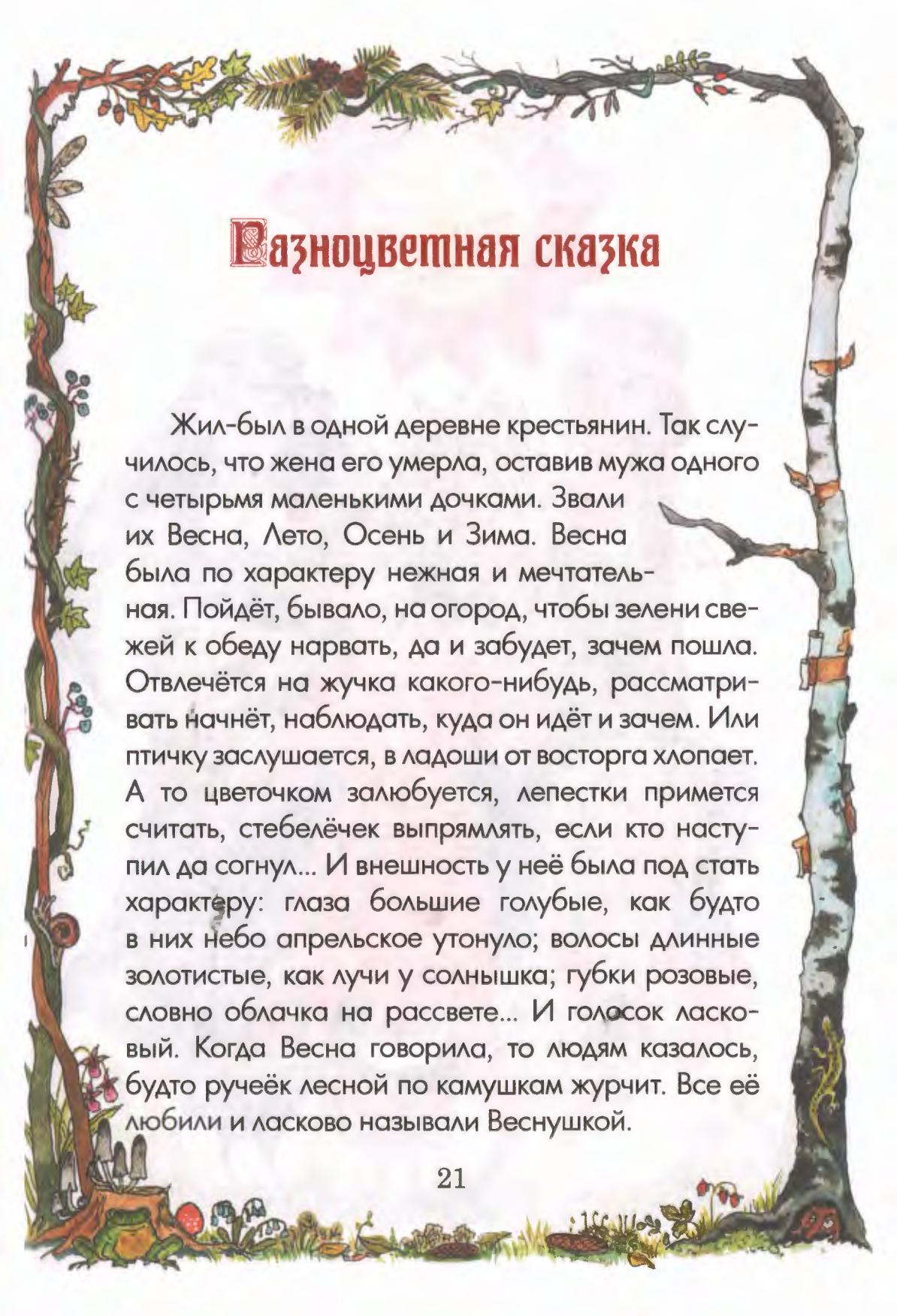
— Да выбирать-то не приходится! Уж какие знаешь, те и рассказывай, — поторопили её Каачуновы пленники.

Задумалась Алконост на мгновение.

— Ну хорошо...

И начала неспешно нежным голосом:

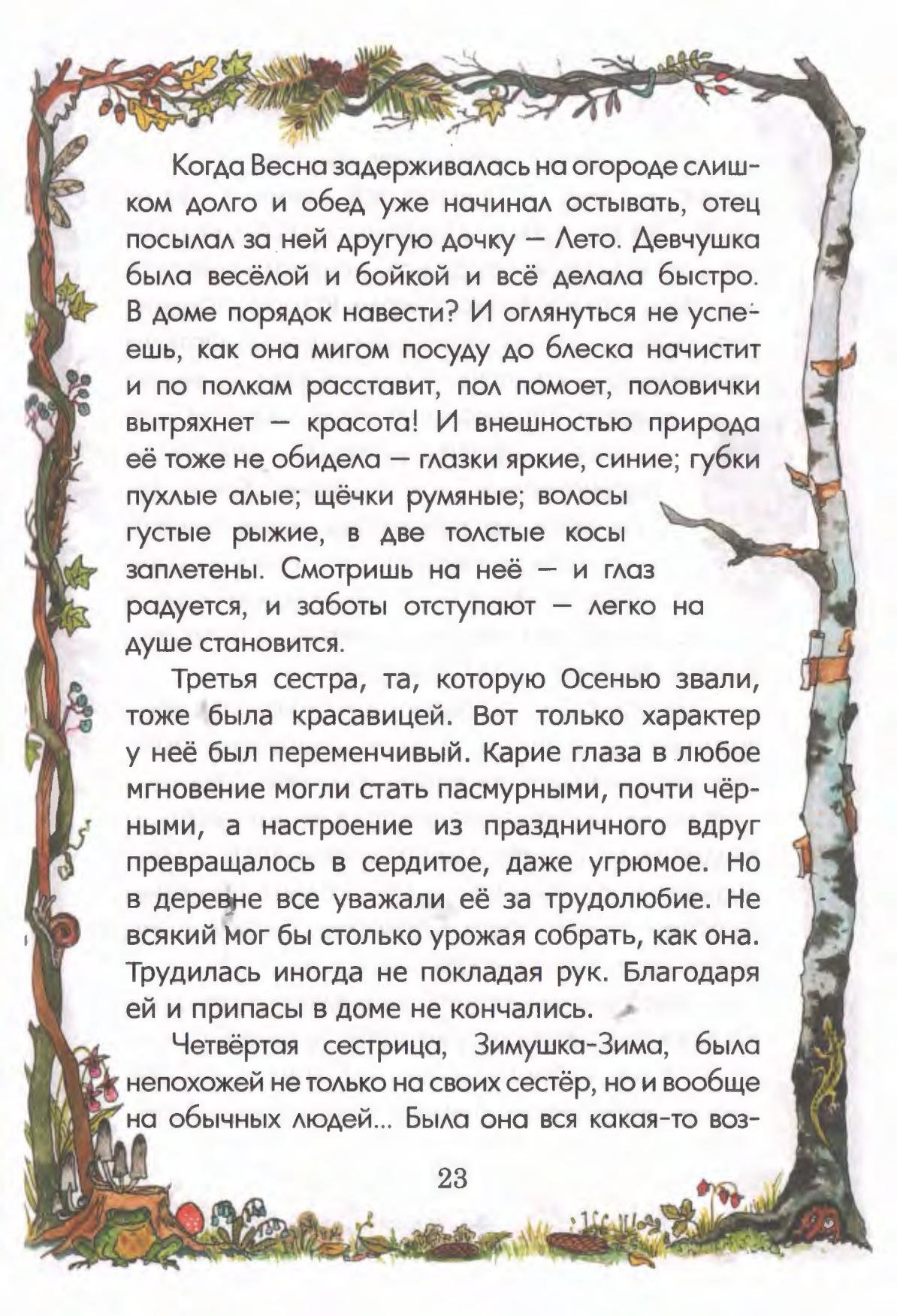
— Было это давным-давно. Уже никто и непомнит, когда именно...



Ба~~з~~ноцветная сказка

Жил-был в одной деревне крестьянин. Так случилось, что жена его умерла, оставив мужа одного с четырьмя маленькими дочками. Звали их Весна, Лето, Осень и Зима. Весна была по характеру нежная и мечтательная. Пойдёт, бывало, на огород, чтобы зелени свежей к обеду нарвать, да и забудет, зачем пошла. Отвлечётся на жучка какого-нибудь, рассматривать начнёт, наблюдать, куда он идёт и зачем. Или птичку заслушается, в ладоши от восторга хлопает. А то цветочком залюбуется, лепестки примется считать, стебелёчек выпрямлять, если кто наступил да согнул... И внешность у неё была под стать характеру: глаза большие голубые, как будто в них небо апрельское утонуло; волосы длинные золотистые, как лучи у солнышка; губки розовые, словно облачка на рассвете... И голосок ласковый. Когда Весна говорила, то людям казалось, будто ручеёк лесной по камушкам журчит. Все её любили и ласково называли Веснушкой.

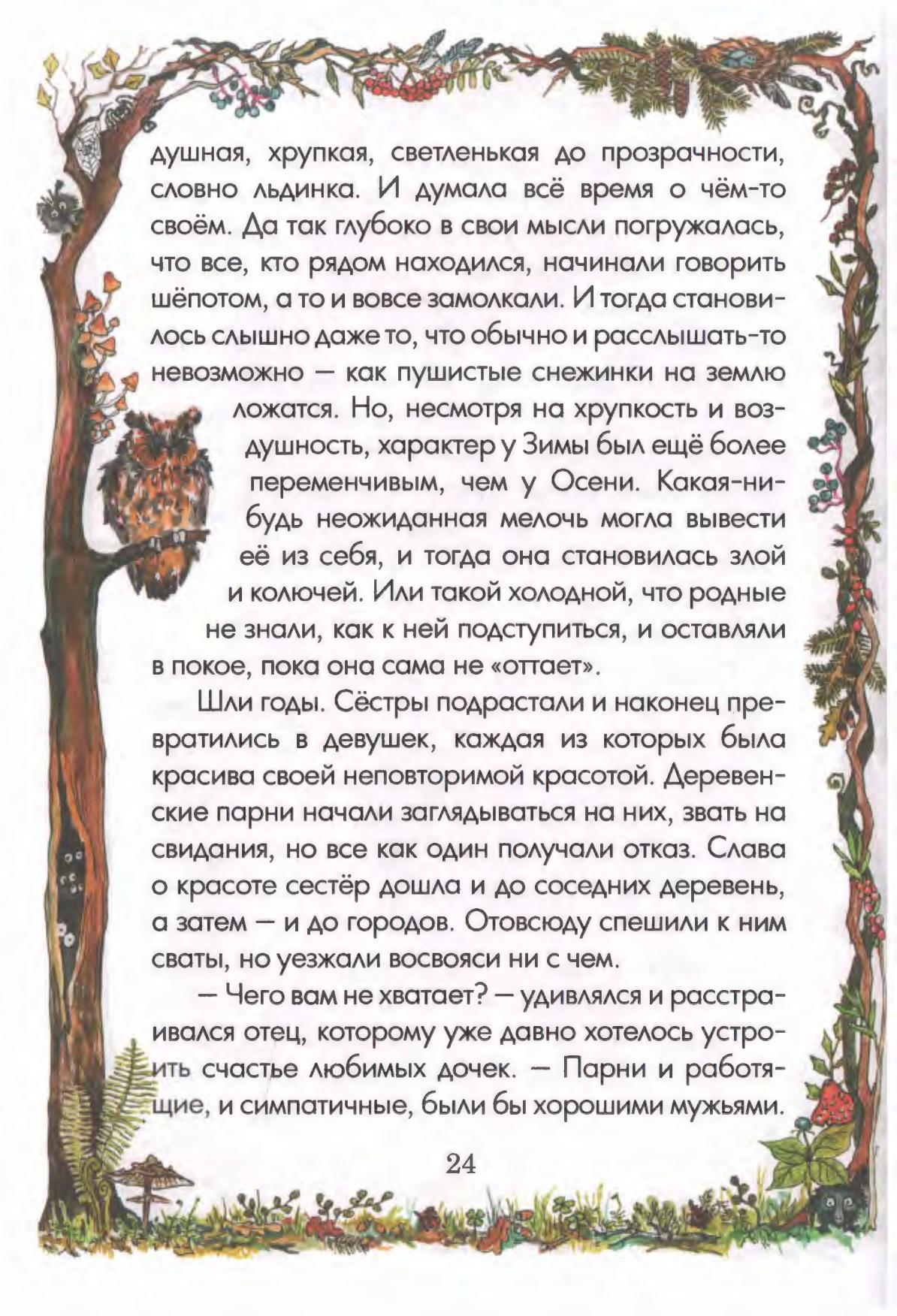




Когда Весна задерживалась на огороде слишком долго и обед уже начинал остывать, отец посыпал за ней другую дочку — Лето. Девчушка была весёлой и бойкой и всё делала быстро. В доме порядок навести? И оглянуться не успеешь, как она мигом посуду до блеска начистит и по полкам расставит, пол помоет, половички вытряхнет — красота! И внешностью природа её тоже не обидела — глазки яркие, синие; губки пухлые алые; щёчки румяные; волосы густые рыжие, в две толстые косы заплетены. Смотришь на неё — и глаз радуется, и заботы отступают — легко на душе становится.

Третья сестра, та, которую Осеню звали, тоже была красавицей. Вот только характер у неё был переменчивый. Карие глаза в любое мгновение могли стать пасмурными, почти чёрными, а настроение из праздничного вдруг превращалось в сердитое, даже угрюмое. Но в деревне все уважали её за трудолюбие. Не всякий мог бы столько урожая собрать, как она. Трудилась иногда не покладая рук. Благодаря ей и припасы в доме не кончались.

Четвёртая сестрица, Зимушка-Зима, была непохожей не только на своих сестёр, но и вообще на обычных людей... Была она вся какая-то воз-



душная, хрупкая, светленькая до прозрачности, словно льдинка. И думала всё время о чём-то своём. Да так глубоко в свои мысли погружалась, что все, кто рядом находился, начинали говорить шёпотом, а то и вовсе замолкали. И тогда становилось слышно даже то, что обычно и рассыпать-то невозможно — как пушистые снежинки на землю ложатся. Но, несмотря на хрупкость и воздушность, характер у Зимы был ещё более переменчивым, чем у Осени. Какая-нибудь неожиданная мелочь могла вывести её из себя, и тогда она становилась злой и колючей. Или такой холодной, что родные не знали, как к ней подступиться, и оставляли в покое, пока она сама не «оттает».

Шли годы. Сёстры подрастали и наконец превратились в девушек, каждая из которых была красива своей неповторимой красотой. Деревенские парни начали заглядывать на них, звать на свидания, но все как один получали отказ. Слава о красоте сестёр дошла и до соседних деревень, а затем — и до городов. Отовсюду спешили к ним сваты, но уезжали восвояси ни с чем.

— Чего вам не хватает? — удивлялся и расстраивался отец, которому уже давно хотелось устроить счастье любимых дочек. — Парни и работающие, и симпатичные, были бы хорошими мужьями.



Но каждая из сестёр всё ждала для себя кого-то особенного и тихо вздыхала, поглядывая в окошко.

Дошла слава о привередливых красавицах и до самых высоких небес, до Ярилы-Солнца. Решил он сам посмотреть, насколько не врут слухи. Обернулся однажды старцем, спустился на землю и постучался в избу, где проживал крестьянин со своими дочерьми. Там его приветили, за стол усадили, вкусно накормили-напоили, разговоры завели, кто он да откуда.

А Ярило-Солнце рассказывает о путешествиях дальних, о странах заморских, а сам знай к сестрицам приглядывается.

Характер каждой угадать пытается. И так ему все четыре понравились, что захотел он их к себе на небо взять. Дочками своими сделать, а заодно и место для них в этом мире определить — временами года назначить. Конечно, будь сестёр не четыре, а больше, было бы ещё лучше. Ведь природа в марте, например, совсем непохожа на природу в мае... А июнь очень сильно отличается от августа, не говоря уж о том, как сильно разнятся пёстрый сентябрь и унылый ноябрь... Но что поделать. Придётся поделить год на четыре равные части, по три месяца в каждой... И Ярило-Солнце даже придумал, кого в мужья сёстрам-красавицам определит.



Нежной и мечтательной Весне подойдёт ласковый и заботливый Дождь. Будет помогать ей быстрее снег растапливать, корни деревьев влагой напитывать, молодые листочки омывать...

Задорную и весёлую Лето он предложит в супруги могучему Грому. А то мрачный слишком. Ему такая жена-хохотушка в самый раз будет.

Переменчивой Осени полюбится Ветер. Он будет срывать разноцветные листочки с деревьев и радовать свою жёнушку красивыми листопадами.

А вот задумчивой Зиме, прекрасной в своей холодности, должен понравиться богатырь Мороз. Он, правда, характером бывает крут. Но ничего, девушки тоже не всегда ангел, найдут общий язык. А внешностью друг другу как нельзя лучше подходят: Зима вся такая беленькая, а у Мороза румянец во всю щёку. А то скучно, если всё зимой одним цветом будет.

Решил так Ярило-Солнце, да, недолго думая, из старца сам в себя снова оборотился, сестриц подхватил и на небеса унёс. Их отец и ахнуть не успел.

С тех самых пор видят люди каждую из сестёр лишь три месяца в году. Они всё такие же красавицы. Да и характеры не изменились: Весна по-прежнему нежная и мечтательная, Лето —



весёлая и смешливая, Осень — немножко капризная, а Зима... по-прежнему непохожа ни на одну из своих сестёр, оттого и на земле в это время года то глаза слепит от снега яркого и блестящего, которому душа радуется, то кутаться приходится от стужи и метелей лютых... Да ещё, бывает, из-за своей любви к белому цвету столько снега насыплет, что её сестра Весна с трудом дорогу находит...

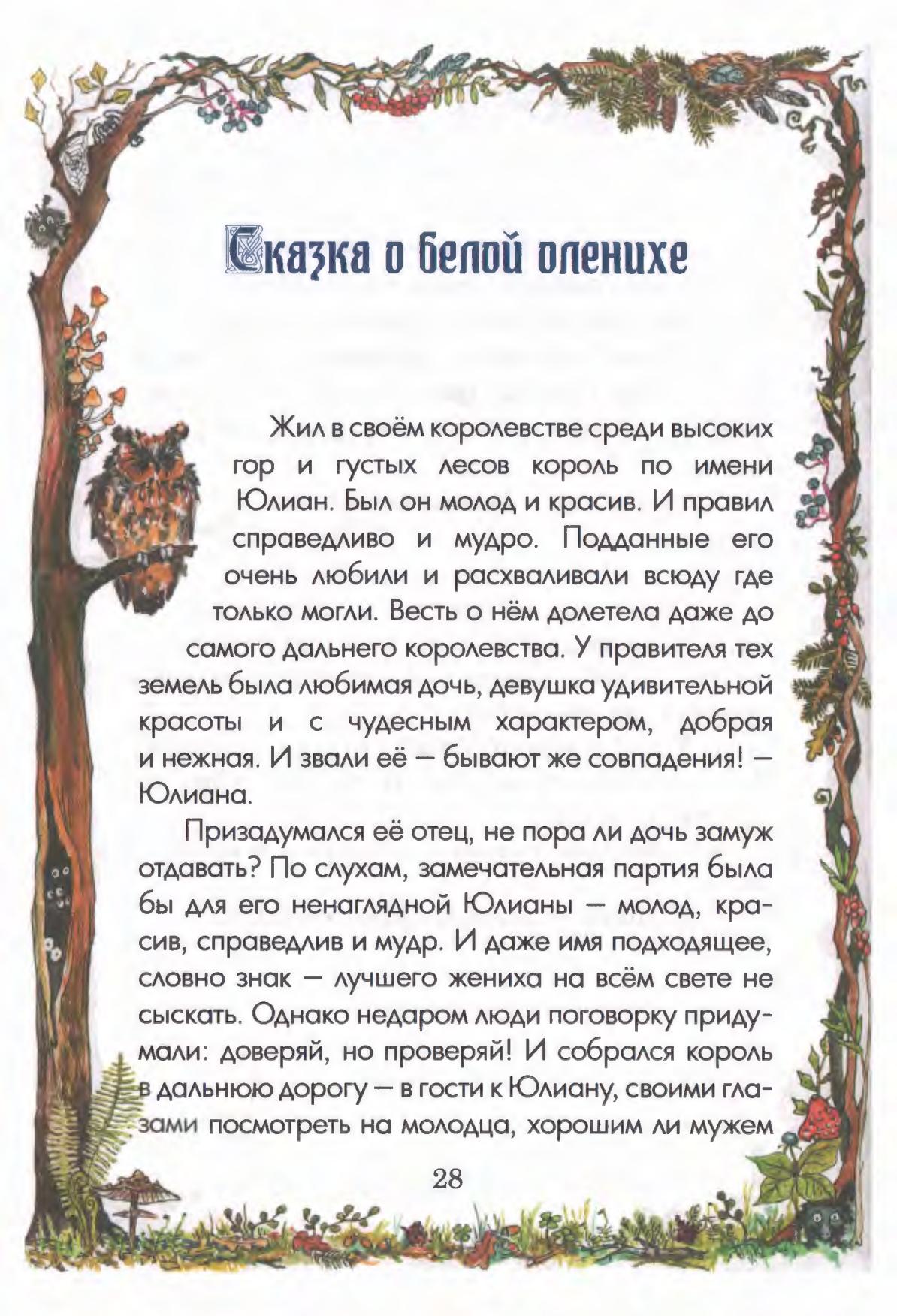
Таков вот сказ... Верить ли, нет ли...
загадка для вас.

— Верю! — раздался дружный хор голосов — это каждый из тех, кто в избушке находился, за себя ответил. А следом понеслись причитания вразнобой:

— Ужас! Кошмар! Уши-то заткнуть забыли!
Что теперь будет-то? Чувствую, как добро по мне растекается...

Алконост же только улыбнулась и продолжала:

— И опять — давным-давно это было...



Сказка о белой оленихе

Жил в своём королевстве среди высоких гор и густых лесов король по имени Юлиан. Был он молод и красив. И правил справедливо и мудро. Подданные его очень любили и расхваливали всюду где только могли. Весть о нём долетела даже до самого дальнего королевства. У правителя тех земель была любимая дочь, девушка удивительной красоты и с чудесным характером, добрая и нежная. И звали её — бывают же совпадения! — Юлиана.

Призадумался её отец, не пора ли дочь замуж отдавать? По слухам, замечательная партия была бы для его ненаглядной Юлианы — молод, красив, справедлив и мудр. И даже имя подходящее, словно знак — лучшего жениха на всём свете не сыскать. Однако недаром люди поговорку придумали: доверяй, но проверяй! И собрался король в дальнюю дорогу — в гости к Юлиану, своими глазами посмотреть на молодца, хорошим ли мужем



будет для любимой дочери. Дочку с собой решил взять — пусть мир поглядит, а то за свои семнадцать лет ни разу никуда не выезжала, всё больше по лесам гуляет, зверушек подкармливает. Вон уж и в замок за ней стайками прибегают. Да что там стайками — целое стадо оленей повадилось в сад королевский ходить!

Не знал король, что главный олень этого стада тоже правитель, всего лесного народа. И надо же было такому случиться, что влюбился он в Юлиану! Да вот только как ему человеческой девушке о чувствах своих рассказать?.. Просыпал олень про намерения короля свою дочь замуж в чужое королевство отдать, взыграла в его сердце ревность, наполнила злобой... Отправился он в самую чащу, где возле болота в ветхой избушке, вдали от людей проживала одна женщина. Собирала лечебные травы, помогала животинкам и птицам от хворей разных излечиваться, понимала звериный язык... И просьбу оленя тоже поняла и помочь пообещала... А просьба была непростая — превратить королевскую дочку в олениху, чтобы смогла она стать верной спутницей лесному правителю...

Весь день и всю ночь бродила женщина по окрестностям в поисках нужных трав, а как луна



взошла и болото осветила, принялась она за изготовление зелья. К утру варево было готово.

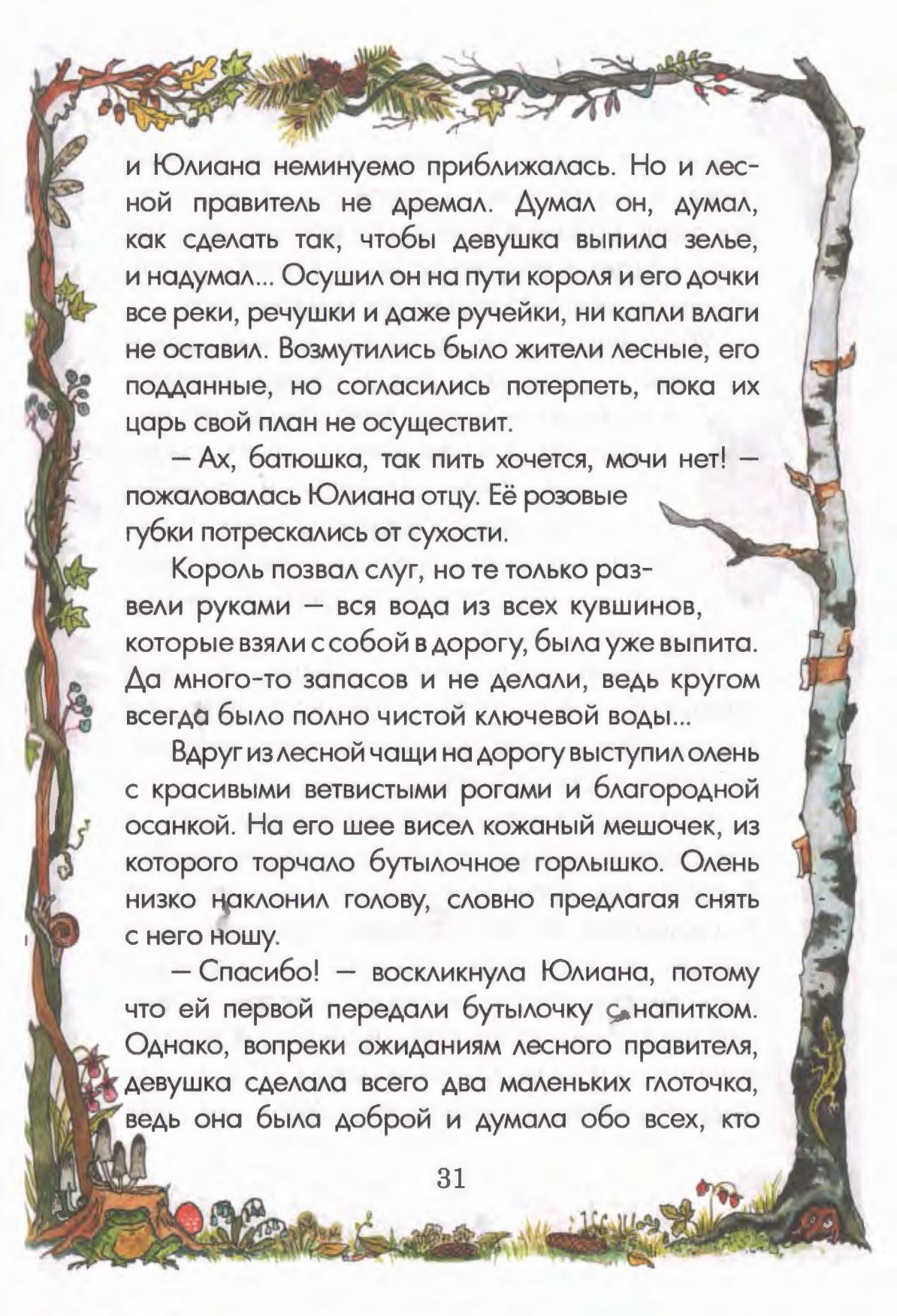
— Слушай меня внимательно, царь лесной! — обратилась она к оленю. — Уж не знаю, как ты это устроишь, но твоя возлюбленная должна выпить моё зелье. Выпить до самого донышка. И через одну ночь после того, как выпьет, твоё пожелание исполнится.

Женщина накинула на могучую шею оленя ремешок, к которому привязала кожаный мешочек, внутри лежала бутылочка с колдовским напитком.

— Вот только... — колдунья замялась, — побочный эффект у зелья имеется. Из доброй и нежной станет твоя избранница жестокой и беспощадной. Правда, только к людям.

«Это даже хорошо, — подумал олень. — Значит, по родному отцу тосковать не будет».

Между тем слухи о прекрасной королевишине и её чудесном характере дошли до Юлиана. Чем не пара ему? И молодой король, недолго думая, отправился в неблизкий путь — свататься. Дорога между королевствами петляла среди гор, тянулась через непроходимые леса, пересекала бурные реки, но имелось у неё и достоинство — она была одна! А потому разминуться две королевские процесии никак бы не могли. Встреча Юлианы



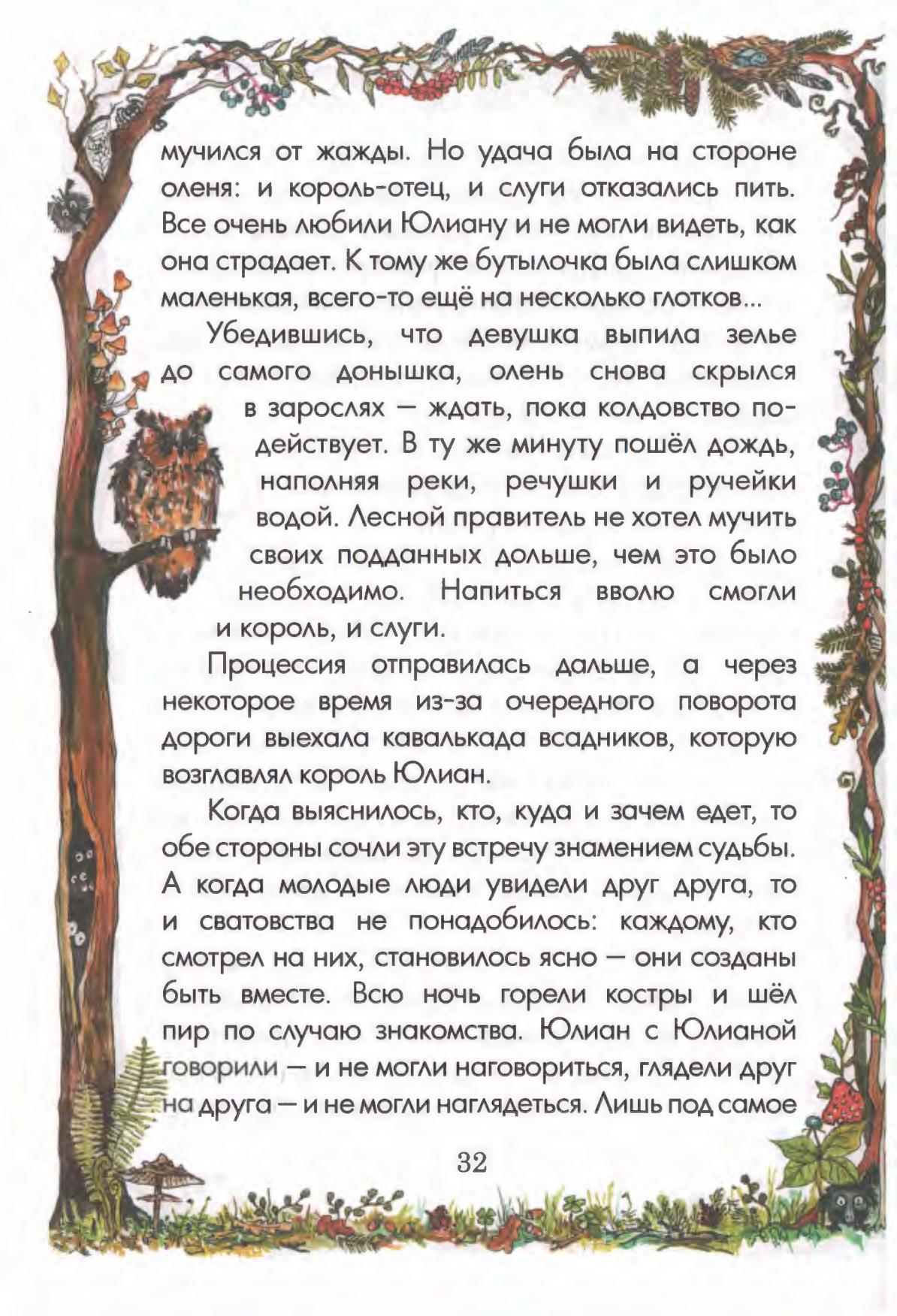
и Юлиана неминуемо приближалась. Но и лесной правитель не дремал. Думал он, думал, как сделать так, чтобы девушка выпила зелье, и надумал... Осушил он на пути короля и его дочки все реки, речушки и даже ручейки, ни капли влаги не оставил. Возмущались жители лесные, его подданные, но согласились потерпеть, пока их царь свой план не осуществит.

— Ах, батюшка, так пить хочется, мочи нет! — пожаловалась Юлиана отцу. Её розовые губки потрескались от сухости.

Король позвал слуг, но те только развели руками — вся вода из всех кувшинов, которые взяли с собой в дорогу, была уже выпита. Да много-то запасов и не делали, ведь кругом всегда было полно чистой ключевой воды...

Вдруг из лесной чащи на дорогу выступил олень с красивыми ветвистыми рогами и благородной осанкой. На его шее висел кожаный мешочек, из которого торчало бутылочное горлышко. Олень низко наклонил голову, словно предлагая снять с него ношу.

— Спасибо! — воскликнула Юлиана, потому что ей первой передали бутылочку с напитком. Однако, вопреки ожиданиям лесного правителя, девушка сделала всего два маленьких глоточка, ведь она была доброй и думала обо всех, кто



мучился от жажды. Но удача была на стороне оленя: и король-отец, и слуги отказались пить. Все очень любили Юлиану и не могли видеть, как она страдает. К тому же бутылочка была слишком маленькая, всего-то ещё на несколько глотков...

Убедившись, что девушка выпила зелье до самого донышка, олень снова скрылся в зарослях — ждать, пока колдовство действует. В ту же минуту пошёл дождь, наполняя реки, речушки и ручейки водой. Лесной правитель не хотел мучить своих подданных дольше, чем это было необходимо. Напиться вволю смогли и король, и слуги.

Процессия отправилась дальше, а через некоторое время из-за очередного поворота дороги выехала кавалькада всадников, которую возглавлял король Юлиан.

Когда выяснилось, кто, куда и зачем едет, то обе стороны сочли эту встречу знанием судьбы. А когда молодые люди увидели друг друга, то и сватовства не понадобилось: каждому, кто смотрел на них, становилось ясно — они созданы быть вместе. Всю ночь горели костры и шёл пир по случаю знакомства. Юлиан с Юлианой говорили — и не могли наговориться, глядели друг на друга — и не могли наглядеться. Лишь под самое



утро разошлись по шатрам, но ненадолго, чтобы вместе встретить рассвет.

Однако утром, когда Юлиан подошёл к шатру, где отдыхала его невеста со своими служанками, ему открылась страшная картина: девушки были мертвы, убитые неведомым жестоким убийцей, а королевской дочки и вовсе след простыл.

— Похитили! Королевишу похитили! — поднялся крик, а лесную тишину наполнили горестные всхлипы, плач и стоны...

С того ужасного дня минуло целых три года. Юлиан не прекращал поиски любимой. Отправлял отряд за отрядом обыскивать города и селения, рыскал по лесам, заглядывал в самые отдалённые уголки всех соседних королевств... Ни единой ниточки... ни одной зацепочки не обнаружил... Только странные разговоры среди людей: будто бы завёлся в окрестностях белый олень, беспощадный убийца всех, кто встретится ему на пути. Так что уж и в лес по грибы и ягоды ходить перестали, разве что зимой за хворостом для печей, когда уж всё равно: от холода ли помирать или от оленевых рогов и копыт. Правда, иные охотники, которые своего ремесла не бросали и с риском для жизни продолжали наведываться в лес, утверждали, что у этого оленя нет рогов,

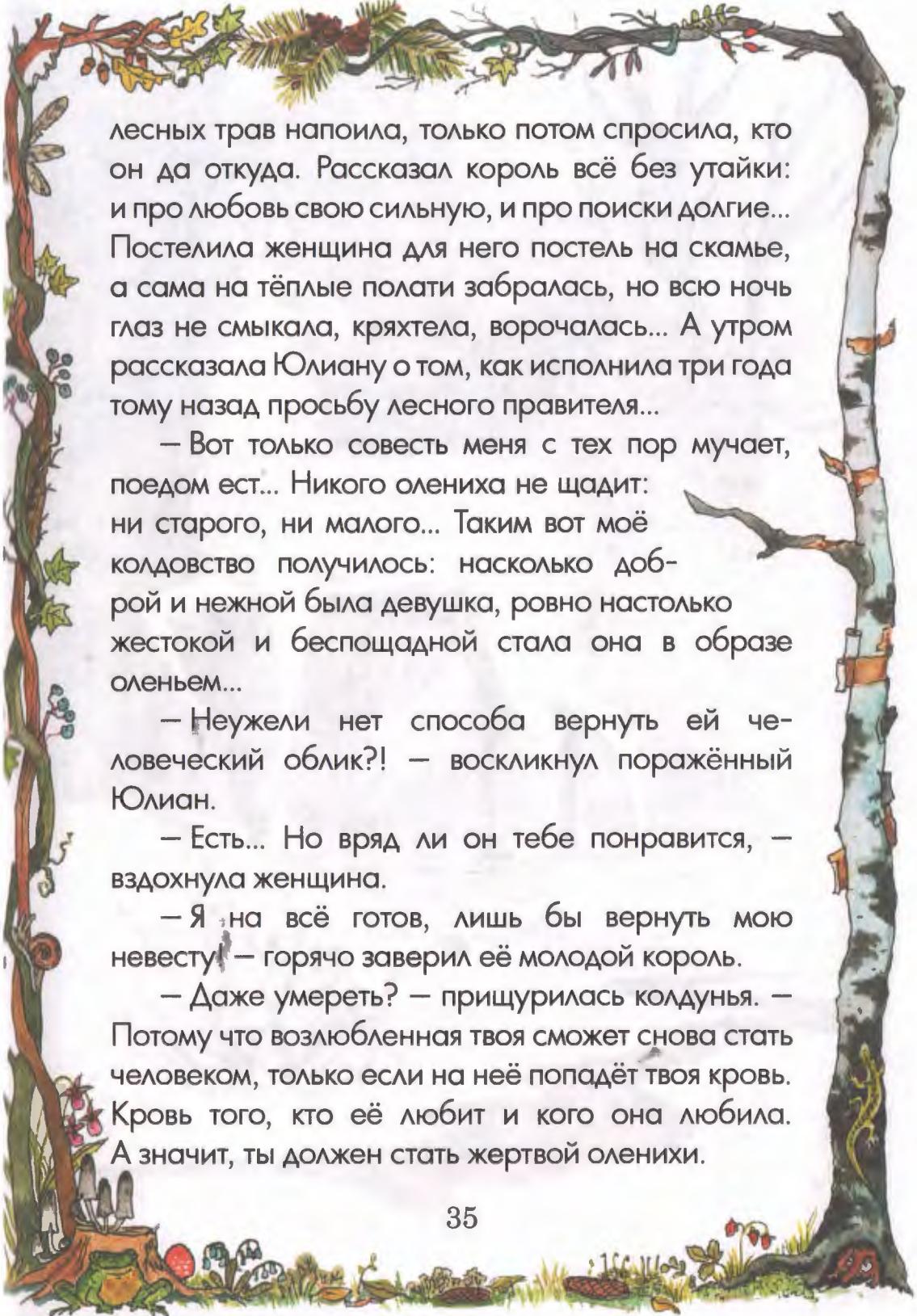


мол, это вообще не олень, а олениха. С ней часто видели и оленя с красивыми ветвистыми рогами и благородной осанкой, но тот вёл себя так, как и надлежит вести себя диким оленям: чутко прислушивался к звукам и исчезал в чаще, едва приближались охотники. А вот подруга его отличалась хитростью и жестокостью. Уж сколько народу погубила... Но даже рассказы об оленихе-убийце не могли заставить Юлиана прекратить поиски...

Однажды зимой молодой король отбился от всадников, сопровождавших его, и оказался возле ветхой избушки.

В единственном окошке мерцал свет — от печки или от свечи, а из трубы тонкой струйкой устремлялся вверх ароматный дымок. На лес уже опустились голубые сумерки, конь под Юлианом шарахался от причудливых теней, которые отбрасывали на снег огромные ели. Мороз пробирал до костей, и король решил попроситься на ночлег. Он спешился, привязал коня к дереву и постучал в покосившуюся дверь.

Открыла пожилая женщина. Пристально взглянув на Юлиана, она отступила в сторону, показывая, что можно войти. Хозяйка была хоть и молчаливой, но гостя приветила как полагается: супом из сушёных грибов накормила, чаем из



лесных трав напоила, только потом спросила, кто он да откуда. Рассказал король всё без утайки: и про любовь свою сильную, и про поиски долгие... Постелила женщина для него постель на скамье, а сама на тёплые полати забралась, но всю ночь глаз не смыкала, кряхтела, ворочалась... А утром рассказала Юлиану о том, как исполнила три года тому назад просьбу лесного правителя...

— Вот только совесть меня с тех пор мучает, поедом ест... Никого олениха не щадит: ни старого, ни малого... Таким вот моё колдовство получилось: насколько доброй и нежной была девушка, ровно настолько жестокой и беспощадной стала она в образе оленем...

— Неужели нет способа вернуть ей человеческий облик?! — воскликнул поражённый Юлиан.

— Есть... Но вряд ли он тебе понравится, — вздохнула женщина.

— Я на всё готов, лишь бы вернуть мою невесту! — горячо заверил её молодой король.

— Даже умереть? — прищурилась колдунья. — Потому что возлюбленная твоя сможет снова стать человеком, только если на неё попадёт твоя кровь. Кровь того, кто её любит и кого она любила. А значит, ты должен стать жертвой оленихи.



Каким бы жестоким ни был приговор, но Юлиан с той поры забросил все королевские дела, без устали скакал на своём верном коне по лесам, надеясь на встречу с белой оленихой. И вот такой день настал.

Неяркое зимнее солнце освещало рощицу, где паслось стадо оленей, ощипывая кору и поедая молодые ветви. Заслышав приближение всадника, они бросились бежать. Остались только двое: олень с большими ветвистыми рогами и его подруга, белая, как снег, на котором она стояла. Юлиан понял, что перед ним та, кого он искал. И тот, кто забрал его счастье.

— Уходи! — крикнул он, обращаясь к оленю. — Я не хочу тебя убивать! Ты нужен своим лесным подданным. Но я хочу вернуть себе мою невесту!

Олениха вдруг встрепенулась, её красивые глаза сверкнули злобой. Она ринулась на Юлиана, ломая хрупкие отмороза ветки деревьев, из ноздрей и оскаленной пасти валил пар. Король спрыгнул с коня и сделал несколько шагов ей навстречу. Удар копытом был такой силы, что опрокинул его наземь, а из раны на шее фонтаном брызнула кровь. Но Юлиан этого уже не видел, он потерял сознание...

...Сказки всегда заканчиваются свадьбой. Не избежала этой прекрасной участи и наша сказка. Всё случилось так, каки говорила изготовительница



зелья: кровь любящего и любимого попала на олениху — она снова превратилась в чудесную нежную девушку. Молодого короля излечила от тяжёлой раны та же самая колдунья, знаток всяких лечебных трав и снадобий. Юlian и Юлиана сыграли свадьбу, очень скромную, потому что почти все деньги из королевской казны они потратили на помощь семьям тех, кого погубила олениха. И только после этого они зажили душа в душу, не забывая навещать отца Юлианы, который сначала чуть не умер от горя, а потом едва не заболел от счастья.

А спустя время у молодых супругов стали появляться детишки — такие же добрые, как их мама, и такие же справедливые и мудрые, как их папа...

И только в народе сохранилось предание о злом колдовстве и белой оленихе, жестокой и беспощадной...

Вы спросите, а как же олень, лесной повелитель? Как ни покажется странным, но он был даже рад такому повороту, потому что не о такой спутнице жизни он мечтал, не такую полюбил, да и не должны быть жестокими олени — благородные и красивые звери...



— Ещё что-нибудь расскажи! — чуть ли не промурлыкала юбильярша.

— Да-да! Уж ты, Алконостушка-голубушка, не останавливайся, уж сильно сказки твои хороши — заслушаешься, — упрашивали и гости.

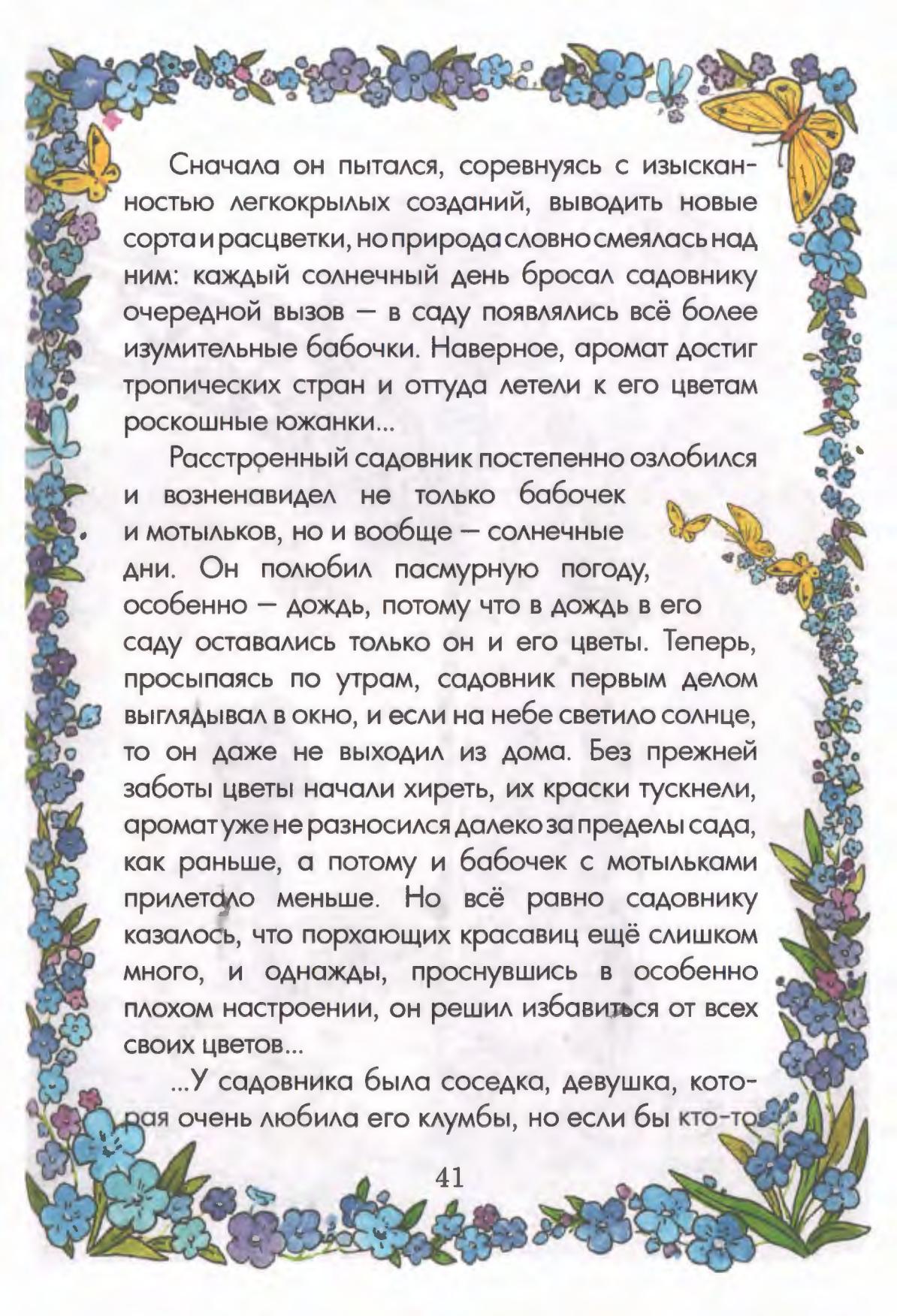
Птицедева крыльями серебристыми взмахнула, пёрышками сверкнула, лукаво улыбнулась, дальше сказ повела...





Сказка про садовника

Жил-был однажды садовник. Больше всего на свете любил он разводить цветы. Каких только сортов и видов не было на его клумбах! И тюльпаны всевозможных расцветок и форм. И пышные гортензии, которые словно бы использовал под палитуру какой-нибудь живописец — таких причудливых оттенков удалось добиться садовнику. И удивительной красоты розы, от ослепительно белых до бархатисто-чёрных. И редчайшие орхидеи. И восхитительные лилии. Перечислять можно было бесконечно. А какой аромат витал над всем этим великолепием! Он разносился далеко-далеко по окрестностям и манил к себе и пушистых коричневых шмелей, и золотистых пчёл, и ярких мотыльков, и прелестных радужных бабочек... Их было очень много. Они порхали с цветка на цветок и были так прекрасны, что затмевали своей красотой выращенные садовником цветы...



Сначала он пытался, соревнуясь с изысканностью легкокрылых созданий, выводить новые сорта и расцветки, но природа словно смеялась над ним: каждый солнечный день бросал садовнику очередной вызов — в саду появлялись всё более изумительные бабочки. Наверное, аромат достиг тропических стран и оттуда летели к его цветам роскошные южанки...

Расстроенный садовник постепенно озлобился и возненавидел не только бабочек и мотыльков, но и вообще — солнечные дни. Он полюбил пасмурную погоду, особенно — дождь, потому что в дождь в его саду оставались только он и его цветы. Теперь, просыпаясь по утрам, садовник первым делом выглядывал в окно, и если на небе светило солнце, то он даже не выходил из дома. Без прежней заботы цветы начали хиреть, их краски тускнели, аромат же не разносился далеко за пределы сада, как раньше, а потому и бабочек с мотыльками прилетало меньше. Но всё равно садовнику казалось, что порхающих красавиц ещё слишком много, и однажды, проснувшись в особенно плохом настроении, он решил избавиться от всех своих цветов...

...У садовника была соседка, девушка, которая очень любила его клумбы, но если бы кто-то





заглянул в её сердце, то увидел бы в нём любовь не только к прекрасным растениям, но и к тому, кто их вырастил. Однако садовник всегда был увлечён лишь цветоводством и не замечал её чувств, а девушка с удивительным именем Ия, что означало «фиалка», была слишком скромной, чтобы выражать их. Она робко здоровалась с соседом при встрече; смущаясь, просила разрешения погулять в его роскошном саду; застенчиво предлагала помочь: полить цветы, выполоть сорняки или взрыхлить почву. Садовник рассеянно кивал головой, принимая её услуги, и даже забывал благодарить...

Влюблённая девушка сразу заметила перемены, которые стали происходить с соседом. Вот только она никак не могла взять в толк, с чем они связаны. Почему он вдруг невзлюбил солнце? Почему стал так редко выходить из дома и совсем перестал ухаживать за садом? Но спрашивать не решилась. Как-то утром она увидала садовника вновь копошащимся на клумбах и в первое мгновение обрадовалась, думая, что наваждение прошло и сосед вновь заботится о своих прекрасных цветах. Каков был её ужас, когда девушка осознала, чем на самом деле занят садовник!



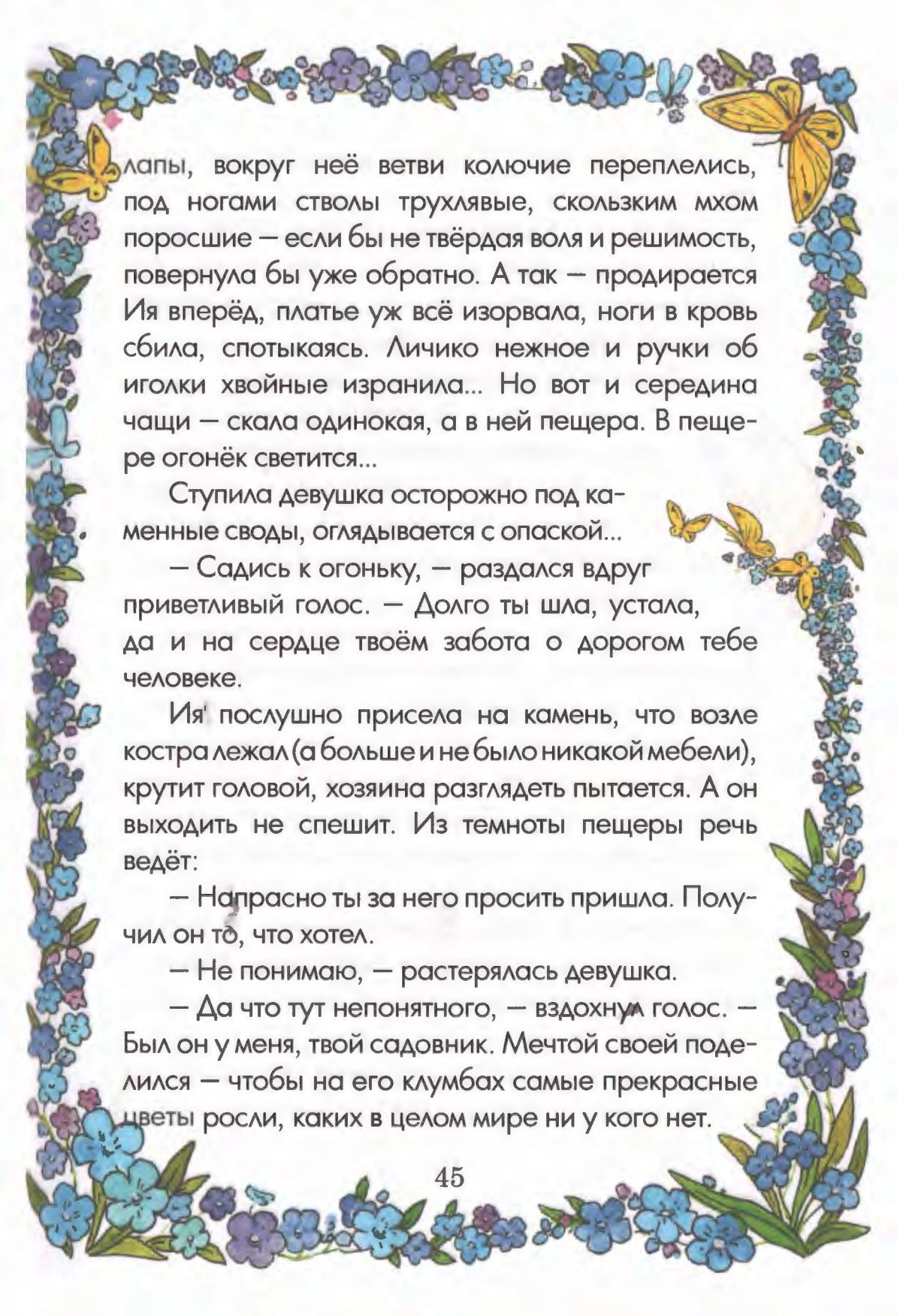
Горы несчастных цветов уже лежали на дорожках между клумбами, безжалостно выдернутые из земли, а садовник всё не останавливался. Вырывал с корнем кусты пышных гортензий, ломал роскошные розы и лилии, топтал нежные тюльпаны...

— Что вы делаете! Опомнитесь! — вскричала девушка.

— Оставьте меня в покое! — злобно огрызнулся садовник и скрылся в своём доме, с яростью хлопнув дверью.

Ия заплакала. Вид разорённых клумб разрывал ей сердце, но ещё больше она переживала за садовника. Ведь человек, у которого так темно на душе, что он способен уничтожать красоту, явно нуждается в помощи... И девушка отправилась искать того, кто сможет помочь её возлюбленному.

Много селений она обошла. Наконец, в одном ей подсказали, что в самой середине самого дремучего леса есть скала, в скале пещера, а в ней живёт кудесник, которому всё под силу. Вот только плату за своё колдовство требует немалую... Ия взяла все свои сбережения и снова отправилась в путь — искать самый дремучий лес. Долго ли шла, коротко ли... В конце концов попала она туда, куда стремилась. Сомкнулись над ней густые еловые



лапы, вокруг неё ветви колючие переплелись, под ногами стволы трухлявые, скользким мхом поросшие — если бы не твёрдая воля и решимость, повернула бы уже обратно. А так — продирается Ия вперёд, платье уж всё изорвала, ноги в кровь сбила, спотыкаясь. Личико нежное и ручки об иголки хвойные изранила... Но вот и середина чащи — скала одинокая, а в ней пещера. В пещере огонёк светится...

Ступила девушка осторожно под каменные своды, оглядывается с опаской...

— Садись к огоньку, — раздался вдруг приветливый голос. — Долго ты шла, устала, да и на сердце твоём забота о дорогом тебе человеке.

Ия послушно присела на камень, что возле костра лежал (а больше и не было никакой мебели), крутит головой, хозяина разглядеть пытается. А он выходить не спешит. Из темноты пещеры речь ведёт:

— Напрасно ты за него просить пришла. Получил он то, что хотел.

— Не понимаю, — растерялась девушка.

— Да что тут непонятного, — вздохнул голос. — Был он у меня, твой садовник. Мечтой своей поделился — чтобы на его клумбах самые прекрасные цветы росли, каких в целом мире ни у кого нет.



— Ну а вы что? — затаив дыхание, спросила Ия.

— А что я... Сказал ему, что для такого дела, помимо трудолюбия, и любовь с нежностью необходимы такие, каких ни у кого в целом мире нет. Цветы-то ведь создания особые...

— А он что? — не унималась девушка.

— А что он... Попросил добавить в его сердце любви и нежности столько, сколько для дела нужно... Я предупредил, что плата потребуется. И высокая. Он даже спорить не стал. Сразу согласился. Душу, говорит, не пожалею...

— Как же так, — растерялась девушка. — Какая же любовь и нежность без души-то?..

— Вот ты сразу поняла, а он — нет. А уговор дороже денег. Отдал он мне свою душу. А без неё любовь и нежность превратились в зависть и злобу... Перестал он красоту видеть и чувствовать, так что даже удивительные создания природы — бабочки прекраснокрылые — не восхищение, а раздражение у него вызывать стали. А ведь они помогали ему: пыльцу с цветка на цветок переносили, новые оттенки и узоры создавали...

— Ах, если бы вы видели, какие ужасные вещи сотворил он со своим садом! Верните ему душу,



очень вас прошу! У меня и деньги есть. Все мои сбережения! — Ия торопливо развязала узелок, в который перед уходом из дома положила шкатулку с монетами.

Голос хозяина пещеры стал грустным:

— Не нужны мне твои деньги, Ия. За душу только душой расплатиться можно. Даже я изменить это правило не в силах... Ну или...

— Что «или»?.. — с надеждой спросила девушка.

— Или сменить человеческое обличье на любое другое. И если садовник сто раз тебя в другом обличье коснётся, то спадёт колдовство, вернётся к нему его душа, а к тебе прежний вид.

— Сто раз... — опечалилась Ия, призадумалась... Стать самым красивым цветком?.. Так он теперь цветы ненавидит... А ведь раньше только к цветам своим и притрагивался садовник чаще всего... Но вдруг девушка просветлела лицом.

— Я согласна! — вскричала она в нетерпении.

— Вот как? — изумился волшебник. — И в кого же или во что ты хочешь обернуться?

— В ручку дверную! — решительно заявила Ия.

Несколько мгновений в пещере царила тишина, слышно было только, как хворост в костре потрескивает.



— Ты умная девушка, и сердце у тебя любящее, — наконец произнёс кудесник. — Так тому и быть...

...Уничтожив все цветы на клумбах, садовник угрюмо бродил по разорённому саду. И только одно его радовало — не жужжали больше шмели, не сутились пчёлы, не порхали мотыльки и бабочки, не дразнили своей недостижимой красотой... Даже солнце перестало заглядывать к нему. Из тёмных туч сыпался серый унылый дождь, но бывшему садовнику такая погода была по нраву. Каждое утро, увидев, как по оконному стеклу стекают капли, он брал зонт и выходил на улицу. От частого касания ручка на входной двери блестела всё ярче, притягивая внимание, словно не латунная была, а из чистого золота. И однажды мужчина с удивлением заметил, что ручка по форме похожа на фиалку. И даже вспомнил, что давно не встречал свою соседку, имя которой — Ия — обозначало именно этот скромный цветок.

Дни проходили за днями, и бывший садовник, касаясь дверной ручки, чтобы выйти из дома, всё чаще думал о девушке, а в его сердце закралось беспокойство, которое усиливалось и усиливалось, пока не превратилось в настоящее волнение — уж не случилось ли с соседкой что-нибудь. И когда

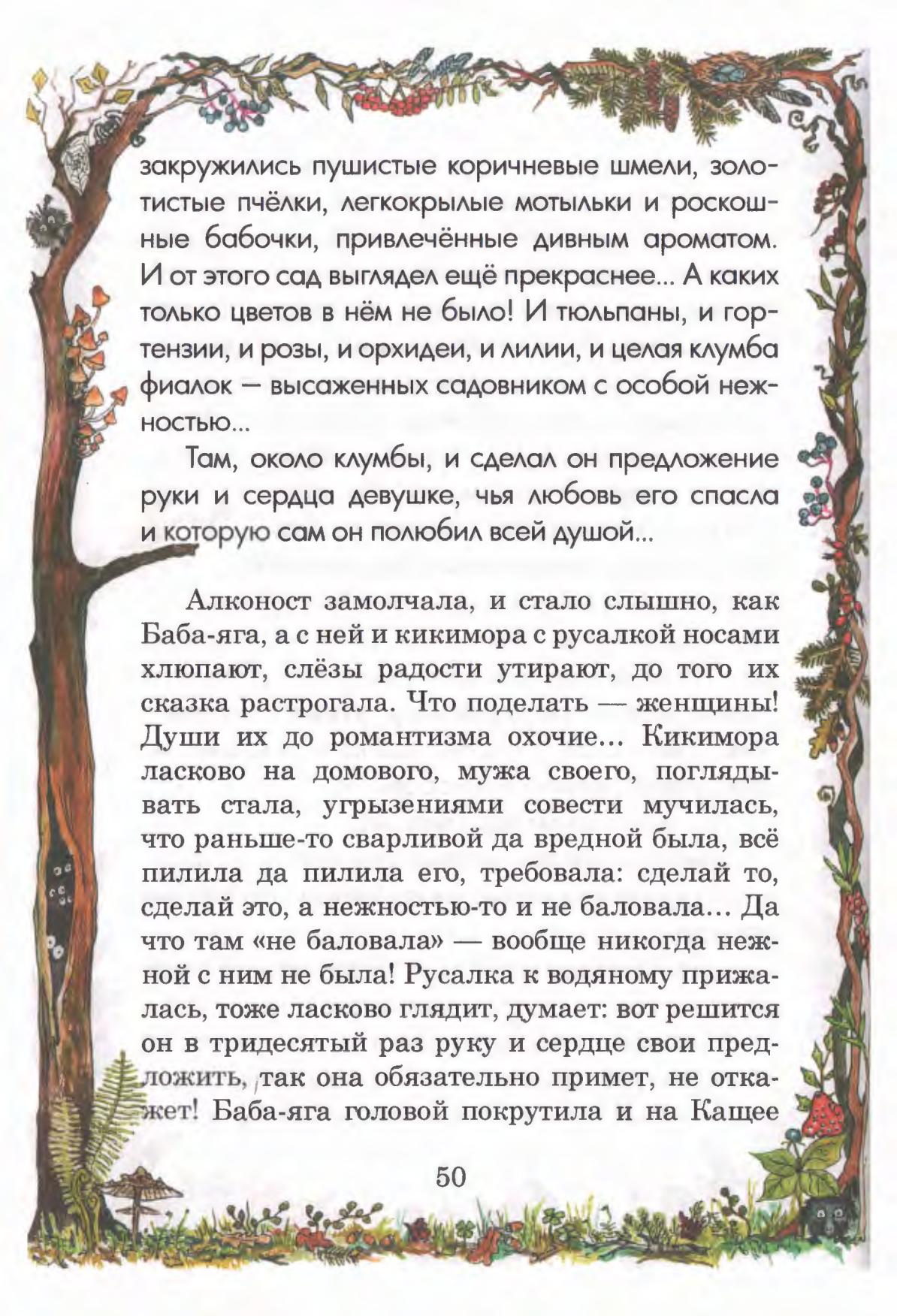
переживания стали совсем нестерпимыми, он решил пойти проведать её. Погода, правда, была совсем неподходящей для того, чтобы выманить его из дома: дождь прекратился и в окна бились солнечные лучи, словно пытались распахнуть створки. Тем не менее бывший садовник взялся за дверную ручку и... Вдруг та, о которой он так часто думал в последние дни, оказалась перед ним. Но — боже! — в каком виде! В грязном, порванном плаще, с исцарапанным лицом! По нежным щекам текли слёзы... Значит, он был прав — с девушкой случилась беда, а он так долго медлил, вместо того чтобы давно узнать, куда она исчезла! А ведь Ия так часто помогала ему... И даже приглядывала за его садом, пока он ездил к знаменитому кудеснику... И не только помогала, в её глазах, когда она робко взглядывала на него, всегда светилась... любовь.

Ах, каким же он был глупцом!

Мысли и чувства, охватившие бывшего садовника, отразились на его лице. Девушка заплакала от счастья.

— Не переживайте! Я помогу вам восстановить ваши клумбы! — горячо воскликнула она.

Несколько недель от зари и до заката не покладая рук трудились Ия и садовник, высаживая новые цветы. И вот над клумбами снова



закружились пушистые коричневые шмели, золотистые пчёлки, легко крылья мотыльки и роскошные бабочки, привлечённые дивным ароматом. И от этого сада выглядела ещё прекраснее... А каких только цветов в нём не было! И тюльпаны, и гортнезии, и розы, и орхидеи, и лилии, и целая клумба фиалок — высаженных садовником с особой нежностью...

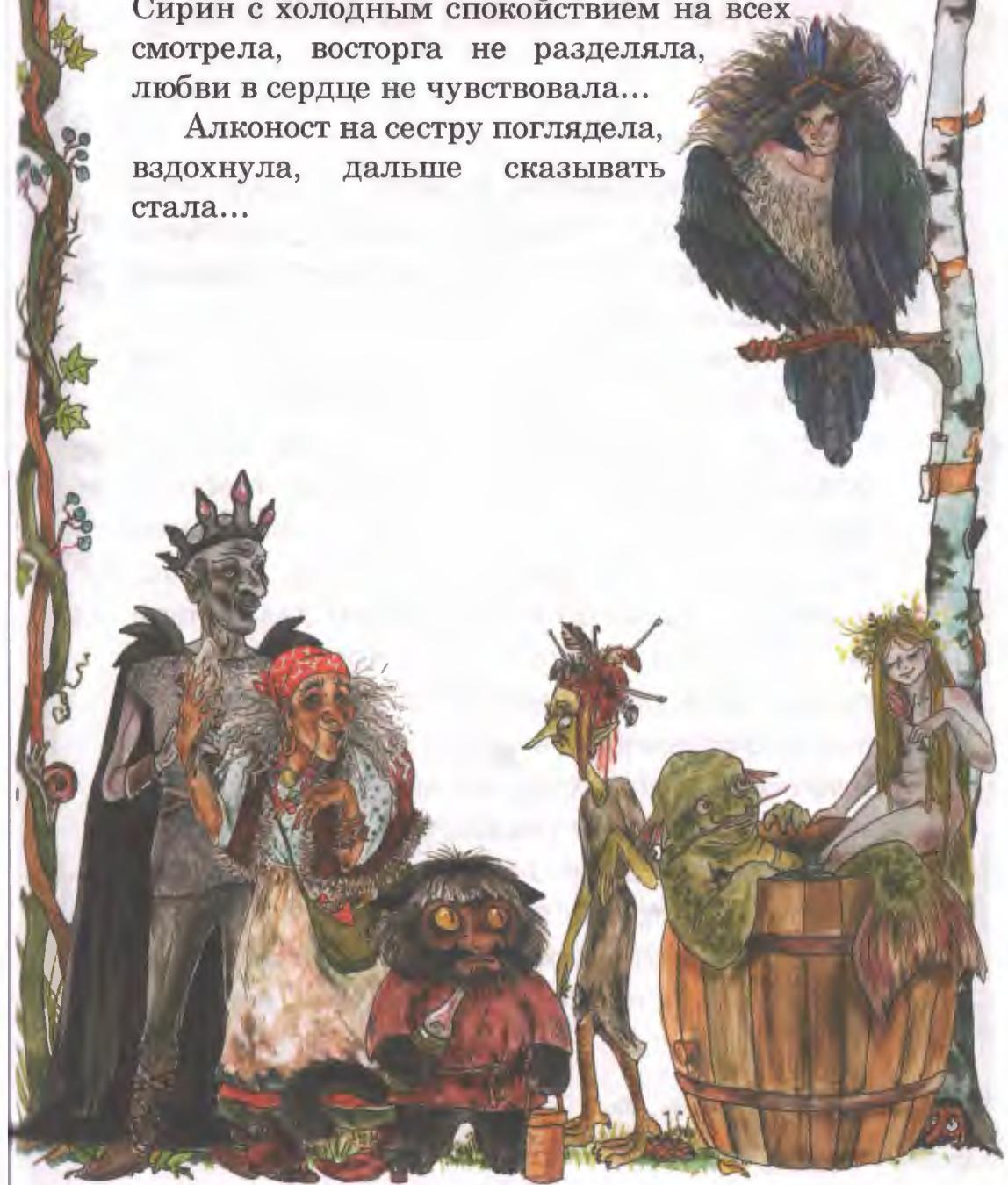
Там, около клумбы, и сделал он предложение руки и сердца девушке, чья любовь его спасла и которую сам он полюбил всей душой...

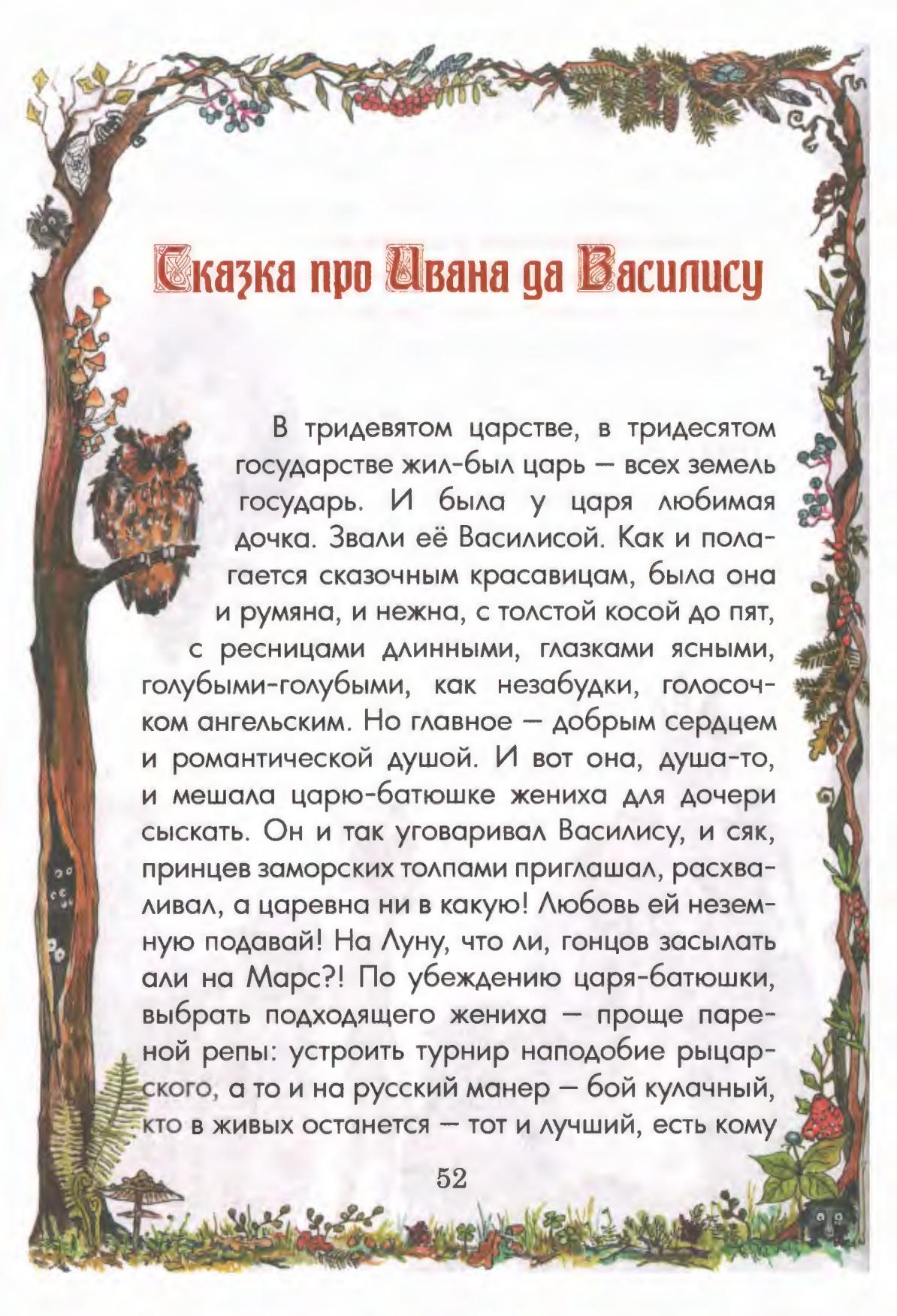
Алконост замолчала, и стало слышно, как Баба-яга, а с ней и кикимора с русалкой носами хлюпают, слёзы радости утирают, до того их сказка растрогала. Что поделать — женщины! Души их до романтизма охочие... Кикимора ласково на домового, мужа своего, поглядывать стала, угрызениями совести мучилась, что раньше-то сварливой да вредной была, всё пилила да пилила его, требовала: сделай то, сделай это, а нежностью-то и не баловала... Да что там «не баловала» — вообще никогда нежной с ним не была! Русалка к водяному прижалась, тоже ласково глядит, думает: вот решится он в тридцатый раз руку и сердце свои предложить, так она обязательно примет, не откажет! Баба-яга головой покрутила и на Кащея



Бессмертном свой взгляд остановила, так что
Кашей забеспокоился, уж не придётся ли ему
с душой бессмертной рас прощаться... Только
Сирин с холодным спокойствием на всех
смотрела, восторга не разделяла,
любви в сердце не чувствовала...

Алконост на сестру поглядела,
вздохнула, дальше сказывать
стала...





Сказка про Ивана да Василису

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил-был царь — всех земель государь. И была у царя любимая дочка. Звали её Василисой. Как и полагается сказочным красавицам, была она и румяна, и нежна, с толстой косой до пят, с ресницами длинными, глазками ясными, голубыми-голубыми, как незабудки, голосочком ангельским. Но главное — добрым сердцем и романтической душой. И вот она, душа-то, и мешала царю-батюшке жениха для дочери сыскать. Он и так уговаривал Василису, и сяк, принцев заморских толпами приглашал, расхваливал, а царевна ни в какую! Любовь ей неземную подавай! На Луну, что ли, гонцов засылать али на Марс?! По убеждению царя-батюшки, выбрать подходящего жениха — проще пареной репы: устроить турнир наподобие рыцарского, а то и на русский манер — бой кулачный, кто в живых останется — тот и лучший, есть кому



и дочку, и полцарства в качестве приданого передать! Но доброе Василисено сердце противилось такому жестокому отбору.

— Ну так придумай своё испытание, раз старших не слушаешь! Только не затягивай, чтобы к завтрему готово было! Таков мой отцовский наказ! — И царь топнул ногой, обутой в сафьяновый сапог, да так, что каблук отлетел, уж больно осерчал на дочь непослушную.

На следующий день, прямо с утра, ещё и завтрак не подали, а царь уж велел, чтобы Василису к нему привели. Царевна вошла и встала у стеночки расписной, потупившись и ресницами длинными прикрывшись, чтобы отец не заметил, как глазки её прекрасные решимостью и непокорностью горят.

— Ну что? Придумала? — грозным голосом спросил царь.

— Придумала, батюшка... Зови женихов, но только условие — пусть среди них не только принцы будут, но и обычные люди, — хоть и нежным голосом, но с твёрдостью произнесла Василиса.

— Ещё чего не хватало! — всплеснул руками царь. — Тут принцев-то девять некуда, толпами по двору слоняются, весь газон повытоптали, а тебе мало?!





Но Василиса, уж на что была доброй и послушной, а тут упёрлась. Подавай ей и простых парней тоже! Для справедливости, мол. И что, мол, не богатство и титулы в женихе главное.

— А что? — искренне изумился царь.

— Душа, — не моргнув глазом ответила дочка. — Душу родную найти хочу.

— Испытание-то хоть серьёзное? — с тяжким вздохом поинтересовался царь, сдаваясь.

— В самый раз.

К полудню съехались-сбежались на царский двор все, кто просыпал, что в состязании за руку царской дочери и полцарства к ней в придачу не только принцам крови участвовать можно. Царь от огорчения даже на крыльце не вышел, чтобы кандидатов в зятя поприветствовать, из окошка за безобразием наблюдал.

Часы на самой высокой башне дворца пробили двенадцать раз, высокие резные двери отворились, и вышла, да нет, не вышла — а выплыла лебёдушкой Василиса. И от красоты её даже солнышко на небе ярче засияло и птички звонче защебетали, а уж о принцах и прочих и говорить нечего — все как один на девушку уставились, от восхищения и речи, заранее подготовленные, забыли. А Василисе их речи и без надобности.



Пригласила она всех в свой сад, в самом центре которого располагался чудесный розарий.

— Испытание самое что ни на есть простое, — ручейком лесным прожурчал царевнин голосок, лаская слух всем, кто его услышал. — Каждый из вас должен понюхать любой цветок и сказать мне, чем он пахнет. Представьте себе, что это ваш собственный розарий.

Переглянулись принцы, переглянулись простые парни — вот так испытание! Легкотня! Проще, как любил выражаться царь-государь, репы пареной. И началось: выстроились в цепочку, по очереди к розарию подходят, розочку от стебля отламывают, к лицу подносят, носом чуть не в самую сердцевину цветка тычутся, для запаха слова подобрать пытаются: и сладкий он, и терпкий, и пряный, и такой, и сякой... Царевна молча смотрит, видно, что грустит. Почти закончились кандидаты, а она никому никакого знака так и не подала. Остался последний парень. Он и пришёл последним, да и то случайно: ворота в царский двор открытыми стояли, что редко случалось. Вот он и заглянул из любопытства, дворец царский вблизи рассмотреть — уж больно узоры на стенах красивые да резьба на ставнях искусная. А потом царевну-то и увидел, и влюбился



с первого взгляда, а как в такую не влюбиться? Вот только испытание она придумала странное, сколько цветов загубили...

— Ну а ты что стоишь, добрый молодец? — обратилась Василиса к нему. — Твоя очередь.

Иван (так звали парня, ну а как иначе в сказке-то?) подошёл к розарию (точнее, к тому, что от него осталось), покачал печально головой, опустился перед одной из оставшихся роз на колени и, склонившись над ней, с наслаждением вдохнул аромат. Сказать ещё ничего не успел, а царевна уж посветлела лицом, поднялась со скамеечки, на которой сидела, за испытанием наблюдая, протянула ручку парню, проговорила ласково:

— Вот он, суженый мой!

Царь-батюшка чуть из окна не вывалился.

— Окстись, дочка! Он же неизвестного роду-племени!

Иван возмутился:

— Почему неизвестного?! Отец мой знатным кузнецом был, теперь я его дело продолжаю. У тебя, царь-батюшка, между прочим, ворота кованые уж совсем проржавели, пора бы и новые поставить. Хочешь сделаю? Мне не сложно.

— Ладно. Делай ворота, пока я для тебя новые испытания придумываю.



— Какие- такие новые?! — возмутилась Василиса.

— А вот такие! — сердито воскликнул царь. — Чтоб проверить, что он ещё может, кроме как цветочки нюхать! И не спорь с отцом, ишь — моду взяла! Марш в светёлку и сиди там, пока не позову!

Бросила Василиса на Ивана взгляд ласковый, вздохнула, удачи пожелала да и ушла приказание батюшкино выполнять.

Неделю царь думал, что бы такого-этакого будущему зятю поручить, чтобы он не справился. А Иван всю неделю ворота новые ковал, узоры невиданные выдумывал. Как раз на седьмой день и привёз на двух подводах и с помощью слуг царских установил вместо старых. Царь как увидел красоту такую, так от восторга чуть не забыл про свои планы коварные, но... спохватился вовремя. Радость и восхищение с лица убрал, строгость и равнодушие на нём изобразил.

— Считай, принял твою работу, — милостиво кивнул он головой. — А теперь слушай сюда. Вот тебе ещё задание: дворец у меня большой, пока до кого нужного докричишься, весь голос сорвёшь. Хочу, чтобы изобрёл ты средство, как проблему эту решить! Сроку тебе — неделя. Не справишься —



скажешь царевне: так, мол, и так, не гожусь я тебе
в мужья.

Задумался Иван. А как тут не задуматься? Дворец-то и впрямь огромный, за день не обойдёшь. А царь-то уж и не молодой вовсе. Помочь бы надо... Пошёл он домой, в мысли погружённый, по сторонам не глядит. А когда идёшь задумавшись, так недолго и столкнуться с кем-нибудь! Вот Иван и столкнулся — со старицком, который на лавочке сидел и газету читал. Да-да, самую настоящую. «Сказочную правду».

— Ты что ж это, мил человек, не смотришь, куда ноги тебя несут? Так ведь и убиться недолго! Али кого другого зашибить! — проворчал старичик, но не так чтобы и сердито. Окинул внимательным взглядом Ивана (через стёкла очков, что на его носу прицеплены были, глаза казались большими и добрыми), спросил участливо:

— Никак, задумался о чём важном?

— Ты прости, дедушка, если помешал, — виновато произнёс Иван. — И вправду задумался.

И рассказал про заботу свою.

— То есть ты не ради руки царевны и приданого её размером в полцарства постараться хочешь, а только пожилому царю помочь? — переспросил старичик.

Иван удивился вопросу:



— Конечно! Мы с Василисой друг друга полюбили, а значит, вместе так или иначе, но будем. А про полцарства я и не слышал даже. Да и ни к чему мне оно.

Говорил молодец искренне, а потому дедушке его ответ понравился.

— Добрая у тебя душа, потому и Судьба тебе помогает, свела тебя с нужным человеком, со мной то бишь, — сказал он, лукаво усмехаясь. — Присаживайся, расскажу кое-что для тебя полезное, что в «Сказочной правде» вычитал.

Что именно вычитал старичик в газете и про что Ивану поведал — про то нам не сразу стало известно. Вот только, вернувшись домой, отправился парень не мешкая в кузню и не выходил оттуда два дня. А потом ещё два дня по магазинам сказочных товаров ходил, искал что-то. И, видать, нашёл, раз уже на пятый день, раньше срока, во дворец явился и стал какими-то непонятными делами заниматься: развесил в каждом помещении (начиная с опочивальни царя-государя) железные рупоры — трубы такие специальные, в виде конуса (в своей кузне самолично сработал!), соединил их между собой проводами (купил ведь где-то!) и предложил изумлённому царю в рупор что-нибудь сказать.

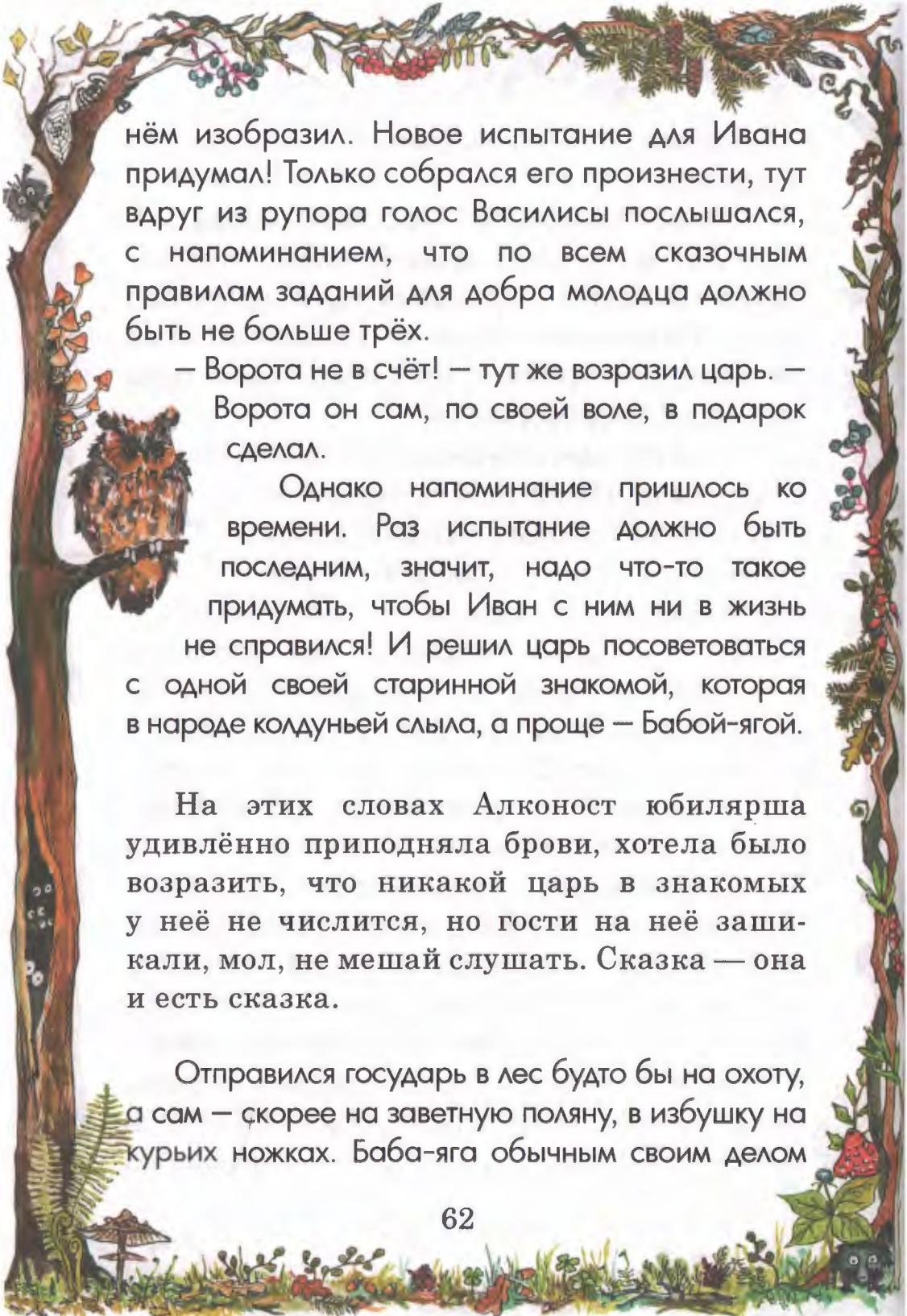


Можно, мол, и не очень громко, чтобы горло не надрывать.

— А чего говорить-то? — растерялся царь.

— Да что угодно, царь-батюшка, извольте только приказать! — раздался вдруг из рупора голос ближайшего царского помощника, тоже несколько растерянный, уж больно чудно было через трубу разговаривать.

Таким вот удивительным образом появилось в дворце, что потом, много времени спустя и уже не только в сказке, стало привычным устройством для общения на больших расстояниях — телефоном! А всё благодаря старичку, прочитавшему в «Сказочной правде» об одном итальянском учёном с длинным и красивым именем — Антонио Санто Джузеппе Меуччи, который случайно такой вот удобный способ изобрёл. Правда, настоящая жизнь не сказка, в ней не всегда побеждает справедливость, а потому изобретателем телефона считается тот, кто его запатентовал, то есть обзавёлся специальными документами, — Александр Грэмм Бэлл. Но этот факт к сказке не имеет никакого отношения. А потому вернёмся в царский дворец. А царь, между прочим, опять радость и восхищение со своего лица убрал, строгость и равнодушие на



нём изобразил. Новое испытание для Ивана придумал! Только собрался его произнести, тут вдруг из рупора голос Василисы послышался, с напоминанием, что по всем сказочным правилам заданий для добра молодца должно быть не больше трёх.

— Ворота не в счёт! — тут же возразил царь. — Ворота он сам, по своей воле, в подарок сделал.

Однако напоминание пришлось ко времени. Раз испытание должно быть последним, значит, надо что-то такое придумать, чтобы Иван с ним ни в жизнь не справился! И решил царь посоветоваться с одной своей старинной знакомой, которая в народе колдуньей слыла, а проще — Бабой-ягой.

На этих словах Алконост юбилиарша удивлённо приподняла брови, хотела было возразить, что никакой царь в знакомых у неё не числится, но гости на неё зашикали, мол, не мешай слушать. Сказка — она и есть сказка.

Отправился государь в лес будто бы на охоту, а сам — скорее на заветную поляну, в избушку на курьих ножках. Баба-яга обычным своим делом



занималась — зелья варила. В избушке было темновато, и царя она не сразу признала, чуть в печку его не отправила! А когда разобралась да про заботу его выслушала, молвила:

— Фу, проще пареной репы! Надо, чтобы он Василису забыл, только и всего!

— Да как же он забудет, если любовь у них, понимаешь ли! — засомневался царь.

— Да очень просто. Отправь его за мечом-кладенцом.

— Это который под старым дубом закопан?

— Тот самый.

— Ну и добудет он мне меч, он же кузнец, в нём силы немеряно! Дуб тот с корнем вырвет и добудет!

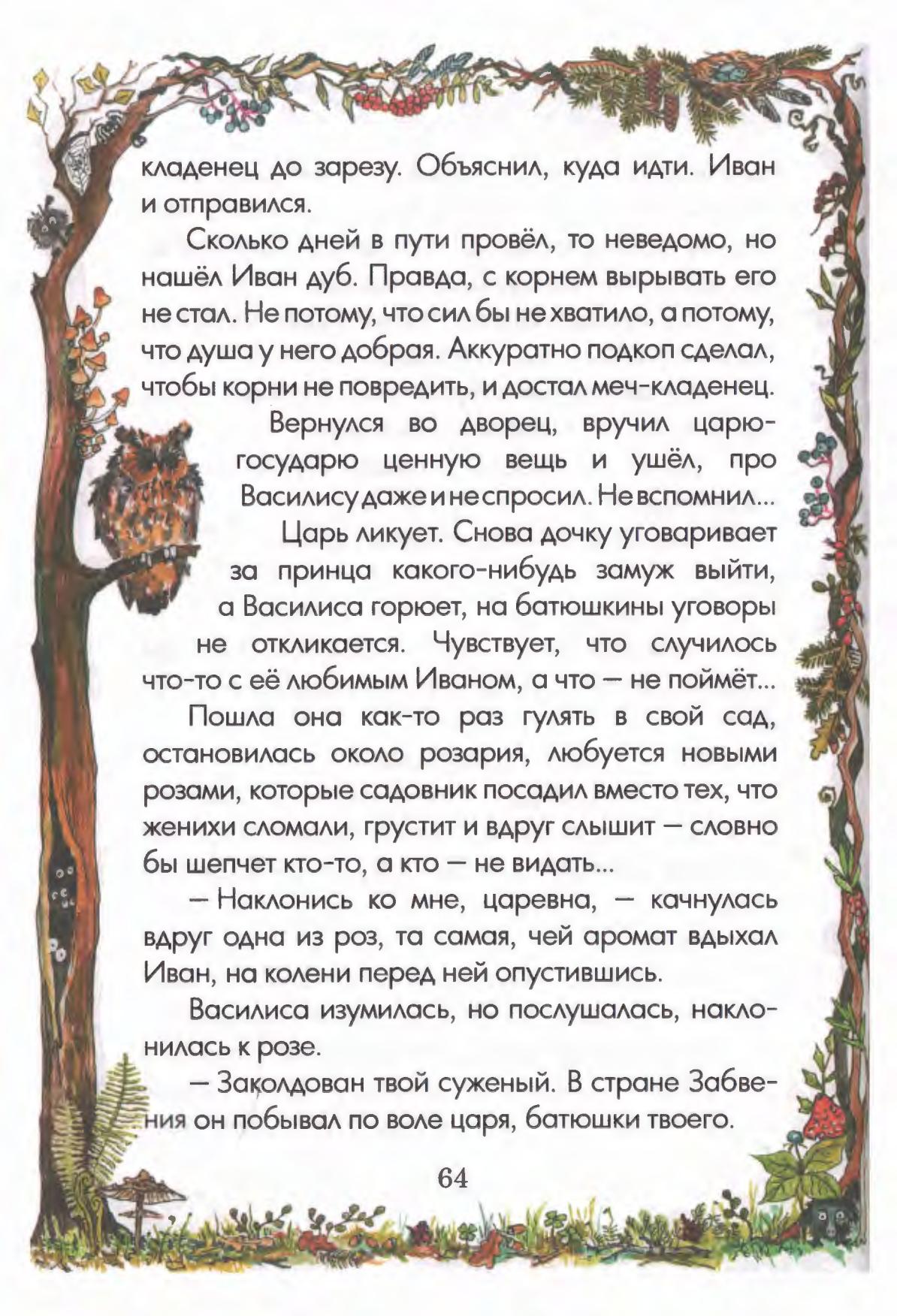
Баба-яга хитро прищурилась.

— И пусть добудет. Меч в хозяйстве завсегда пригодится. Главное не в нём! А в том, что дуб тот в стране Забвения растёт. Забудет он Василису свою.

— Мою!

— Ну хорошо, — не стала спорить Яга. — Твою Василису забудет. А тебе ведь того и надо?

Обрадовался царь, что решение нашлось. Повеселел. Вернулся во дворец и сразу вызвал к себе Ивана. Так, мол, и так. Нужен ему меч-



кладенец до зарезу. Объяснил, куда идти. Иван и отправился.

Сколько дней в пути провёл, то неведомо, но нашёл Иван дуб. Правда, с корнем вырывать его не стал. Не потому, что сил бы не хватило, а потому, что душа у него добрая. Аккуратно подкоп сделал, чтобы корни не повредить, и достал меч-кладенец.

Вернулся во дворец, вручил царю-государю ценную вещь и ушёл, про Василису даже и не спросил. Невспомнил...

Царь ликует. Снова дочку уговаривает за принца какого-нибудь замуж выйти, а Василиса горюет, на батюшкины уговоры не откликается. Чувствует, что случилось что-то с её любимым Иваном, а что — не поймёт...

Пошла она как-то раз гулять в свой сад, остановилась около розария, любуется новыми розами, которые садовник посадил вместо тех, что женихи сломали, грустит и вдруг слышит — словно бы шепчет кто-то, а кто — не видать...

— Наклонись ко мне, царевна, — качнулась вдруг одна из роз, та самая, чей аромат вдыхал Иван, на колени перед ней опустившись.

Василиса изумилась, но послушалась, наклонилась к розе.

— Заколдован твой суженый. В стране Забвения он побывал по воле царя, батюшки твоего.



— И теперь он меня никогда не вспомнит? —
расплакалась девушка.

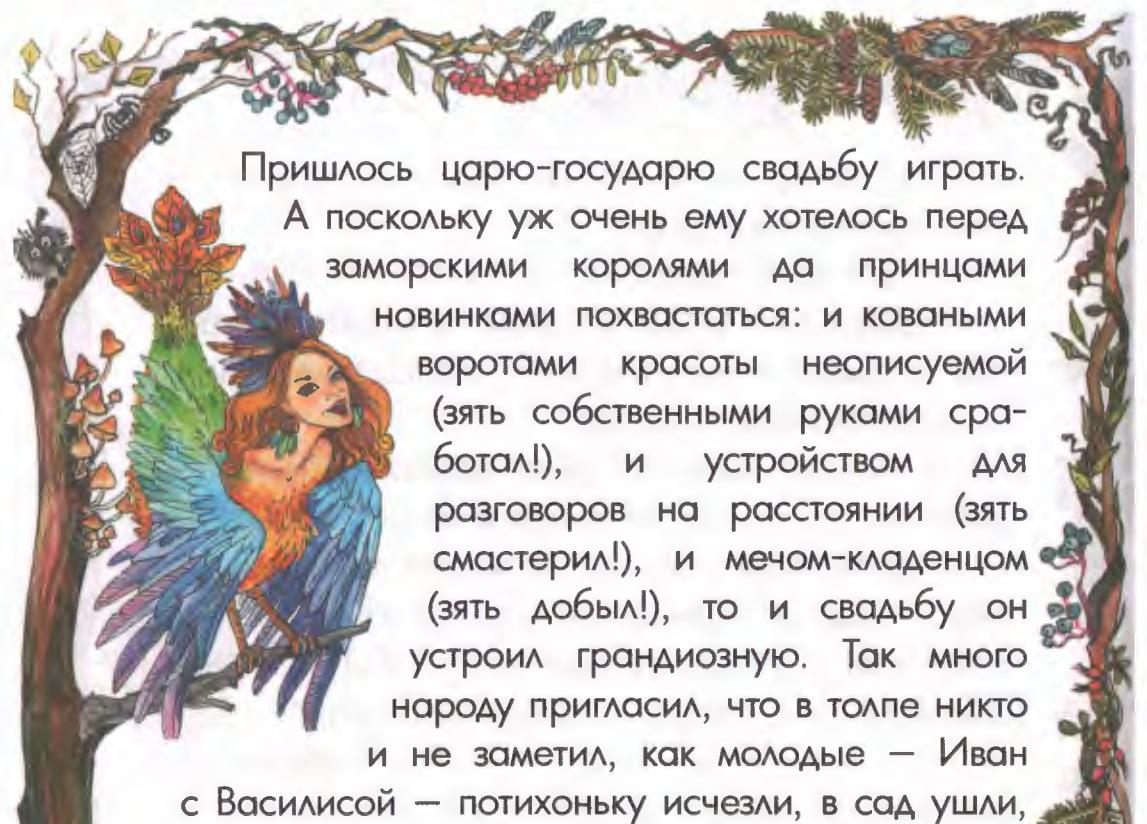
— Есть один способ...

Нашептала роза царевне в нежное ушко
что-то такое, от чего глазки Василисы удивлением
и радостью наполнились.

А ночью убежала она тайком из дворца,
добралась до дома кузнеца и высыпала вокруг
него цветочные семена. В жизни бы семенам
пара недель понадобилась, чтобы
прорости, да ёщё столько же, чтобы
зацвести, а в сказке — проснулся Иван
поутру, вышел во двор — а там вместо
зелёной травы всё голубое, словно небушко на
землю улеглось. Иван даже сначала и не понял,
что произошло. Потом присмотрелся — да это же
цветы! Незабудки!

Незабудки... А ведь именно про незабудки
он вспоминал, да не так уж и давно... А почему
вспоминал?.. И будто в сердце колнуло — глаза
девичьи.. Цвета незабудкового... Такие — что
и правда забыть нельзя, потому что в них душа
родная светилась... Василисушка!

Кинулся Иван во дворец. И сразу к царю. Так,
мол, и так. Три задания исполнил. От полцарства
отказывается, потому как царевну не за приданое
полюбил.



Пришлось царю-государю свадьбу играть.
А поскольку уж очень ему хотелось перед
заморскими королями да принцами
новинками похвастаться: и коваными
воротами красоты неописуемой
(зять собственными руками сра-
ботал!), и устройством для
разговоров на расстоянии (зять
смастерили!), и мечом-кладенцом
(зять добыл!), то и свадьбу он
устроил грандиозную. Так много
народу пригласил, что в толпе никто
и не заметил, как молодые — Иван
с Василисой — потихоньку исчезли, в сад ушли,
около розария, где впервые их души встретились,
целовались и о любви своей друг
другу шептали...

И жили потом долго и счаст-
ливо!

— Тоже, что ль, клумбочку
возле избушки соорудить, —
мечтательно
произнесла
Баба-яга и
опять так
на Кощяя





посмотрела, что Бессмертный из-за стола встал
да подальше от юбилярши пересел.

Анчутка же теребил АлкоНост за крылья, даже несколько серебристых пёрышков от нетерпения выдрал:

— Ещё хочу! Ещё рассказываЙ!

Посмотрела птицедева в окно, за которым по-прежнему ничего не было видно, кроме белой стены снега... Подумала... Снова зазвенел хрустальным колокольчиком её голосок...



Зимняя сказка

Эта история началась в самое сказочное время года — зимой... Точнее — когда с неба стали падать первые снежинки. Для маленького мальчика, которого мама вывела погулять, эти снежинки были первыми в прямом смысле слова — он ещё ни разу их не видел, потому что всю прошлую зиму провёл в коляске и на прогулках крепко спал. Теперь же мальчик шёл ножками, обутыми в тёплые ботиночки, и с удивлением смотрел, как с неба, которое сменило голубой цвет на светло-серый, вдруг посыпались белые пушистые кружочки. Они тоже, казалось, удивились тому, что с ними происходит. А может, даже испугались, ведь падали с такого высокого высока! Но, увидев, что с теми, кто достиг землю, ничего страшного не случилось, — перестали бояться и падали уже спокойно, неторопливо; кружились в воздухе, словно танцуя. Никто из них не разбился, плавно прилёг: кто на мягкую травку газона, кто на тротуар, кто на ветки деревьев, крыши автомобилей, шапки, пальто.

и куртки прохожих... Мальчик хлопал в ладошки от восторга, выражать своё восхищение словами он ещё не умел. Лопотал что-то непонятное, показывая маме на невесомые кружочки, и смеялся. Мама тоже смеялась и ловила их на свою перчатку. Вот тогда, на маминой перчатке, малыш и разглядел, что с неба падают не просто кружочки, а... что-то совершенно необыкновенное... Такое, что даже у взрослых не находится подходящих слов, чтобы описать их красоту. Мама назвала их СНЕЖИНКАМИ... Мальчик не смог повторить, но запомнил. И с того момента с нетерпением ждал встречи с ними...

Ещё через две зимы, когда малыш подрос, он научился вырезать снежинки из бумаги. Хотя разве возможно сравнить их с настоящими! Нет... И даже салфеточки, которые ловко сплетала из белых нитей мамина знакомая, при всей своей кружевной воздушности не могли стать похожими на те, что падали с неба... Самое же поразительное заключалось в том, что, как уверяли взрослые, все снежинки уникальны! То есть ни одна не повторяет другую! И каждый их узор встречается лишь один-единственный раз! Мальчик не верил. Решил, что взрослые — даже мама! — ошибаются! Ведь снежинок сыплется с неба бесчисленное множество! Разве хоть кому-то удалось разглядеть их все?!



Однажды под Новый год мальчик гулял во дворе со своей знакомой — девочкой из соседней квартиры. Дети играли в снежки и веселились — ещё бы, ведь скоро добрый волшебник Дед Мороз принесёт им подарки! Вдруг с неба посыпался белый пух — начался снегопад. Мальчик и девочка ловили снежинки и, сравнивая их, спорили, чья красивее. Но вот мальчик поймал на варежку особенно изящную снежинку. Даже его подружка признала, что более прекрасных узоров нет и — быть не может (если взрослые правы и снежинки действительно не повторяются). Мысль о том, что кружевное чудо вот-вот растает, растворится, станет просто капелькой воды, настолько потрясла мальчика, что он пообещал не допустить такой несправедливости!

— Но как ты это сделаешь? Это невозможно! — не поверила девочка.

Вместо ответа мальчик побежал домой, а дома, — осторожно снял варежку и положил её в морозилку. Но, увы, желание любоваться снежинкой было слишком сильным. И малыш так часто открывал дверцу, чтобы посмотреть на удивительный узор, что в какой-то момент от его горячего дыхания «чудо» исчезло, осталось лишь в его памяти, зато — на долгие годы...

Шло время... Мальчик превратился в юношу, уехал из своего города: сначала на учёбу, а потом много ездил по миру, и по работе, и просто путешествовал... Но по-прежнему любил снегопад. Он уже знал, что если долго под ним стоять и молчать, создать внутри себя абсолютную тишину, то можно услышать – да-да! – можно услышать, как снежинки перешептываются друг с другом. Наверное, обсуждают свою неповторимость, выбирают «королеву снежного бала»... Ещё он знал, что снежинки умеют гораздо больше, чем просто тихо кружиться в воздухе. Они умеют ПРЕВРАЩАТЬСЯ... Например, если снежинка опускалась на щёку, то превращалась в слезинку, словно бы читала грустные мысли и печалилась вместе с человеком. А если на губы, то таяла на них сладким поцелуем... Юноша был уверен, что такой сладкий поцелуй может подарить только любимая девушка. И он влюблялся, то в одну, то в другую... Но с девушками получалось то же самое, что и со снежинками: чувство, поначалу красивое и казавшееся вечным, вдруг таяло, растворялось, исчезало, и он опять искал, всё меньше веря в то, что его идеал существует...

Год проходил за годом, зима – за зимой... Юноша стал совсем взрослым, но, как и раньше, любил разглядывать снежинки, любовался ими с тихой улыбкой, снова и снова убеждался, что

двуих одинаковых не существует... А как хотелось бы ему увидеть ту, из своего детства, которая так и осталась в памяти как самая прекрасная из всех виденных... Или... встретить ту, которая видела точно такую же снежинку и тоже запомнила именно её...

Всем давно известно, что лучшее время для исполнения желаний – Новый год. И вот как-то под Новый год молодой человек, прогуливаясь по парку, оказался на выставке, где не слишком маститые художники представляли свои картины всем желающим на них посмотреть. С утра было морозно, небо сияло голубизной, но к обеду потеплело, и голубизна стала всё больше отливать жемчужно-серым, пока окончательно не исчезла и из жемчужно-серой вышины не посыпались снежные пушинки... Они ложились на картины, художники их стряхивали, недовольноворча. Кто-то спешил сбрасывать свои полотна и уйти, кто-то просто накрывал пленкой, думая переждать снегопад. Но он всё усиливался... Молодой человек, казалось, был единственным, кто не торопился спрятаться под зонт или покинуть парк. Медленно шёл он по редеющим рядам, скользя задумчивым взглядом по картинам, которые ещё возможно было разглядеть. И вдруг замер. Не может быть! Нет-нет... наверное, такое впечатление сложилось из-за прилипших

к полотну снежинок! Картина стояла на мольберте, как будто над ней только что работал художник. И на ней тоже шёл снег... В воздухе кружились узорчатые красавицы, и в самом центре — ОНА. Та самая... ЕГО снежинка. Не поверив глазам, молодой человек осторожно провёл по холсту рукой, чтобы убедиться, что «гостья из прошлого» уже никуда не денется. Тому, кто её запечател, удалось немыслимое, удалось то, что не удалось когда-то ему — сохранить хрупкое чудо не только в памяти...

— Вам нравится моя картина? — прозвучал над самым его ухом нежный голосок.

Молодой человек обернулся. На него смотрела самая настоящая Снегурочка! Во всяком случае, так ему показалось вначале, потому что и шапочка, и шубка девушки, и её волосы, и даже ресницы были белыми от нападавших на неё снежинок.

— Очень нравится, — произнёс молодой человек. — Но ведь это невозможно!

— Что невозможно? — удивилась художница.

— Не бывает двух одинаковых снежинок! Вы не могли её видеть...

— Но я видела... Именно такую... Очень давно, в детстве...

Молодых людей вдруг осенила догадка.

Снег всё падал и падал... Парк совсем опустел

только эти двое словно бы ничего не замечали: смеялись, ловили снежинки, спорили, чья красивее, и снова смеялись...

А чуть вдалеке, скрытый за белой пеленой, стоял и смотрел на них, ласково улыбаясь, высокий старик в длинном синем кафтане, расшитом серебряными нитями, с длинной бородой и пышными усами, а в руках — хрустальный посох...

— Да неужто сам Каракун?! — воскликнули гости вместе с юбиляршей. — Это ведь он под Новый год в Деда Мороза превращается! Добрые чудеса творит...

— Эх, Яга! — посетовал домовой. — Угораздило тебя не под Новый год родиться, когда Каракун добрый. Не сидели бы сейчас взаперти и голодные...

— Дык... как же... Я, что ль, виновата, что 13-е число 13-го месяца с Новым годом не совпадает!

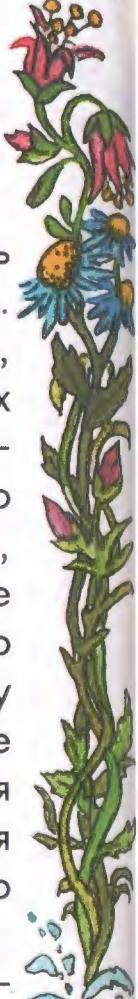
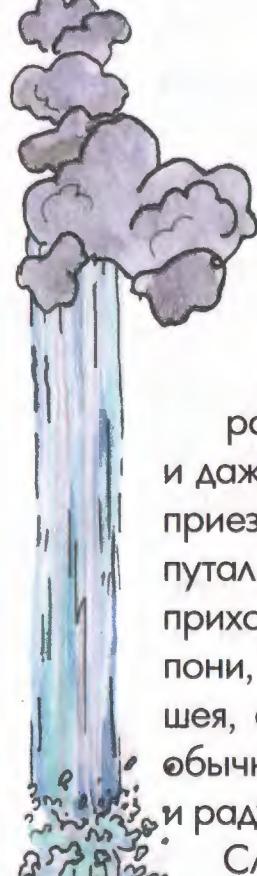
— Да ладно вам, — примирительно сказал анчутка. — Когда бы ещё столько сказок послушали...

— И то верно, — согласились остальные. — Давай, Алконост, рассказывай ещё.

Птицедева опять ненадолго задумалась и начала новую сказку. Словно бы сундучок волшебный открыла — и оттуда достала.

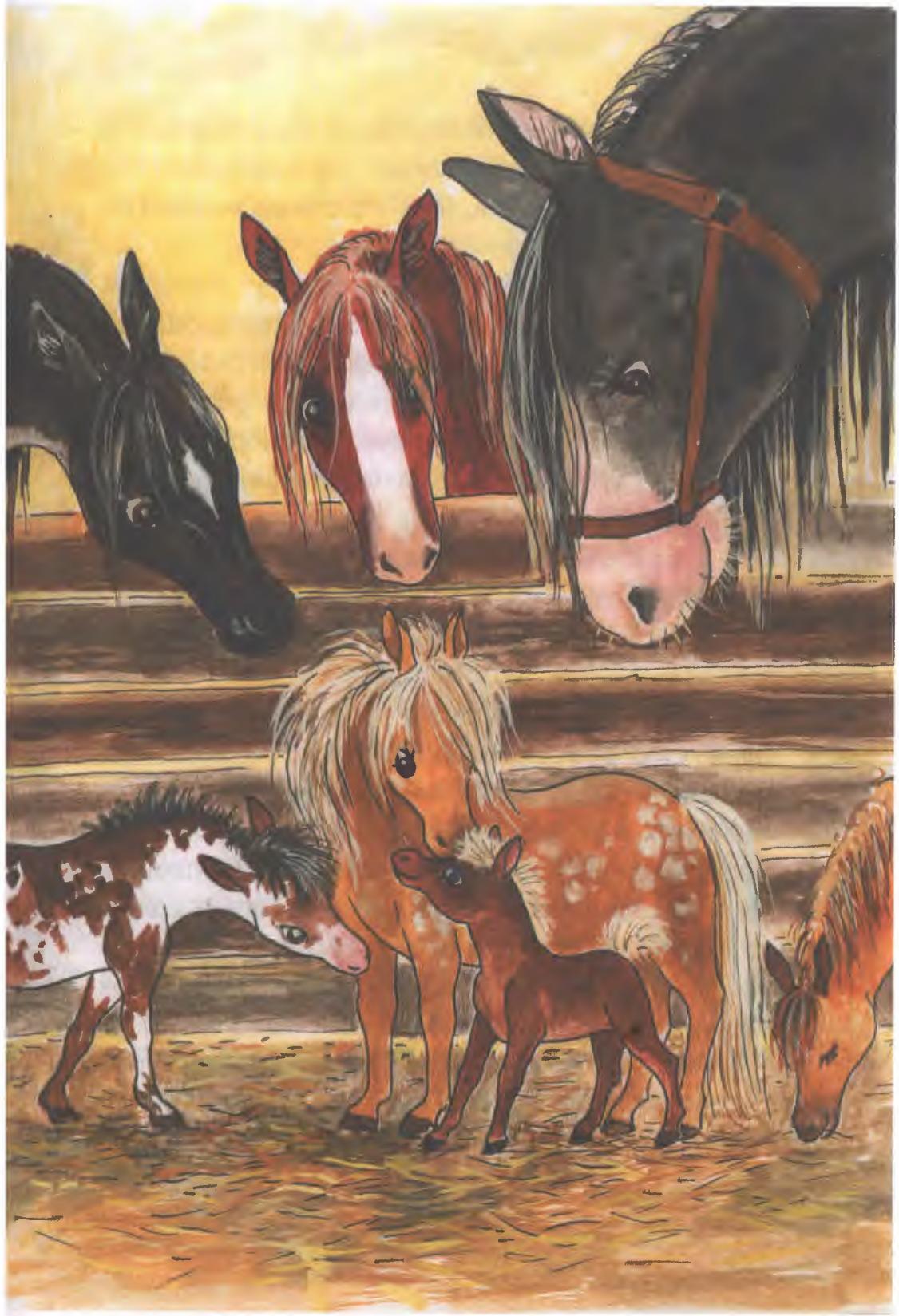


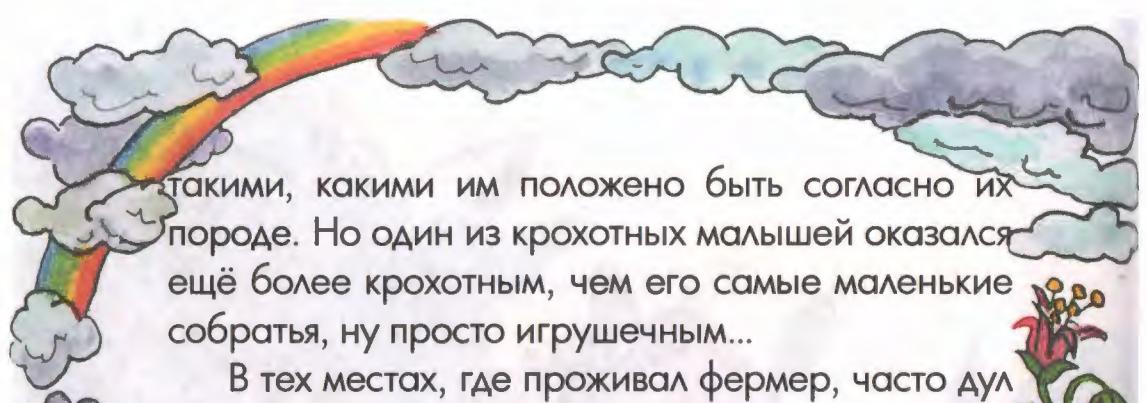
Ветерок



Жил однажды фермер. Он был очень трудолюбивым, как и вся его большая семья. В их хозяйстве имелись: и стадо коров, и отара овец, и табуны лошадей самых разных пород. Были тут першероны — добрые и спокойные тяжеловозы огромного роста, и резвые арабские скакуны-иноходцы, и даже миниатюрные фалабеллы. Гости, которые приезжали к фермеру отдохнуть на природе, часто путали этих маленьких лошадок с пони, и фермеру приходилось объяснять, что фалабелла — это не пони, потому что у пони ноги короткие и мощная шея, а фалабелла — словно уменьшенная копия обычной лошадки, всё в ней пропорционально и радует взгляд изяществом форм.

Случилось у фалабелл прибавление — у нескольких лошадок родились жеребята. И не было бы в этом событии ничего удивительного (поскольку детки появлялись на свет в каждом табуне и каждый год), если бы все жеребята были





такими, какими им положено быть согласно их породе. Но один из крохотных малышей оказался ещё более крохотным, чем его самые маленькие собратья, ну просто игрушечным...

В тех местах, где проживал фермер, часто дул очень сильный ветер. Иногда он превращался в настоящий ураган, ломая и круша на своём пути

всё, что можно было сломать и разрушить.

В такие моменты семья фермера спешила укрыться в подвале, специально оборудованном, чтобы пережидать в нём стихийные бедствия. А затем, когда ураган стихал, люди выбирались наружу и принимались чинить то, что повредил неистовый вихрь.

Как-то раз налетела особенно сильная буря. Она разметала по окрестностям не только бревна, из которых были сделаны загоны для животных, но даже те, из которых был сложен дом. Когда фермер и его семья увидели разрушения, то так огорчились, что не сразу заметили самое главное — пропал крошка-фалабелла. Наверное, его унёс ветер, решили люди, после того как потратили несколько дней на поиски.

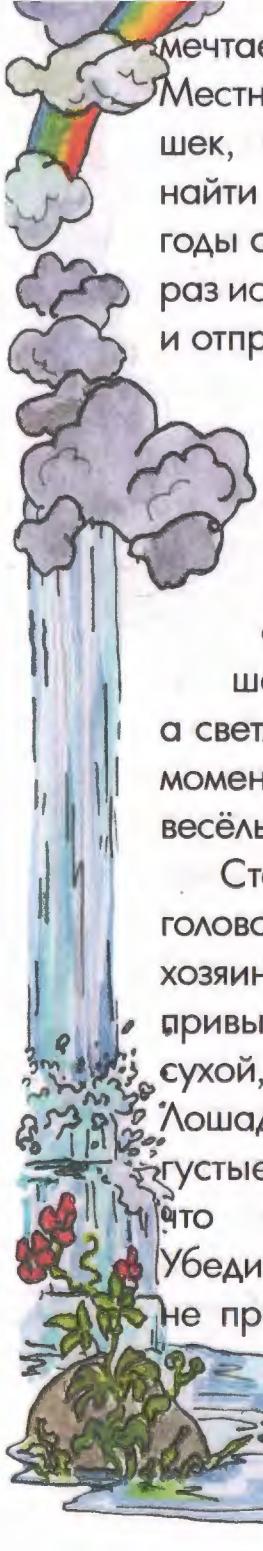
А малыша действительно унесло во время урагана, и он оказался за много-много километров от того места, где родился. К счастью, он был малень-



ким и лёгким, а потому не разбился при падении с высоты, когда ветер ослаб, а опустился на землю плавно, словно пушинка. Правда, напуганный произошедшим и обессиленный страхом, жеребёнок не вскочил на ножки, а остался лежать на боку с закрытыми глазками, мечтая о том, чтобы всё, что с ним случилось, оказалось лишь страшным сном.

Недалеко от того места, куда буря перенесла крошку-фалабеллу, стояла хижина. В ней жил старик со своим семилетним внуком. Родители мальчика уехали однажды на заработки и не вернулись. Наверное, по дороге с ними случилось несчастье, и старик растял мальчика один, постоянно испытывая нужду. Скудных средств, которые ему удавалось выручить продажей овощей с небольшого огорода (для чего приходилосьходить на рынок за несколько километров в ближайший городок), хватало только на еду и убогую одежду, поэтому у его маленького внука не было красивых покупных игрушек, лишь те, что старик мастерил для него из найденных в окрестностях деревяшек. И в доме не было даже кусочка ткани, чтобы как-то украсить изделия, потому что каждый лоскуток шёл на заплатки.

Больше всего старик переживал, когда у внука наступал день рождения. Он знал, что ребёнок



мечтает о подарке, но что он мог ему подарить?

Местность была степная, так что даже деревяшек, чтобы сделать мальчику новую игрушку, найти было уже невозможно — за прошедшие годы он собрал их все. Вот и в тот день внуку как раз исполнилось семь лет. Старик встал пораньше и отправился в степь на поиски хоть чего-нибудь,

что могло бы порадовать ребёнка. Он отошёл от хижины совсем недалеко, как вдруг — о чудо! — увидел на траве настоящую игрушку! Маленькая лошадка была сделана так искусно, что выглядела ну совершенно как живая! Нежная коричневая шёрстка золотилась в первых лучах солнца, а светлый гребешок напоминал одуванчики в тот момент, когда они готовятся разлететься по миру весёлыми пушинками.

Старик замер в изумлении, затем покрутил головой — вдруг где-то поблизости обнаружится хозяин роскошной игрушки. Но степь была привычно пустынной, тянулась полотном из сухой, выжженной солнцем травы до горизонта. Лошадка лежала на боку с закрытыми глазками, густые чёрные ресницы были такими длинными, что кончики достигали середины щеки. Убедившись, что, кроме него, на игрушку никто не претендует, старик наклонился и осторожно

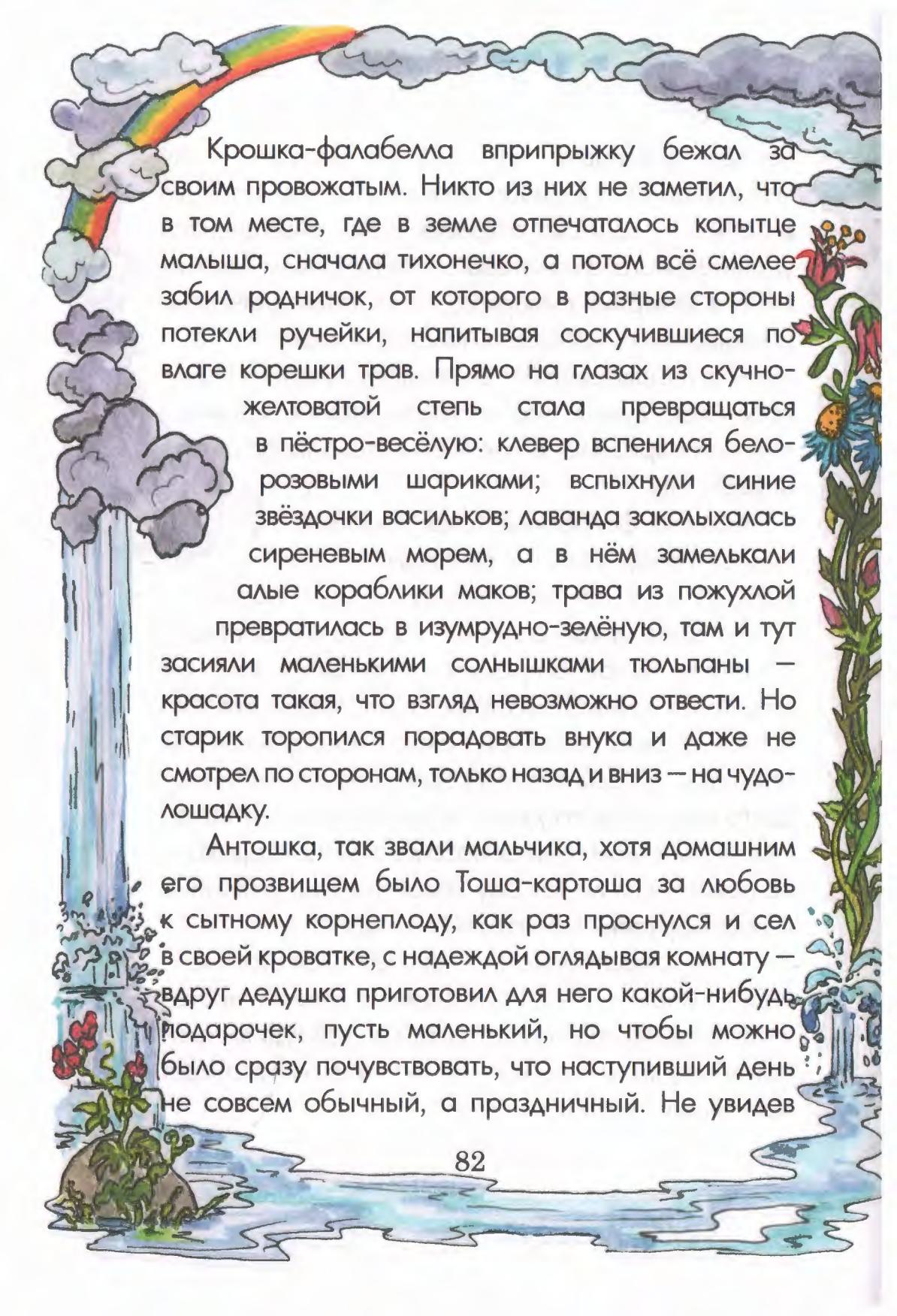


проводил шершавой ладонью по шкурке — ну чистый шёлк! А в следующее мгновение отпрянул в испуге — коняшка открыла глаза, оказавшиеся удивительного фиолетового цвета (таким бывает небо в вечерних сумерках), похлопала длинными ресницами и... легко вскочила на ножки!

— Батюшки святы! — воскликнул старик и перекрестился, думая, что от переживаний и лишений он повредился в уме и ему стало мерещиться невесть что.

Крошка-фалабелла тоже удивился, увидев перед собой незнакомого человека. И тоже покрутил головой — местность вокруг была чужая, а значит, всё, что ему довелось испытать, не сон, а произошло на самом деле. От огорчения малыш изо всех своих маленьких сил топнул правой передней ножкой и насупился. Но поскольку он был совсем кроха, а крохи не умеют долго хмуриться, то уже в следующее мгновение он с любопытством ткнулся носом в ладонь старика — не приготовил ли тот ему какое-нибудь угощение в виде морковки или кусочка сахара.

— Ты хочешь кушать! — спохватился старик. — Иди за мной. — И он направился к хижине, постоянно оглядываясь, не отстала ли от него удивительная лошадка, и радуясь, что любимого внука ждёт настоящий сюрприз.



Крошка-фалабелла вприпрыжку бежал за своим провожатым. Никто из них не заметил, что в том месте, где в земле отпечаталось копытце малыша, сначала тихонечко, а потом всё смелее забил родничок, от которого в разные стороны потекли ручейки, напитывая соскучившиеся по влаге корешки трав. Прямо на глазах из скучно-желтоватой степь стала превращаться в пёстро-весёлую: клевер вспенился бело-розовыми шариками; вспыхнули синие звёздочки васильков; лаванда заколыхалась сиреневым морем, а в нём замелькали алые кораблики маков; трава из пожухлой превратилась в изумрудно-зелёную, там и тут засияли маленькими солнышками тюльпаны — красота такая, что взгляд невозможно отвести. Но стариk торопился порадовать внука и даже не смотрел по сторонам, только назад и вниз — на чудо-лошадку.

Антошка, так звали мальчика, хотя домашним его прозвищем было Тоша-картоша за любовь к сытному корнеплоду, как раз проснулся и сел в своей кроватке, с надеждой оглядывая комнату — вдруг дедушка приготовил для него какой-нибудь подарочек, пусть маленький, но чтобы можно было сразу почувствовать, что наступивший день не совсем обычный, а праздничный. Не увидев



ни дедушки, ни подарка, Тоша снова спрятался под тонкое лоскутное одеяло, чтобы проглотить навернувшиеся на глаза слёзы и не расстроить дедушку.

Именно в этот момент открылась дверь, и мальчик услышал дедушкины шаркающие шаги, а ещё... Что за странный звук? Цок-цок-цок... Тоша немедленно высунулся из-под одеяла. Игрушка?! Заводная?! Такая, какой у него никогда в жизни не было?!

— Деда! — завопил Тоша и, соскочив с кровати, кинулся к лошадке.

Крошка-фалабелла испугался и, встав на задние ножки, попробовал передними стукнуть нападавшего. При этом он заржал как настоящий конь. Во всяком случае, ему так показалось. На самом же деле его «грозное» иго-го прозвучало нежно и мелодично, иго-госеньки какие-то, которые ничуть не напугали, а, наоборот, развеселили мальчика и привели его в полный восторг.

— Деда, она живая?! Разве бывают такие крошечные лошадки?! Деда, она, наверное, из сказки про Конька-горбунка! Или это детёныш пони? Деда, где ты её взял? А мне не нужно будет её отдавать? — вопросы сыпались из Тоши как горох из созревшего стручка. Старик лишь довольно



Посмеивался, глядя на счастливого внука, который гонялся за жеребёнком, пытаясь обнять его и потискать, а тот ловко уворачивался и удирал, так что в маленькой комнате случился кавардак. Наконец, крошка-фалабелла понял, что весело смеющийся мальчик не собирается его обижать, и остановился. Тоша тут же принял гладить и целовать необычную лошадку, а дедушка поздравил внука, пожелал ему расти сильным, умным и добрым и рассказал, где нашёл такое чудо.

— Наверное, его ветром принесло, — предположил мальчик. — Значит, буду звать его Ветерок.

— Хорошее имя, — одобрил дедушка. — Схожу-ка на огород за морковкой, а то Ветерок-то голодный. Да и тебе завтракать пора.

Пока в хижине происходило знакомство Тоши с крошкой-фалабеллой, ручейки достигли дедушкиного огорода. Овощи, которым вечно не хватало влаги, принялись жадно пить, и когда старик пришёл, то не узнал свои грядки! Репа стала величиной с тыкву, тыква — с половину хижины, а одной морковкой можно было бы накормить не одну маленькую лошадку, а минимум три больших! Но самое главное — вода заполнила колодец, который уже почти пересох и горькие думы





об этом не давали старику спать по ночам. Теперь же чистой воды было в изобилии. Пей — не хочу! Поливай — не жалей! И праздничный обед было из чего приготовить, не стараясь самые лучшие овощи оставить на продажу, ведь теперь все они выглядели так, что хоть на сельскохозяйственную выставку отправляй!

Одна забота осталась у старика — пора внука в школу отдавать, а школа далеко, в том самом городке, куда он отвозил на ручной тележке выращенное им на огороде. Как маленькому ребёнку такой длинный путь почти каждый день преодолевать?

— Эх, — вздохнул дед, сидя во дворе и глядя на крошку-фалабеллу, — был бы ты хотя бы с пони размером, впряг бы я тебя в тележку и возил бы ты нашего Тошу-картошу на занятия.

Крошка-фалабелла огорчился, что не может помочь своему новому другу, и с досады снова топнул правой передней ножкой. И опять в том месте, где отпечаталось его копытце, забил родничок. И опять никто этого не заметил. А когда дед на следующее утро по привычке проснулся с первыми лучами солнца и вышел на крыльцо, то ахнул: стояла хижина в степи, а оказалась на берегу реки! И молодой лесок уже поднимался,



ведь влаги теперь было достаточно не только для травы и цветов!

— Чудеса! — только и смог вымолвить старик.

Счастью же Антошки не было предела, ведь он никогда раньше не видел столько воды! Можно плескаться вволю, купать Ветерка, носиться с ним по берегу! Мальчик и крошка-фалабелла целые дни проводили на реке. К тому же в ней оказалось столько рыбы, что хоть руками лови! А в лесочке грибов и ягод видимо-невидимо!

— Интересно, куда она течёт? — спросил как-то раз Тотя своего дедушку.

И старик, которого тоже интересовал этот вопрос, принялся делать лодку. Лесок быстро подрастал, дерева для строительства было достаточно, а нужные инструменты дедушка купил в городке, когда отвозил на рынок овощи. Нужно сказать, что овощи с его огорода шли теперь нарасхват. Никто не мог похвастаться таким же превосходным качеством и внешним видом своего урожая.

Дело спорилось. Не успела пройти неделя, как на берегу уже стояла лодка, сверкая на солнце просмолёными боками!

Стали дед с внуком готовиться к путешествию. Набрали побольше овощей с грядок, насобирали в лесу грибов и ягод, рыба и так теперь всё

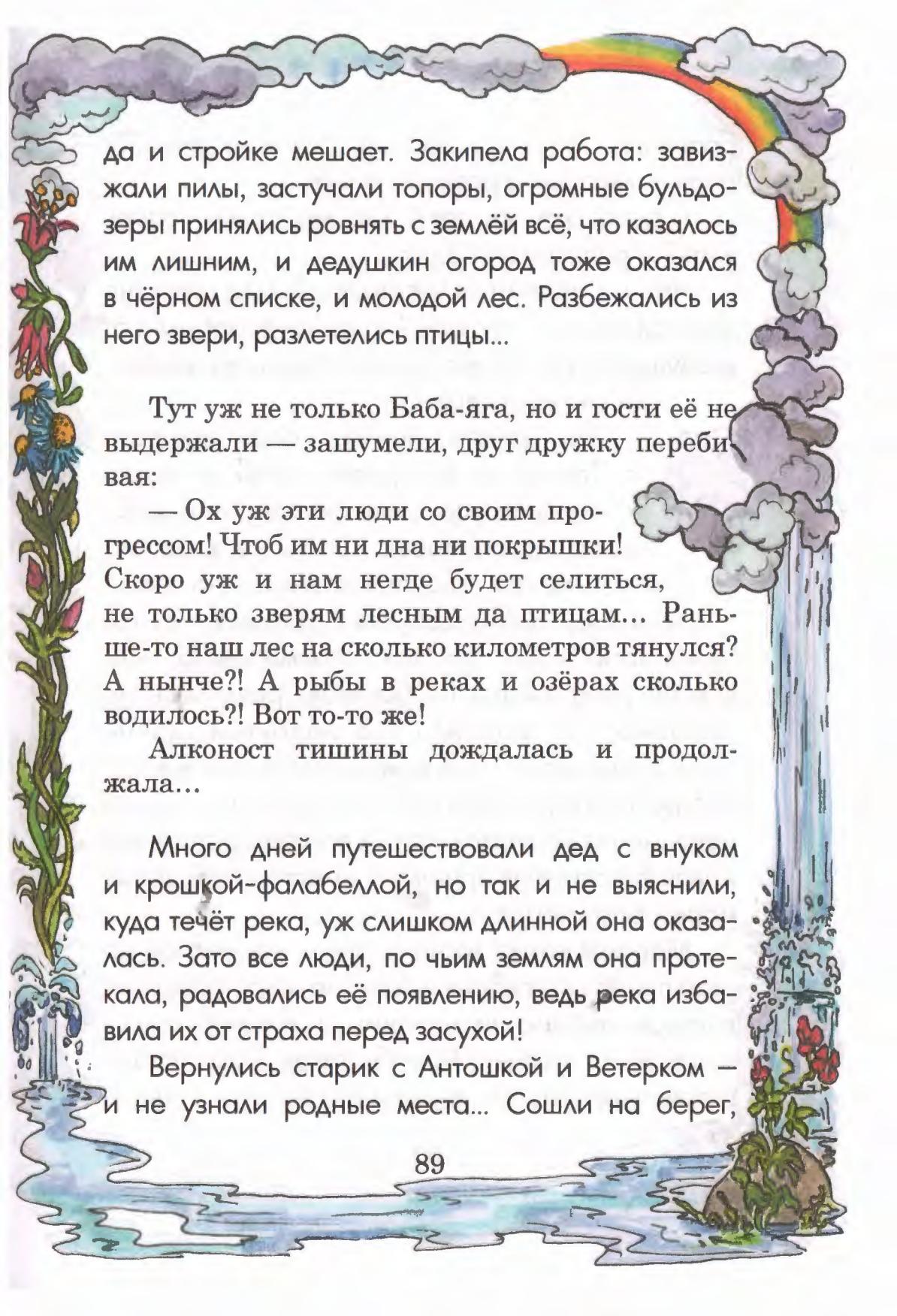


время под боком — лови и ешь, с голоду точно не помрёшь! И вода в реке чистая и вкусная, прямо как родниковая.

Наступил день отплытия. Погода радовала теплом, солнышко улыбалось приветливо, на небе ни тучки, ни облачка — всё обещало приятную водную прогулку. Ветерок с Тешей устроились на носу, чтобы вперёд смотреть, а дедушка — на вёслах, и отправились они в путь, по течению реки.

Не знали ни дедушка, ни Антошка, ни тем более крошка-фалабелла, что в то же самое время высоко-высоко над ними пролетал спутник, который делал фотографические снимки Земли для самых разных специалистов, в том числе для тех, кто смотрит, какие на планете произошли изменения. И вот представьте себе их удивление, когда они увидели на том месте, где всегда была только высущенная солнцем степь, райский уголок природы! Тут тебе и лес, и река, и заливные луга... Нельзя пропадать такой красоте, решили специалисты, надо там что-нибудь построить, например... современный технопарк с большим количеством складских помещений.

Задумано — исполнено. Приехали строители и первым делом снесли старую хижину — пустая,



да и стройке мешает. Закипела работа: завизжали пилы, застучали топоры, огромные бульдозеры принялись ровнять с землёй всё, что казалось им лишним, и дедушкин огород тоже оказался в чёрном списке, и молодой лес. Разбежались из него звери, разлетелись птицы...

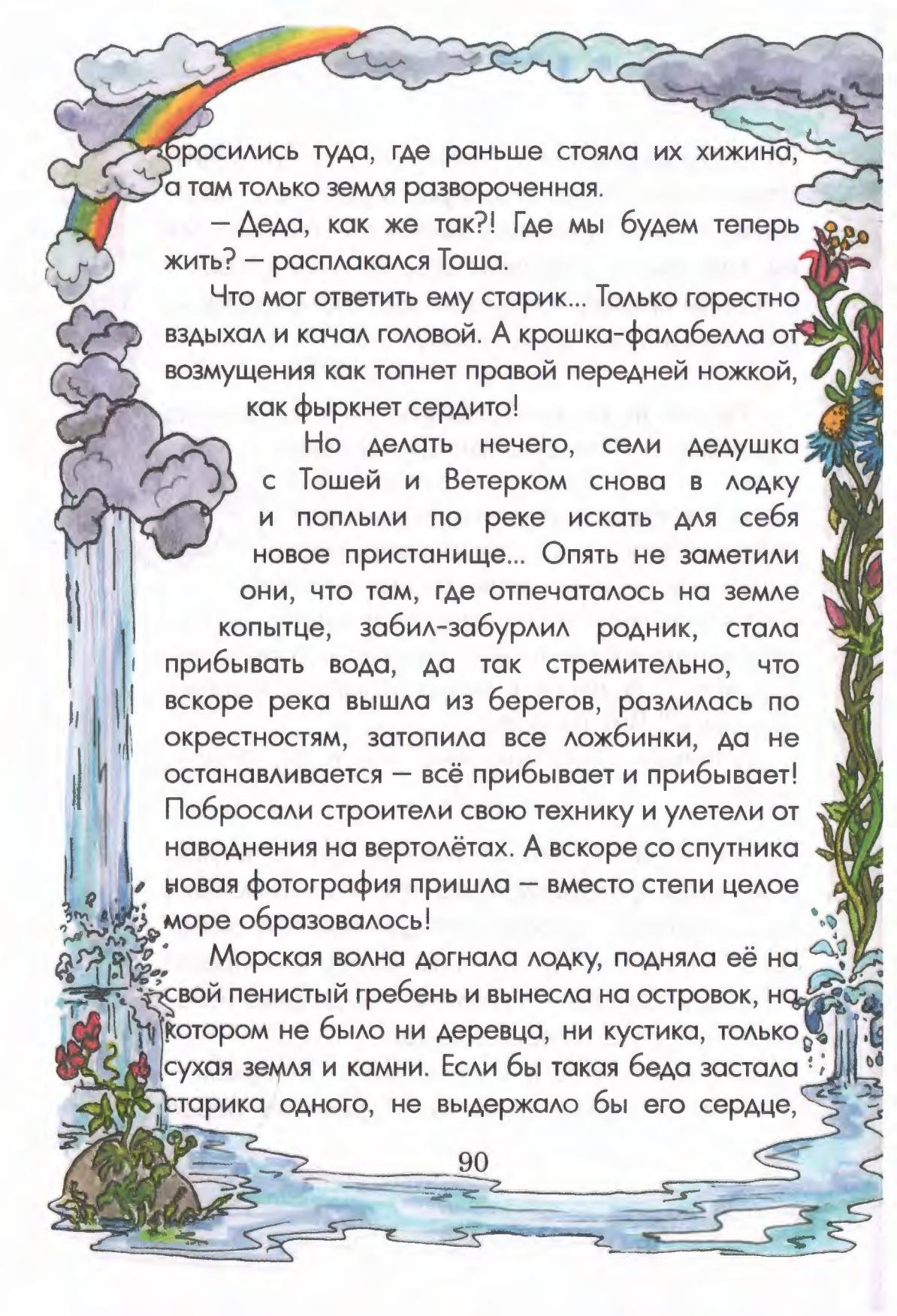
Тут уж не только Баба-яга, но и гости её не выдержали — зашумели, друг дружку перебивая:

— Ох уж эти люди со своим прогрессом! Чтоб им ни дна ни покрышки! Скоро уж и нам негде будет селиться, не только зверям лесным да птицам... Раньше-то наш лес на сколько километров тянулся? А нынче?! А рыбы в реках и озёрах сколько водилось?! Вот то-то же!

Алконост тишины дождалась и продолжала...

Много дней путешествовали дед с внуком и крошкой-фалабеллой, но так и не выяснили, куда течёт река, уж слишком длинной она оказалась. Зато все люди, по чьим землям она протекала, радовались её появлению, ведь река избавила их от страха перед засухой!

Вернулись старик с Антошкой и Ветерком — и не узнали родные места... Сошли на берег,



бросились туда, где раньше стояла их хижина, а там только земля развороченная.

— Деда, как же так?! Где мы будем теперь жить? — расплакался Тоща.

Что мог ответить ему старик... Только горестно вздыхал и качал головой. А крошка-фалабелла от возмущения как топнет правой передней ножкой, как фыркнет сердито!

Но делать нечего, сели дедушка с Тощей и Ветерком снова в лодку и поплыли по реке искать для себя новое пристанище... Опять не заметили они, что там, где отпечаталось на земле копытце, забил-забурлил родник, стала прибывать вода, да так стремительно, что вскоре река вышла из берегов, разлилась по окрестностям, затопила все ложбинки, да не останавливается — всё прибывает и прибывает! Побросали строители свою технику и улетели от наводнения на вертолётах. А вскоре со спутника новая фотография пришла — вместо степи целое море образовалось!

Морская волна догнала лодку, подняла её на свой пенистый гребень и вынесла на островок, на котором не было ни деревца, ни кустика, только сухая земля и камни. Если бы такая беда застала старика одного, не выдержало бы его сердце,



остановилось. Но ведь ему надо было заботиться о внуке! Спрятал дед свои переживания подальше от востроглазого мальчугана, пообещал ему, что справятся они с напастью. Им бы только воду пресную найти, а уж рыбу он наловит.

Крошка-фалабелла хоть и был ещё маленьким жеребёнком, но тоже понял, в какую неприятность они попали. Загрустил, понурился, а когда они обошли остров и не нашли ни ручейка, ни озерца, то так огорчился, что топнул правой передней ножкой. Но в этот раз Антошка увидел, как в том месте, где отпечаталось копытце, появилось тёмное пятно, словно бы земля намокла. Не успел он сообщить об этом дедушке, как в центре пятна образовался фонтанчик, который вскоре превратился в родник и бодро зажурчал по камушкам. Напились все чистой водицы, повеселились. Перевернули лодку кверху днищем — получилось под ней временное убежище для ночлега. А утро, как известно, вечера мудренее.

За ночь пресная вода пропитала сухую землю, и утром дедушка с Тошой и Ветерком не узнали островок: каждая былинка распустилась прекрасным цветком, а рядом с родником тянулись зелёными веточками к небу молодые деревца, из которых вполне можно было соорудить



шалаш — какое-никакое, а жилище, всяко лучше перевёрнутой лодки.

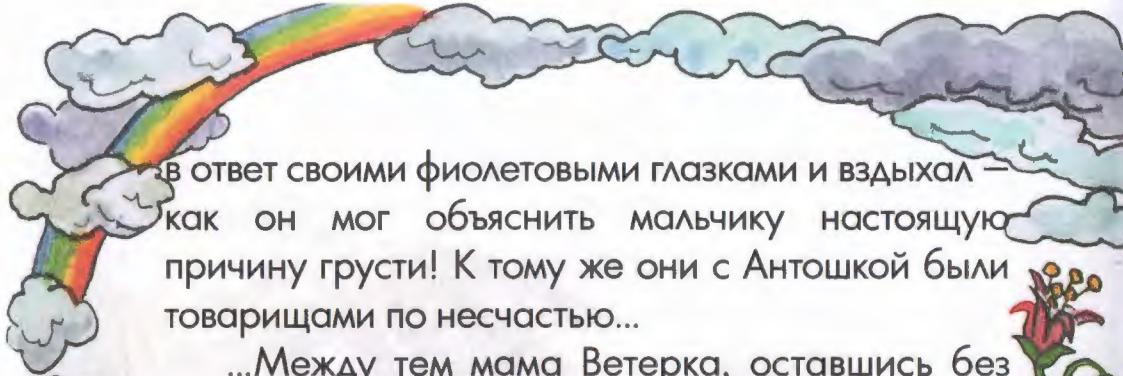
— Деда, а ведь это всё наш Ветерок! — воскликнул Тотя, вспомнив и про тёмное пятно с фонтанчиком из отпечатка копытца, и про чудеса, которые начали происходить сразу, как только жеребёнок появился. — Он волшебный!

Крошка-фалабелла смутился и не поверил: ну какой же он волшебный! Ему бы подрасти немножко, чтобы стать похожим... ну хотя бы на пони. Может быть, он потому такой маленький, что маминого молочка ему мало досталось? Ведь ураган разлучил его с семьёй, когда он только-только на свет появился... Вспомнив о маме, Ветерок загрустил. Антошка подумал, что лошадка переживает из-за того, что с ними со всеми случилось, и утешал своего друга как мог:

— Не печалься, Ветерок! У нас же есть лодка! Захотим — и уплыём с острова туда, где живут люди и где есть школа.

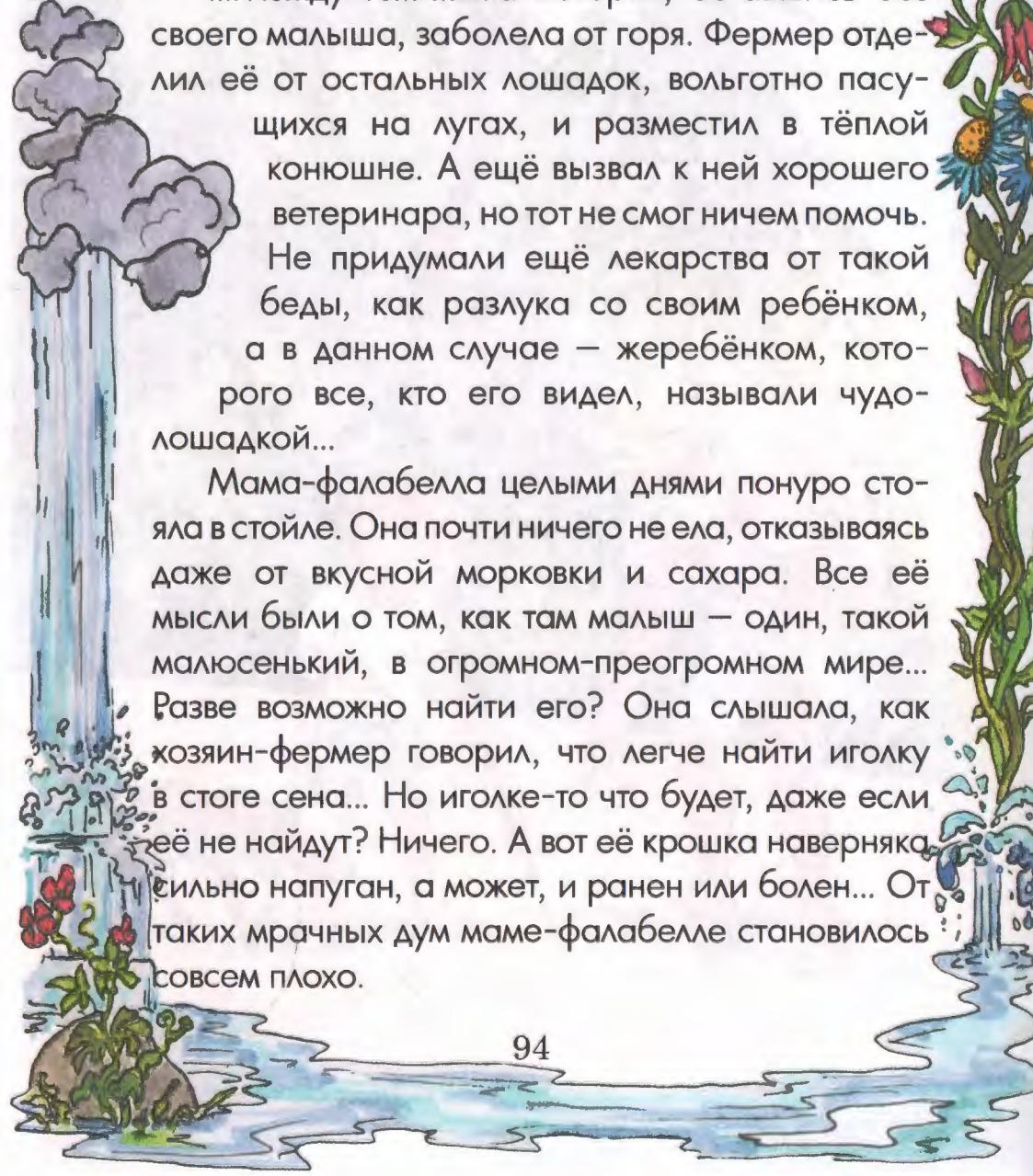
Антошке нравилось на острове, но и в школу ему тоже хотелось. Дедушка давно обучил его чтению, письму и счёту, но разве это заменит учёбу в классе, где много-много других ребят! Где есть учебники и тетрадки! Где в дневник ставят настоящие оценки! Крошка-фалабелла смотрел





В ответ своими фиолетовыми глазками и вздыхал — как он мог объяснить мальчику настоящую причину грусти! К тому же они с Антошкой были товарищами по несчастью...

...Между тем мама Ветерка, оставшись без своего малыша, заболела от горя. Фермер отдал её от остальных лошадок, вольготно пасущихся на лугах, и разместил в тёплой конюшне. А ещё вызвал к ней хорошего ветеринара, но тот не смог ничем помочь. Не придумали ещё лекарства от такой беды, как разлука со своим ребёнком, а в данном случае — жеребёнком, которого все, кто его видел, называли чудо-лошадкой...



Мама-фалабелла целыми днями понуро стояла в стойле. Она почти ничего не ела, отказываясь даже от вкусной морковки и сахара. Все её мысли были о том, как там малыш — один, такой малюсенький, в огромном-преогромном мире... Разве возможно найти его? Она слышала, как хозяин-фермер говорил, что легче найти иголку в стоге сена... Но иголке-то что будет, даже если её не найдут? Ничего. А вот её крошка наверняка сильно напуган, а может, и ранен или болен... От таких мрачных дум маме-фалабелле становилось совсем плохо.



Однажды в конюшню забежали две мышки — им понравилось сидеть в душистом сене, и они решили провести в нём осень и зиму. Мышки оказались очень болтливы и своим писком отвлекали лошадку от переживаний. Сначала мама-фалабелла не прислушивалась к их разговорам, но как-то раз мышки-новосёлы принялись рассказывать о своих приключениях мышкам-старожилам. И в их рассказе часто звучало слово «чудеса»: чудеса — степь из засушливой превратилась в цветущую, чудеса — река появилась непонятно откуда, чудеса — море образовалось... Но главное — начало всех этих чудес совпало с тем днём, когда на ферму обрушился ураган и унёс с собой её малыша... Чудо-лошадку...

Мама-фалабелла, конечно же, не знала о том, что её крошка умеет творить такие удивительные вещи. И даже не предполагала в нём никаких особенных дарований. Она его просто очень сильно любила, а любящее материнское сердце способно на многое. Вот оно и забилось вдруг быстрее.

Стала мама-фалабелла расспрашивать мышек про то место, откуда они родом. Мышки, как могли, объяснили. А наутро фермер обнаружил пропажу — исчезла фалабелла. Так же бесследно,



как исчез её жеребёнок. Но того — понятно — ветер унёс, уж слишком маленький и лёгкий, а вот куда подевалась его мама? Чуть позже выяснилось, что и в табуне тяжеловозов не хватает одного першерона. Опять люди потратили несколько дней на поиски — всё напрасно. Думали-гадали, не связаны ли обе пропажи между собой, но уж слишком разные были лошади: огромный першерон и миниатюрная фалабелла — что между ними могло быть общего? Случайное совпадение, решил фермер.

И был не прав! Ещё солнышко не поднялось над горизонтом в тот день, когда на ферме произошли описанные события, а першерон по кличке Силач проснулся от мышиного писка. Остальные лошади дремали и не обращали внимания на то, что происходит внизу. Силач же открыл глаза и увидел, как мимо их загона бежит фалабелла. Та самая, чей малыш исчез во время недавнего урагана. А за ней мчатся две мышки, которых он и не разглядел бы в траве, если бы не писк.

— Эй, ты куда? — удивился гигант.

Фалабелла остановилась и подняла голову — до чего же огромными бывают лошади! (Почти о том же подумал и першерон, только вместо «огромные» употребил «малипусенъкие».)



— Хочу найти своего крошки! — ответила мама-фалабелла.

— Ты знаешь, где его искать? — ещё больше удивился Силач.

— Сердце подскажет! — уверенно заявила лошадка.

Пока они таким образом беседовали, мышки притихли, с восхищением и страхом разглядывая покрытые длинной шерстью ноги великана. Засмотревшись, едва успели метнуться в сторону, когда гигант неожиданно перескочил через бревенчатое ограждение.

— Я тебе помогу, — объяснил Силач свой поступок изумлённой фалабелле.

Дальше — больше: великан подогнул передние ноги и предложил мини-лошадке забраться на его могучую спину! Для маленькой фалабеллы спина першерона была что палуба корабля для матроса. Главное — удержаться во время качки!

Необычная пирамида скрылась в предрас- светных сумерках, а мышки ещё долго смотрели в ту сторону и гадали, почему фалабелла решила искать своего жеребёнка там, где сейчас плескалось синее море...

...Приближалась осень, море всё чаще вздыбливалось волнами. Накатывая на берег, они



дотягивались до лодки и раскачивали её, словно намекая, что пора отправляться в путь, пока осенние шторма не сделают этот путь слишком опасным. «Вот только куда плыть? В какую сторону?» — вздыхал старик, сидя на берегу и оглядывая бескрайние водные просторы. А тут и новая беда приключилась: проснулись островитяне как-то утром и... не обнаружили лодки! Видимо, ночью удалось волнам не только дотянуться до неё и раскачать, но и забрать с собой...

— Не переживай, дедушка! — пытался Антошка утешить старика. — Ты ведь мастер! Сделаешь новую!

— Да как же я её сделаю, внучок, — горестно качал головой дедушка, — для этого инструменты нужны, а их-то у меня и нет...

— Тогда, может быть, плот? — не унывал Антошка.

— Да как же на плоту по морю?! Это же не река... Нас первая же сильная волна перевернёт, вон они какие, день ото дня выше и выше, — возражал старик.

Ветерок прислушивался к разговорам и грустил — если правда, что от его копытца море образовалось, то, значит, его вина, что они в такую беду попали...



Крошка-фалабелла совсем перестал развиться и скакать, как положено всем жеребятам. Вместо этого он часами стоял на берегу и вглядывался вдаль, не откликаясь на предложения Антошки поиграть. Мальчик не терял веры в то, что мудрый дедушка что-нибудь придумает. У старика же на душе было черным-черно, ведь за осенью придёт суровая зима, а у них ни тёплой одежды, ни запасов еды...

От переживаний за внука старик заболел и однажды не смог встать с постели...

— Дедушка, дедушка! — примчался в шалаш Антошка. — Наш Ветерок ведёт себя очень странно!

Старик, кряхтя, поднялся из последних сил и поплёлся за мальчиком.

Крошка-фалабелла и впрямь вёл себя странно. От его понурости не осталось и следа. Ветерок бегал взад-вперёд по берегу и взволнованно втягивал крошечными ноздрями морской солоноватый воздух.

В это же самое время над морем пролетал спутник и отсыпал на Землю новые фотографии. Специалисты внимательно их рассматривали и вдруг увидели необычную картину: маленький островок посреди недавно образовавшегося моря,





а по берегу бегает... заводная игрушка, похожая на коняшку, но самое удивительное — плывёт по волнам в сторону островка нечто странное и... двухголовое! Пришлось тогда специалистам вызывать других специалистов и разглядывать снимки при сильном приближении — тут-то они и поняли, что заводная игрушка и есть самая настоящая коняшка, а головы принадлежат двум лошадям: огромному тяжеловозу и изящной фалабелле!

Пока специалисты изумлялись и не верили своим глазам, до долгожданной встречи Ветерка и его мамы осталось всего-то несколько колыханий морских волн... Спутник улетел дальше, поэтому самое важное специалисты пропустили.

— Иго-го! — радостно заржал Ветерок (но мы-то уже знаем, что прозвучало это как нежное «иго-госеньки»).

— Иго-го! — отозвался мощным басом Силач, а мама-фалабелла от волнения не смогла произнести ни звука, только счастливые слёзки градом катились из её красивых фиолетовых глаз (вот в кого у Ветерка были такие же!). Она нашла своего малыша! Хотя даже Силач не верил, что плыть нужно именно в ту сторону, куда звало её материнское сердце.

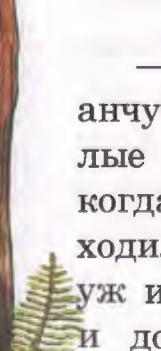
А дальше дело было так...



Силач побродил по острову, попил пресной водицы из ручья, пожевал травку, отдохнул и отправился в обратный путь: на его мощной широкой спине разместились и старик с Антошкой, и мама-фалабелла со своим крошкой-сыном.



Несколько дней спустя на ферме случился переполох: вернулись живыми и невредимыми все три пропажи! А с ними — старик с мальчиком...



Тота подружился с детьми фермера, двумя мальчуганами — своими ровесниками, а сам фермер и его жена полюбили Антошку как родного. И первого сентября всех троих детей отправили в школу в ближний городок, куда их отвозил на занятия и привозил обратно домой першерон Силач, впряженный в повозку. А управлял им Антошкин дедушка. Впрочем, Силач в управлении не нуждался, он и сам прекрасноправлялся.



— Я тоже в школу хочу! — воскликнул анчутка, едва Алконост замолчала. Да и взрослые вздохнули, вспомнили давние времена, когда еще в школу волшебных премудростей ходили... Но с тех пор столько воды утекло, что уж и грамоту многие забыли, вон — лешему и домовому Бабки-ёжкины посланици —



сороки — вслух приглашение читали, так как сами они уж и букв-то не помнили...

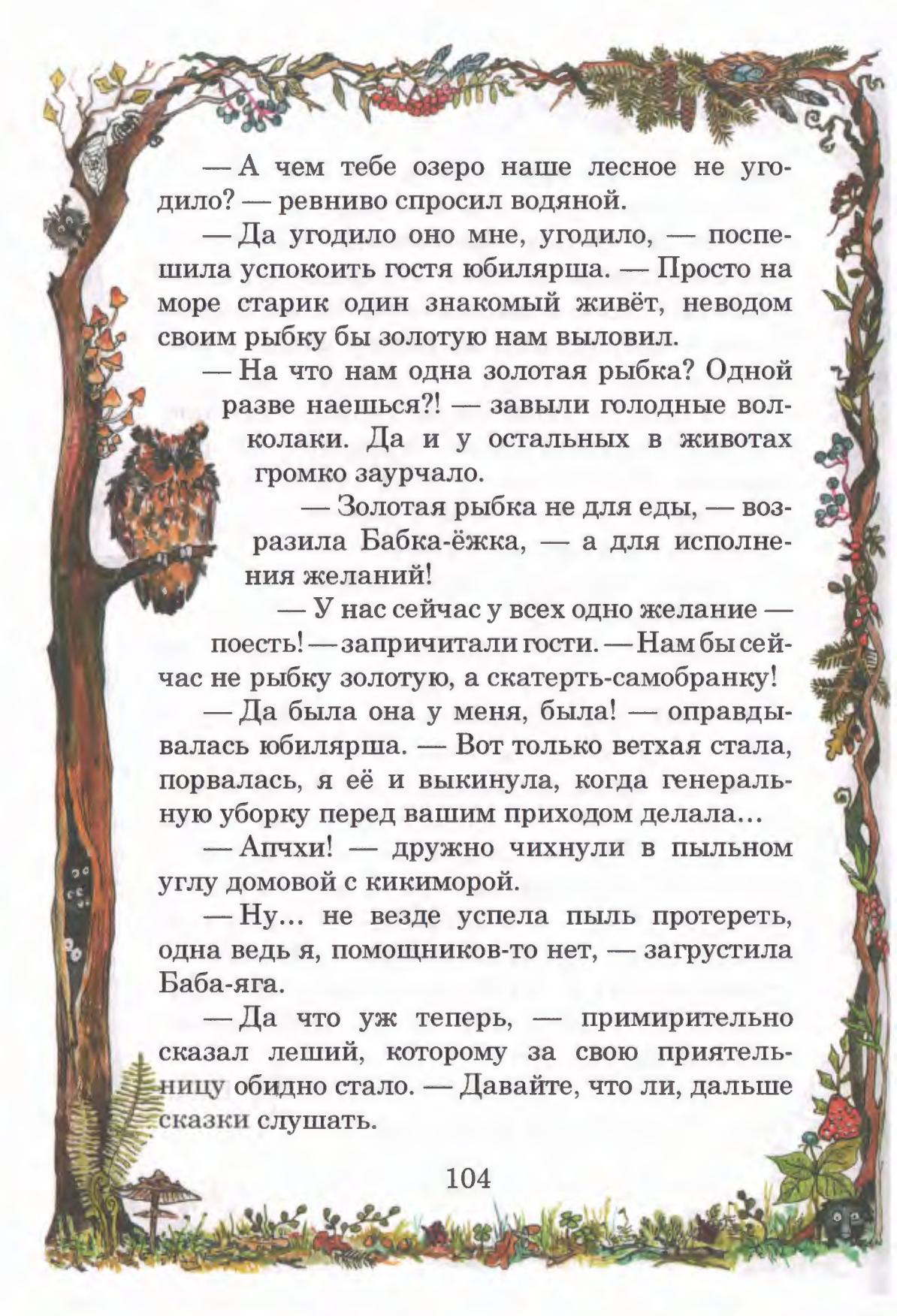
— А на ферме пригодились удивительные способности Ветерка? — прозвучал вдруг в избушке голос, услышав который, все в изумлении переглянулись, не так уж часто он раздавался.

— Сирин?! — зашептались присутствующие, недоверчиво разглядывая птицедеву, которая, оказывается, за то время, пока длилась сказка, из тёмно-серой стала нежно-розовой, словно зимний рассвет. Даже её холодное и печальное сердце тронула история крошки-фалабеллы...

Алконост тоже удивилась, но виду не подала, лишь кивнула ласково:

— Ещё как пригодились! Правда, для этого потребовалось вмешательство Тоши, ведь сам крошка-фалабелла так до конца и не верил, что это именно он умеет вызывать воду из глубин земли. Антошке же очень хотелось, чтобы поблизости от фермы протекала река. Вот он и попросил Ветерка топнуть правой передней ножкой... Только не слишком сильно, чтобы моря вдруг не образовалось. На море они лучше всей семьёй в каникулы съездят...

— Да уж, — протянула со вздохом Баба-яга. — Море бы нам не помешало...



— А чем тебе озеро наше лесное не угодило? — ревниво спросил водяной.

— Да угодило оно мне, угодило, — поспешила успокоить гостя юбилярша. — Просто на море стариk один знакомый живёт, неводом своим рыбку бы золотую нам выловил.

— На что нам одна золотая рыбка? Одной разве наешься?! — завыли голодные волколаки. Да и у остальных в животах громко заурчало.

— Золотая рыбка не для еды, — возразила Бабка-ёжка, — а для исполнения желаний!

— У нас сейчас у всех одно желание — поесть! — запричитали гости. — Нам бы сейчас не рыбку золотую, а скатерть-самобранку!

— Да была она у меня, была! — оправдывалась юбилярша. — Вот только ветхая стала, порвалась, я её и выкинула, когда генеральную уборку перед вашим приходом делала...

— Апчхи! — дружно чихнули в пыльном углу домовой с кикиморой.

— Ну... не везде успела пыль пропустить, одна ведь я, помощников-то нет, — загрустила Баба-яга.

— Да что уж теперь, — примирительно сказал леший, которому за свою приятельницу обидно стало. — Давайте, что ли, дальше сказки слушать.



Все взоры опять обратились на Алконост. Птицедева ласково улыбнулась и вдруг спросила:

— Что самое главное в сказке?

— Место и время? — переглянулись присутствующие — Они же с этого всегда начинаются: давным-давно, в некотором царстве — в некотором государстве и так далее...

— Место и время важны, конечно... — кивнула Алконост. — Но самое главное — в сказке должно быть ЧУДО. А если чудо есть, то разве так уж важно, где и когда оно произошло? Гораздо важнее — с кем.

Хранитель одуванчиков

Так вот. Жила-была маленькая девочка. Не настолько маленькая, чтобы в колыбельке лежать, но и не настолько большая, чтобы в школу ходить. Поэтому родители водили её в детский садик. Девочку звали Алёнушка, и ходить в садик она не любила.

Однажды утром (дело было весной, когда снег уже сошёл, а на газонах и клумбах в парках и скверах ещё пусто, ни цветочка) в комнату



К девочке забрался солнечный лучик. Нашёл щёлочку между шторами — и забрался. И принялся всё разглядывать: шкафчик, в котором хранилась Алёнушкина одежда; столик, за которым она любила рисовать; стульчик, на котором она сидела, когда рисовала; игрушки (их было много, а потому лучик задержался в них надолго); наконец, он скользнул к девочкиной кроватке и принял разглядывать Алёнушку. Сначала нырнул в её каштановые кудряшки, немножко там поплутал, потому что запутался, уж слишком густые и кудрявые были Алёнушкины волосы. Потом заглянул в маленькие ушки и курносый носик. Погладил пухленькие румяные щёчки. И решил сосчитать, сколько у девочки ресничек, которые, кстати, были длинными и пушистыми. Только произнёс «раз», как вдруг Алёнушка открыла глазки — коричневые, как её разлохматившиеся во сне локоны, и с золотистыми искорками — это в них отразился солнечный лучик.

Девочка потёрла глазки кулачками и тоже принялась разглядывать — своего гостя. И хотя ей приходилось щуриться, ведь солнечные лучики всегда очень блестучие, Алёнушка умудрилась увидеть ЧУДО. Самое настоящее-пренастоящее! Крошечного мальчика с копной рыжих волос, который сидел на солнечном лучике и держал





В своих крошечных ручках отцветший одуванчик.

Почему-то именно одуванчик и поразил девочку больше всего.

— Зачем тебе одуванчик? — спросила она. — Ты тоже любишь на него дуть?

— Люблю, — ответил мальчик. — Хочешь, дунем вместе?

— Хочу! — радостно воскликнула Алёнушка и соскочила с постели, лучик с мальчиком тоже соскочил и замер, нарисовав солнечный кружок на коврике, который лежал на полу.

— Только не здесь, — мальчик повертел крошечной рыжей головой, словно опасался, что их подслушивают.

— А где?

— На улице.

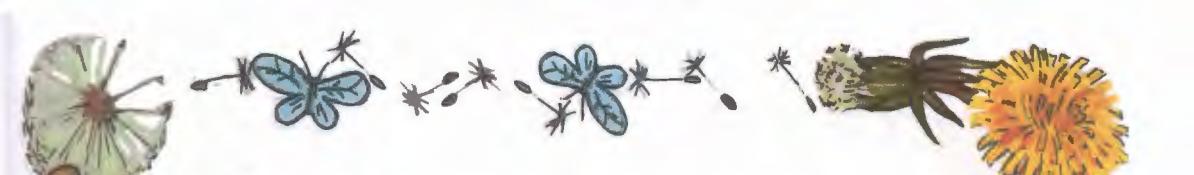
— На улице? — Алёнушка огорчилась. — Но меня скоро поведут в садик...

— Вот и отлично! По пути и дунем! Я видел в скверике неподалёку подходящее местечко.

— А почему не здесь и не сейчас? Мне кажется, тут тоже вполне подходящее местечко! — заупрямилась девочка.

— Потому что здесь у меня не получится показать тебе чудо.

— Ещё чудеснее, чем ты и твой одуванчик?



— В миллион раз! — твёрдо заявил мальчик. И Алёнушка ему поверила, хотя и не могла себе представить, что на свете бывает что-нибудь более удивительное, чем мальчик с одуванчиком на солнечном лучике.

— Ты давай собирайся, а я тебя на улице подожду, — сказал он.

Тут дверь распахнулась, и вошла Алёнушкина мама. Она открыла шторы, и в комнату хлынуло солнечный свет, так что лучик с мальчиком затерялся в толпе других блестучих лучиков.

— Мамочка, одевайся скорее, мне пора в садик! — стала торопить Алёнушка и без всякого напоминания кинулась в ванную чистить зубки и умываться.

— Чудеса, да и только! — воскликнула мама, которая, в отличие от дочки, не видела ничего чудеснее, чем Алёнушка, спешащая в садик.

Девочка очень переживала, что не найдёт на улице, где много-много людей, своего нового знакомого, ведь он был совсем крошкой! К тому же вдруг на небе появится тучка и загородит собой солнышко вместе со всеми его лучиками? И ещё она переживала, что из-за перемещений лучика с мальчиком туда-сюда одуванчик облетит раньше времени, ведь пушинки очень лёгкие, воздушные,



С ними нужно обращаться очень бережно... Поэтому Алёнушка собралась так быстро, как даже представить себе не могла, что она так умеет.

Переживания девочки оказались напрасными: едва она вышла из подъезда, как на кармашек её весеннего пальто уселся солнечный лучик, а с ним — и рыжеволосый мальчик с одуванчиком.

Правда, мама чуть было всё не испортила, решив идти не через сквер, а по улице, мол, вдруг в сквере ещё дорожки не просохли, а она уже туфли надела.

— Мамочка, ну ты что! — заволновалась Алёнушка. — Как же не просохли, если солнышка так много! Мне обязательно нужно через сквер!

— Ну, нужно так нужно, — согласилась мама, всё-таки Алёнушка своим примерным поведением заслужила сегодня сама выбирать путь в садик.

Лучик с мальчиком перебрался на Алёнушкино плечо, поближе к её уху, и возле первой же клумбы, на которой пока не было ни цветочка, мальчик шепнул:

— Ну, давай дуть! Только, чур, не сразу весь одуванчик, а немножко. Хорошо?

Алёнушка кивнула и, сложив губки трубочкой, осторожно подула на одуванчик. С десяток



пушиночка весело покружились в воздухе и плавно приземлились прямо на клумбу.

— И где твоё чудо? — нетерпеливо спросила девочка.

— Не так быстро, — засмеялся мальчик. — Придётся подождать несколько денёчков. Лучше пошли к следующей клумбе. А вон там, смотри, целый газон, можно будет сильно-сильно дунуть!

Так они и сделали: дули, пока весь одуванчик не облетел.

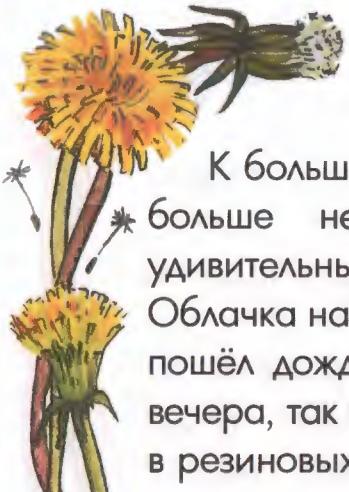
Тут как раз и калитка в садик как из-под земли выросла.

— Жалко, что у тебя одуванчик закончился, — вздохнула Алёнушка. — А то бы мы и на наши садицкие клумбы и газоны подули...

— Не переживай. Одуванчиков у меня целый склад. Это я просто по одному с собой беру, чтобы случайно не нарушить их пушистые причёски! За одним уследить легче.

— Значит, ты ещё сегодня придёшь? — обрадовалась Алёнушка.

— Приду. У меня по весне много работы, — загадочно подмигнул мальчик и исчез вместе с лучиком, так как при входе в садик росло большое дерево со множеством веток, в которых, даже когда они были без листиков, всегда пропадали солнечные лучи.



К большому сожалению, в тот день Алёнушке больше не довелось увидеться со своим удивительным знакомым. Погода испортилась. Облачка набежали на небо, солнышко скрылось, пошёл дождик, и шёл без остановки до самого вечера, так что домой из садика Алёнушка топала в резиновых сапожках и под зонтиком. Хотя нет...

не топала. Топала — это когда весело, когда по лужам, а Алёнушке было грустно, и она просто переставляла ножки.

Следующим утром девочка проснулась оттого, что громко чихнула. А чихнула оттого, что её пощекотал в носике солнечный луч, опять пробравшийся в комнату через щёлку между шторами.

— Ну ты, поосторожнее! — тут же раздался тоненький голосок. — Чуть было не разрушила наш одуванчик!

Алёнушка мгновенно села в постели, широко распахнув глазки. Необыкновенный мальчик, чуть нахмурившись, пересчитывал пушинки на одуванчиковой голове.

— Сто пятьдесят, — наконец с облегчением произнёс он. — Все на месте! Ну так что, идём дуть?

— Идём! — подскочила Алёнушка и побежала чистить зубки и умываться ещё даже раньше, чем мама успела подойти к её комнате.



— Тебе стало так нравиться в садике? — обрадовалась мама.

— Совершенно не нравится, — ответила Алёнушка, и своим ответом сильно озадачила маму.

Поскольку в скверике свободных клумб и газонов уже не осталось, то терпеть пришлось до самого садика. А потом опять терпеть — до первой прогулки, и заодно переживать, чтобы снова не испортилась погода.

— Повезло, — воскликнул мальчик, едва Алёнушка вместе с другими детишками из их группы вышла на улицу, — а то вчера пришлось смотреть из-за тучки, как ты под дождиком домой тащилась! А ведь дождик — это здорово! Это часть плана!

— Какого плана? — заинтересовалась Алёнушка.

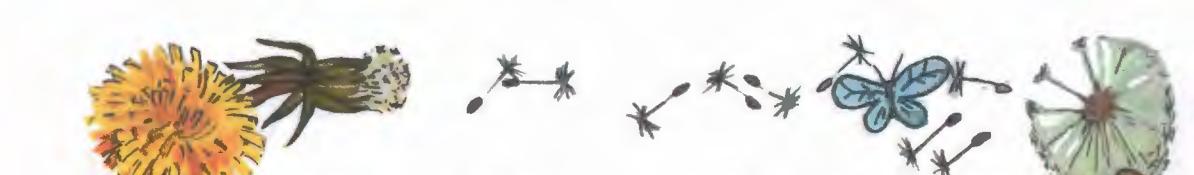
— Весенне-посадочного, — таинственно прошептал мальчик.

— Кстати, я не спросила, как тебя зовут, — вдруг вспомнила Алёнушка.

— Спроси! — охотно согласился мальчик.

— Ну вот же, спрашиваю! — рассмеялась Алёнушка. — Какой же ты странный!

— Меня зовут Хранитель Одуванчиков! — торжественно произнёс мальчик. — У меня даже крылышки есть, видишь? — похвастался он, пово-



рачиваясь к Алёнушке спиной. Действительно!

И как это она вчера не заметила чудесные, прозрачные, как у стрекозы, крылышки!

— Зачем они тебе? — восхищённо прицокнув язычком, спросила Алёнушка.

— Ну как же... Клумб и газонов много, а весенне-посадочного времени мало. Нужно везде успеть!

— А когда же будет чудо, которое ты пообещал?

— Вот ведь какая нетерпеливая! Я же сказал — нужно немножко подождать. Лучше давай дуть!

И они снова дули, и дули, и дули, пока одуванчик не закончился. И на следующее утро повторилось то же самое.

А однажды, спустя несколько денёчков, Хранитель Одуванчиков разбудил Алёнушку словами:

— Собирайся скорее, пойдём смотреть ЧУДО!

— Мамочка, скорее, скорее, ну что ты так медленно одеваешься?! — девочка торопила маму. А та продолжала удивляться, зачем дочка торопится в садик, в котором ей совершенно не нравится.

— Да куда ты так спешишь? Тебя кто-то ждёт?

— Меня ждёт ЧУДО!!!!

Но чудо ждало не только Алёнушку. Оно ждало всех жителей города, и пригорода, и даже если отъехать далеко на электричке, то и там жителей



ждало ЧУДО — клумбы и газоны, полянки и це-
льые поля празднично и весело желтели — словно
солнышко с неба переселилось на землю.

— УРА!! ВЕСНА!! ОДУВАНЧИКИ!! — неслось
со всех сторон.

Были, конечно, и те, кто проявил недовольство,
считая одуванчики злостным сорняком. Но их
ворчания никто не услышал. Зато все вдруг поняли,
какого цвета радость — ЖЁЛТОГО!!!

— Ну вот... — вдруг загрустила Алёнушка. — Одуванчики выросли,
теперь ты больше не придёшь?

— Обязательно приду! — успокоил её
мальчик. — Я же их ХРАНИТЕЛЬ. К тому же мне
нужно пополнить мой склад, на следующий сезон.
Ты ведь будешь мне опять помогать?

Алёнушка захлопала в ладоши.

— Конечно буду! Можно я ещё подружек своих
из садика позову тебе помочь?

— Зови! — великодушно согласился мальчик.

Так что... если вы вдруг увидите, как кто-то,
неважно — ребёнок или взрослый, дует на
пушистый шарик, знайте — это помощник
ХРАНИТЕЛЯ ОДУВАНЧИКОВ...

— Одуванчики! — всплеснула вдруг руками
Баба-яга. — Вот голова моя садовая! У меня ж



варенье из одуванчиков с лета ещё наварено, в подвале стоит, плесенью покрывается! Какая- никакая, а еда! — засуетилась хозяйка.

Гости повеселились. За столом снова расселись, варенье прямо из банок руками зачерпывают, пальцы облизывают — до того вкусным лакомство оказалось!

Алконост варенья одуванчикового тоже отведала и ещё одну сказку вспомнила.

Сказка о волшебном одуванчике

Каких только чудес не бывает на свете... Каждое чудо — сказка. А поскольку чудес вокруг видимо-невидимо, нужно только внимательно смотреть по сторонам, то и сказок — огромное множество...

Эта сказка началась в тот момент, когда солнышко основательно прогрело землю. На полях и лугах, на газонах и клумбах в городских садах и парках, в палисадниках у подъездов многоэтажных домов и даже в трещинах на асфальтовых дорожках — всюду, где возможно, распустились цветы. И не только те, которые специально выса-



живают люди, но и самые что ни на есть простые, растущие сами по себе без всякой помощи со стороны человека. Первыми раскрыла свои жёлтые лепесточки мать-и-мачеха, а за ней поспешили весёлые одуванчики. Вот про один такой одуванчик и будет сказка.

Так уж вышло, что место для себя он выбрал не самое подходящее — в щёлке между тротуарными плитками рядом с магазином игрушек. Любой мальчишка или любая девочка могли его сорвать или случайно на него наступить. Впрочем, наступить мог и взрослый, даже скорее, чем ребёнок, ведь взрослые, как правило, гораздо выше детей и вниз, под ноги, смотрят редко. Но что поделать... Одуванчик-то уже вырос, открыл миру своё жёлтое одуванчиковое солнышко, придётся теперь за него волноваться. Во всяком случае — пока длится сказка. Тем более что одуванчик был не обычный, а... волшебный.

Понять это сразу не получилось бы даже у самого наблюдательного человека. Следовало дождаться, пока одуванчик не отцветёт и вместо жёлтых тоненьких лепесточков не появятся на нём пушинки, из-за которых он станет похож на пушистый шарик. Такое превращение происходит абсолютно со всеми одуванчиками, даже и не волшебными. Но наш-то был к тому же волшеб-



ный! Вот и пушинки на нём были не просто пушинки — а крошечные феи. Да-да, самые настоящие феи в воздушных платьицах, которые выглядели точь-в-точь как пушинки обычного одуванчика! Днём они вели себя тихо-тихо, сидели рядышком, держась за ручки, чтобы порыв ветра не разлучил их. Да что там порыв — от легчайшего дуновения могли бы они разлететься в разные стороны! А вот когда наступала ночь, феи-пушинки расцепляли ручки и... отправлялись творить чудеса. Феи были маленькими, и чудеса их предназначались не для взрослых, а для мальчиков и девочек.

А что дети считают чудом? Правильно — когда исполняются их заветные желания! Взрослые, конечно, тоже посчитали бы исполнение заветного желания чудом, но... не вырос для них одуванчик подходящего размера.

Чтобы выполнить заветное желание, нужно его услышать. Чтобы услышать — нужно подлететь к мальчику или девочке близко-близко. По ночам дети спят в своих кроватках. Как к ним подобраться? Разве что влететь в открытое окно... Но у большинства горожан на окнах установлены сетки от комаров-кусачек. Вот и выходило, что половину ночи феи тратили на то, чтобы найти не защищённое сеткой окошко или хотя бы форточку.



Тогда фея-пушилка влетала в комнату, осторожно опускалась малышу на щёчку или лобик (феи ведь были очень лёгкие, мальчики и девочки совсем ничего не чувствовали, разве что чуточку щекотно им становилось) и прислушивалась к заветным желаниям. Особенно отчётливо они звучали перед Новым годом или днём рождения маленького человека. Услышав, о чём мечтает малыш, фея летела в спальню к родителям, или бабушкам-дедушкам, или другим взрослым людям, от кого зависело, какой подарок получит ребёнок, и подсказывала им, что нужно купить или сделать. Иногда, правда, она не находила никого, кому могла бы передать «просьбу» малыша, тогда фея выдёргивала из своего платьица одну пушистую ниточку — и... утром мальчик или девочка обнаруживали сюрприз! Как раз такой, о каком мечтали! Вот только для самих себя феи не могли сотворить чудо — не могли сделать так, чтобы их платьица обзаводились новыми ниточками взамен использованных. Поэтому у каждой феи-пушилки был свой срок жизни. Как только заканчивались ниточки — фея исчезала... Не умирала, нет. Просто становилась обычным семечком, которое, падая на землю, прорастало в ней одуванчиком. Увы, уже не волшебным, а самым обычновенным. Зная,



Что их ждёт, если они истратят свои пластицы на исполнение желаний, некоторые феи становились осмотрительными. И выбирали для себя только тех детей, чьи желания было кому исполнить, и нужно было всего лишь «рассказать», о чём мечтает сын или дочка, внук или внука...

Но были среди фей волшебницы, которые совершенно не думали о себе. Такие отважно влетали в окна детских домов и старались подарить счастье маленьким сиротам. Находили для них любящих родителей, ведь именно мечта о семье — самое заветное желание таких ребятишек. Имелись среди фей даже те, кто «подслушивал» мысли бездомных кошечек и собачек и помогал им обрести добрых хозяев, распуская свои пластицы до последней ниточки...

Из-за таких самоотверженных волшебниц в пушистом одуванчиковом шаре появлялись проплешины — количество фей уменьшалось, зато росло количество Добра вокруг.

Однажды случилось и вовсе необычное. Едва наступило время волшебства и феи расцепили ручки, чтобы разлететься в разные стороны, подул ветерок и... одну фею-пушилку внесло в двери магазина игрушек, рядом с которым, если вы помните, и вырос необыкновенный одуванчик.



Дело в том, что хозяйка магазина задержалась допоздна на работе, оформляя большую партию нового товара (взрослые такие странные — для них игрушки могут быть просто товаром), и как раз выходила на улицу. А затем... закрыла дверь на ключ и поставила помещение на сигнализацию. Фея же пролетела через весь зал и застряла между ворсинками плюшевого медвежонка.

Игрушка была размером с настоящего медвежьего детёныша, когда в возрасте одного месяца у мишек открываются глазки и они начинают с любопытством изучать окружающий мир. Вот и глазки плюшевого малыша словно только-только распахнулись — так много было в них радостного удивления и ожидания всяческих чудес. В темноте магазина фея не успела рассмотреть ни цвет шёрстки медвежонка, ни цвет его круглых глазок, только заметила их блеск, прежде чем оказалась в плена густых ворсинок.

«Ну вот, — огорчилась волшебница, — целая ночь пропадёт! А ведь я могла бы подарить счастье нескольким ребятишкам! А тут вокруг лишь бездушные игрушки...»

И вдруг фея услышала... Нет, наверное, ей показалось... Или всё же действительно услышала?.. Раздался тихий протяжный вздох,





а затем она уловила мысли, как если бы рядом с ней находилось живое существо. «Эх... — думал кто-то неизвестный, — вот бы меня купили и стал бы я самой-самой-самой любимой игрушкой для самого-самого-самого хорошего человека...»

Фея удивилась и попыталась выбраться из ворсинок на свободу.

— Хи-хи, щекотно! — засмеялся медвежонок, и волшебница поняла, кому принадлежало заветное желание.

— Ты умеешь думать? — изумилась фея.

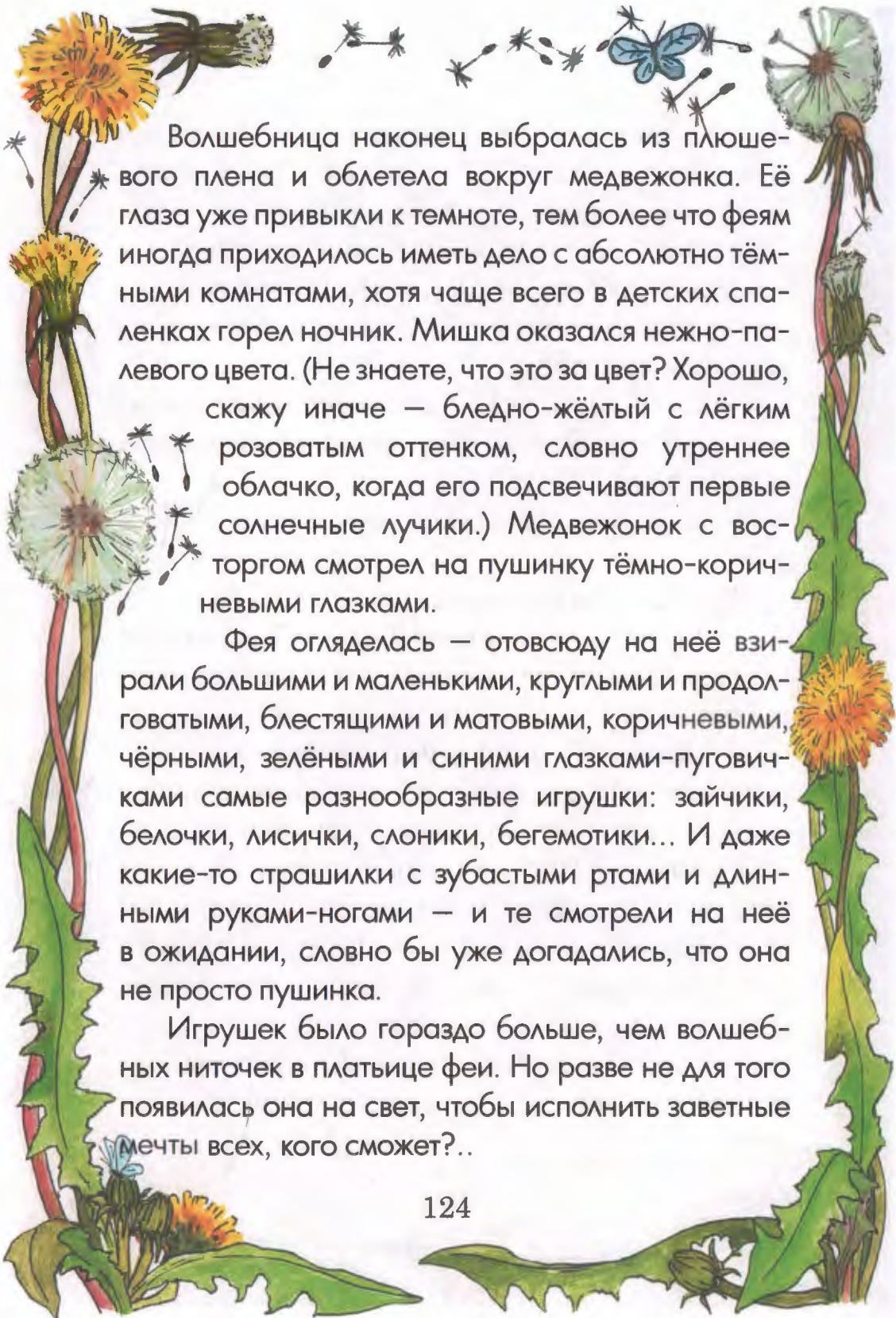
Медвежонок растерялся.

— А разве можно уметь НЕ думать? — вежливо переспросил он, не понимая, кто с ним разговаривает.

— Можно НЕ уметь думать, — возразила волшебница. — Ты ведь игрушка, а не живой мишка.

— Ну и что, что игрушка, — обиделся плюшевый малыш. — Нас тут целый магазин. И у всех есть мысли, даже у пластмассовых неваляшек! И у каждого есть мечта — поскорее обрести постоянный дом. И даже не сам дом нам важен, а радость того, кому нас дарят.

— Надо же, какой ты разумный, — уважительно произнесла фея. — Прости, что сначала обидела тебя.



Волшебница наконец выбралась из плюшевого плена и облетела вокруг медвежонка. Её глаза уже привыкли к темноте, тем более что феям иногда приходилось иметь дело с абсолютно тёмными комнатами, хотя чаще всего в детских спальнях горел ночник. Мишка оказался нежно-палевого цвета. (Не знаете, что это за цвет? Хорошо, скажу иначе — бледно-жёлтый с лёгким розоватым оттенком, словно утреннее облачко, когда его подсвечивают первые солнечные лучики.) Медвежонок с воссторгом смотрел на пушинку тёмно-коричневыми глазками.

Фея огляделась — отовсюду на неё взирали большими и маленькими, круглыми и продолговатыми, блестящими и матовыми, коричневыми, чёрными, зелёными и синими глазками-пуговичками самые разнообразные игрушки: зайчики, белочки, лисички, слоники, бегемотики... И даже какие-то страшилки с зубастыми ртами и длинными руками-ногами — и те смотрели на неё в ожидании, словно бы уже догадались, что она не просто пушинка.

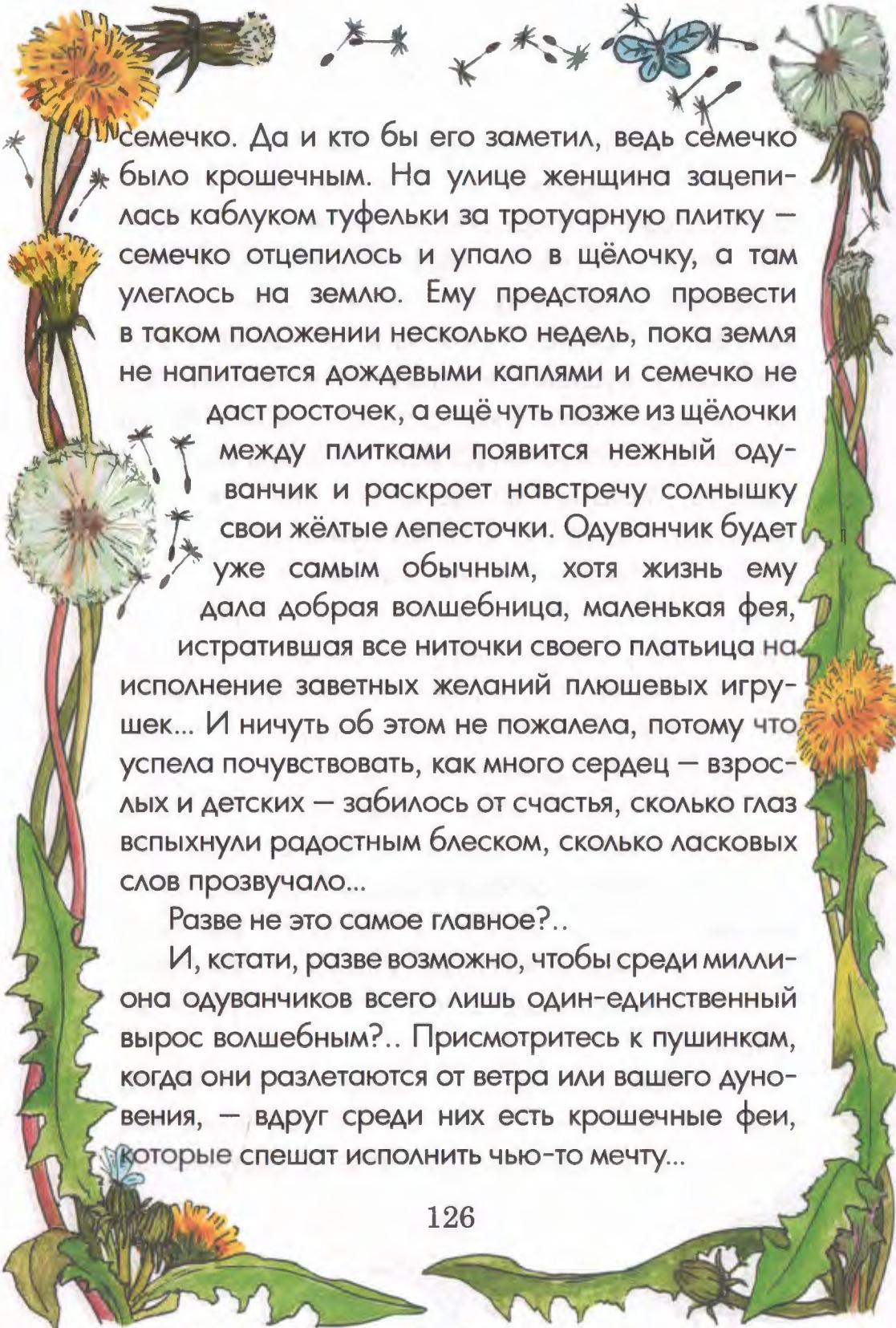
Игрушек было гораздо больше, чем волшебных ниточек в платьице феи. Но разве не для того появилась она на свет, чтобы исполнить заветные мечты всех, кого сможет?..



...Следующий день принёс хозяйке магазина много неожиданностей. Столько покупателей бывало разве что перед Новым годом, а тут — обычный летний вторник... Первым, едва она успела перевернуть табличку на двери с «Закрыто» на «Открыто», пришёл мужчина и, оглядывая полки с мягкими игрушками, задержался глазами на плюшевом медвежонке. Малыш развелся. Взгляд покупателя заскользил дальше, но снова вернулся к мишке. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, а затем мужчина уверенно показал на медвежонка продавщице. Его посадили в красивую подарочную коробку, сквозь которую, если бы люди догадались прислушаться, можно было бы услышать, как радостно бьётся игрушечное сердце — прямо как самое настоящее, человеческое.

Затем пришли мама с девочкой и выбрали себе бельчонка. Потом в магазине появились мальчик с папой, которые забрали слоника. Колокольчик на двери магазина ещё много раз прозвенел, и каждый раз люди уходили с покупкой, а на полках оставалось всё меньше игрушечных зверьков.

Вечером уставшая за день хозяйка снова закрыла магазин. Уходя, она не заметила, как к подошве её туфельки прилипло одуванчиковое

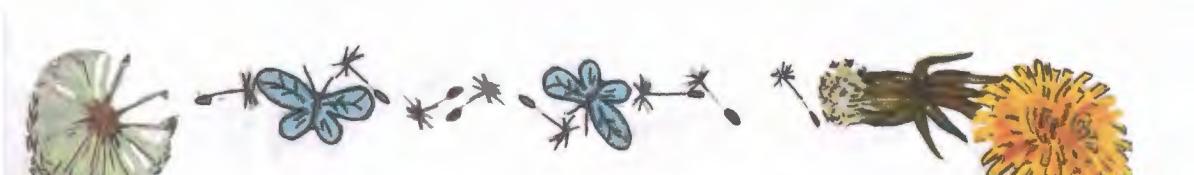


семечко. Да и кто бы его заметил, ведь семечко было крошечным. На улице женщина зацепилась каблуком туфельки за тротуарную плитку — семечко отцепилось и упало в щёлочку, а там улеглось на землю. Ему предстояло провести в таком положении несколько недель, пока земля не напитается дождевыми каплями и семечко не

раст росточек, а ещё чуть позже из щёлочки между плитками появится нежный одуванчик и раскроет навстречу солнышку свои жёлтые лепесточки. Одуванчик будет уже самым обычным, хотя жизнь ему дала добрая волшебница, маленькая фея, истратившая все ниточки своего платьица на исполнение заветных желаний плюшевых игрушек... И ничуть об этом не пожалела, потому что успела почувствовать, как много сердец — взрослых и детских — забилось от счастья, сколько глаз вспыхнули радостным блеском, сколько ласковых слов прозвучало...

Разве не это самое главное?..

И, кстати, разве возможно, чтобы среди миллиона одуванчиков всего лишь один-единственный вырос волшебным?.. Присмотритесь к пушинкам, когда они разлетаются от ветра или вашего дуновения, — вдруг среди них есть крошечные феи, которые спешат исполнить чью-то мечту...



— Смотрите! — завопил вдруг анчутка. —
Никак, солнышко к нам пробилось!

Все повыскакивали из-за стола и столпились у единственного окошка.

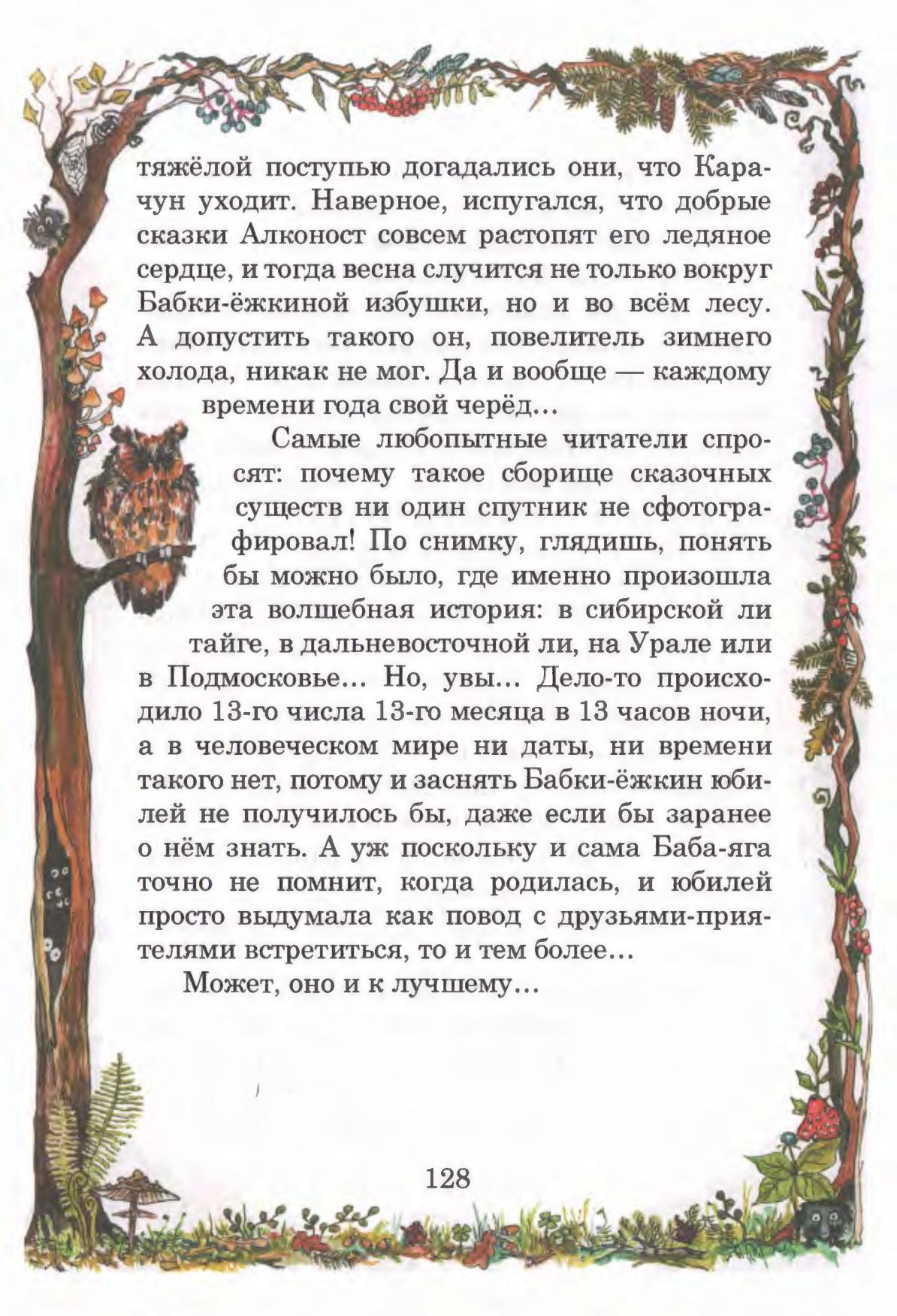
— Вот уж действительно чудеса! — растерялись они от увиденного: никакого снега и в помине не было, а поляну, на которой избушка на курьих ножках стояла, сплошь покрывал жёлтый ковёр... одуванчиков!

— Да как же так-то? Это что ж мы, не только всю ночь, а до самой весны тут просидели, что ли? — изумлялись гости.

Анчутка подбежал к двери и распахнул её — в избушку ворвался тёплый воздух, напоённый ароматами трав, цветов, ягод, свежих хвойных иголок... Звенели щебетом птицы; бодро стучал дятел на старой ёлке, что росла возле избушки; кукушка, прячась где-то в колючих ветках, отсчитывала каждому очередную тысячу лет; жужжали шмели и пчёлы, перелетая с одуванчика на одуванчик и собирая пыльцу для мёда...

— Глядите-ка туда! — опять завопил анчутка.

Юбилиарша и гости посмотрели в ту сторону, куда указывал бесёнок, и удивились ещё больше: лес, окружавший поляну, был белым, тихим и сонным, как и полагается зимой. И только по затихающему хрусту снега под



тяжёлой поступью догадались они, что Ка-
рун уходит. Наверное, испугался, что добрые
сказки Алконост совсем растопят его ледяное
сердце, и тогда весна случится не только вокруг
Бабки-ёжкиной избушки, но и во всём лесу.
А допустить такого он, повелитель зимнего
холода, никак не мог. Да и вообще — каждому
времени года свой черёд...

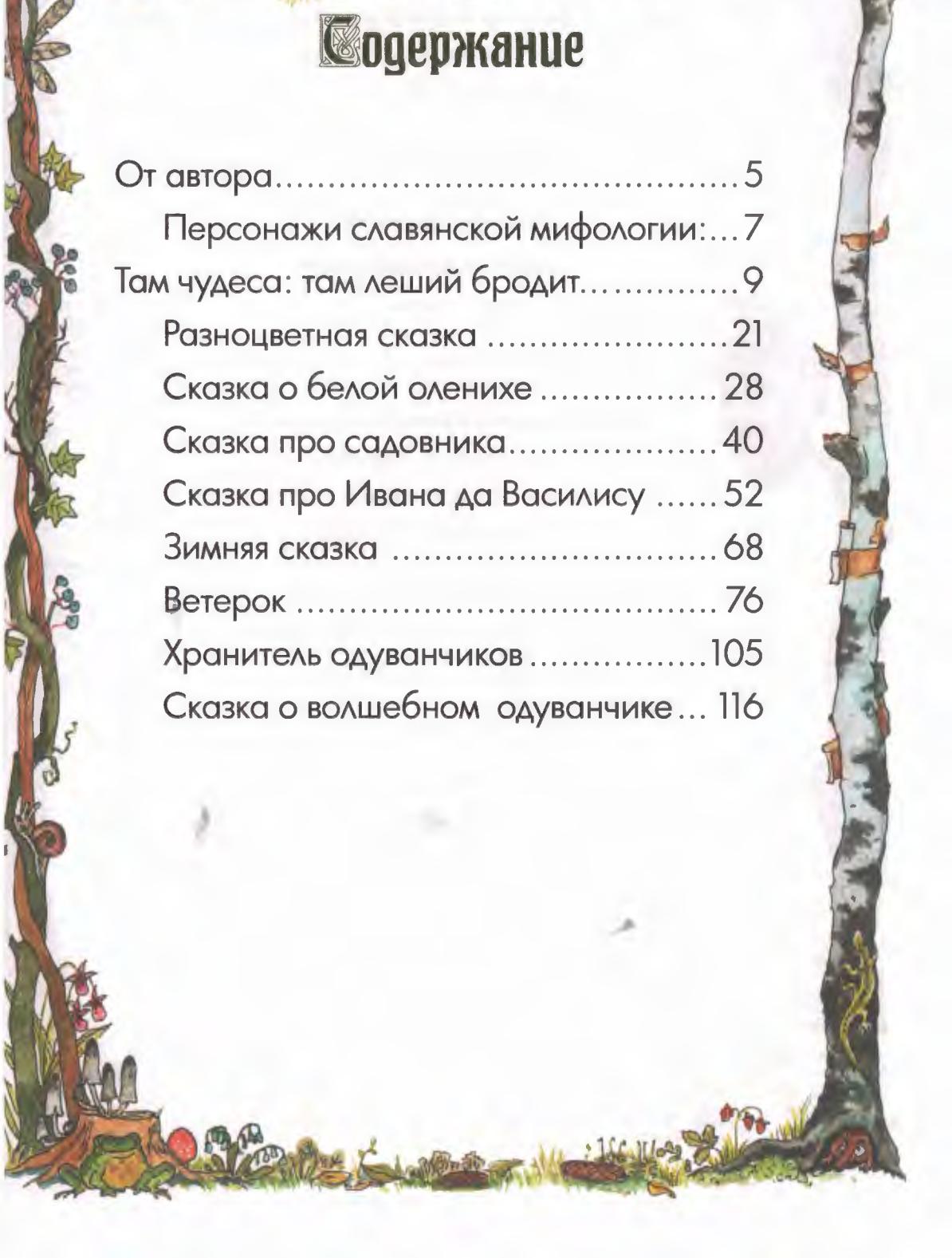
Самые любопытные читатели спро-
сят: почему такое сборище сказочных
существ ни один спутник не сфотогра-
фировал! По снимку, глядишь, понять
бы можно было, где именно произошла
эта волшебная история: в сибирской ли
тайге, в дальневосточной ли, на Урале или
в Подмосковье... Но, увы... Дело-то происхо-
дило 13-го числа 13-го месяца в 13 часов ночи,
а в человеческом мире ни даты, ни времени
такого нет, потому и заснять Бабки-ёжкин юби-
лей не получилось бы, даже если бы заранее
о нём знать. А уж поскольку и сама Баба-яга
точно не помнит, когда родилась, и юбилей
просто выдумала как повод с друзьями-прия-
телями встретиться, то и тем более...

Может, оно и к лучшему...



Содержание

От автора.....	5
Персонажи славянской мифологии:	7
Там чудеса: там леший бродит.....	9
Разноцветная сказка	21
Сказка о белой оленихе	28
Сказка про садовника.....	40
Сказка про Ивана да Василису	52
Зимняя сказка	68
Ветерок	76
Хранитель одуванчиков	105
Сказка о волшебном одуванчике...	116





По вопросам приобретения книги обращаться по контактам,
указанным на сайте автора:
olgamalyshkina.ru

Литературно-художественное издание

Ольга Малышкина

Там чудеса: там леший бродит

Сборник сказок

Маркировка согласно ФЗ № 436: 6+

Текст печатается в авторской редакции.

Иллюстрации: Е. Зарубина.

Дизайн обложки: Е. Зарубина и В. Жариков.

Компьютерная вёрстка: В. Жариков.

Формат 165x235. Бумага офсетная.

Гарнитура Century Schoolbook, LuzSans-Book.

Объём 130 с. Тираж 1000 экз.

ЕАС Изготовлено в России.

Издательство «РуДа».

111672, Москва, ул. Городецкая, дом 8, к.1, оф. 96.

Тел.: +7 (495) 137-49-60,

e-mail: id@rudapub.ru, www.rudapub.ru

Отпечатано с готовых pdf-файлов

в типографии АО «Т8 «Издательские технологии».

Москва, Волгоградский пр., 42, к.5, тел. +7 (499)322-38-31.

Что главное в сказке? Чудо, не правда ли? Чудо, которое делает даже самые злые сердца добрыми, а мир вокруг нас — волшебным и удивительным. В этом мире есть тридевятые царства с тридцати государствами, красавицы царевны и удалые молодцы, колдуны и феи; здесь в садах растут прекрасные цветы, однако можно встретить и самые простые — но лишь на первый взгляд! — одуванчики; в здешних лесах водятся лешие, кикиморы, водяные с русалками — да всех разве перечислить! И в избушке на курьих ножках живёт Баба-яга, которая решила — в кой-то веки! — отпраздновать свой юбилей...



ISBN 978-5-9073559-7-2

A standard linear barcode representing the ISBN number.

9 785907 355972 >

